В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

2 • 1979

Фото В. Опалина

НАУКА И РЕЛИГИЯ 2·79

НАША ОБЛОЖКА

Как научить детей любить природу? Как привить им бережное отношение к живому миру? Чтобы в отрочестве не ломал человек деревья, чтобы потом ему, взрослому, было далеко не безразлично, отравляет ли завод, на котором он работает, отходами производства расположенную поблизости речку. Видимо, следует всерьез начинать экологическое воспитание ребят уже с раннего детства. И прекрасно, когда этим занимаются не отдельные энтузиасты-одиночки, а государственные учреждения, и в первую очередь школы.

На второй странице обложки — фотографии, сделанные в Литве. Здесь в школах есть великолепные биологические кабинеты со множеством живых наглядных пособий, слайдов и специальных кинофильмов о природе, свои теплицы. Почти везде имеются большие пришкольные участки, где обязательно работают все ученики. В городах существуют еще и «зеленые патрули». В Клайпеде, например, за каждой школой закреплен участок улицы, и ребята постоянно следят за его чистотой: убирают мусор, обрезают деревья, сажают новые и т. д.
Проводятся и так называемые экскурсии в природу. В маленьком городке Гаргждая мне довелось принять участие в одной из них. Апрельским днем учитель биологии Стасис Глобис отправился вместе с детьми на берег речки Минии. Сколько они узнали всего лишь за 3—4 часа! И какие птицы уже прилетели, и что за деревья первые выбросили почки, и как ведет себя речка во время половодья. Ребята вели наблюдения, установили скворечники. Вот и так можно развить любовь к природе, настоящее чувство ответственности за окружающую человека среду.

В. ОПАЛИН, фотокорреспондент

На третьей странице обложки — эскизы театральных декораций из фондов Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина.

Федор Григорьевич Волков — актер и режиссер, основатель русского театра. «...Зерна, посеянные Федором Волковым на ниве театрального искусства, дали и дают обильные всходы, богатейшую жатву. Выйдя буквально из глубин народа, Волков прекрасно понимал, что театр — не просто развлечение, а трибуна борьбы, возможность высказать определенные идеи».

Из интервью с М. И. Царевым (см. стр. 55).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Практика: опыт, проблемы

Духовный мир человека

Религия, церковь, верующий

Социалистическая демократия в действии

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Божественные растения: правда и вымысел

Теология и наука

История и современность

Литература, искусство

В странах социализма

За рубежом

ЭСТАФЕТА

Второе Всесоюзное совещание-семинар по социалистической обрядности

Б. МАРЬЯНОВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

В минувшем октябре, в яркие, солнечные дни золотой украинской осени, из всех союзных и автономных республик, краев и областей страны съехались в Киев участники второго Всесоюзного совещания-семинара по социалистической обрядности, организованного Правлением Всесоюзного общества «Знание», Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, Министерством культуры СССР, Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В совещании-семинаре приняли участие партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, сотрудники культурно-просветительных учреждений, ученые, активисты общества «Знание», журналисты, а также идеологический актив столицы Украины — всего около 600 человек.

ФАКТЫ И ЦИФРЫ

Почти полтора десятилетия отделяют второе Всесоюзное совещание-семинар от первого, состоявшегося в Москве в 1964 году. Срок солидный, но и сделано за это время немало. Закончился этап социального эксперимента, сложилась широкая, многообразная система новых, социалистических праздников, обрядов, ритуалов, которые органической составной частью вошли в культуру и быт общества развитого социализма, стали яркой гранью советского образа жизни.

Связанная со всеми сторонами жизни общества и личности советская социалистическая обрядность, эта своеобразная эстафета духовного богатства, имеет огромное значение для развития культуры народа. С ее помощью новые поколения приобщаются к социальному опыту предыдущих поколений, учатся глубже понимать историю своей страны, смысл и цель жизни. Социалистическая обрядность помогает утверждать коммунистические духовные ценности, формировать научное, материалистическое мировоззрение, гармонически развитую личность.

Если в начале 60-х годов разработкой проблем новой обрядности и ее практическим воплощением в жизнь занимался сравнительно узкий круг специалистов и энтузиастов, то сегодня в этом деле, ставшем поистине всенародным, участвует многочисленный отряд работников самых различных рангов, категорий и специальностей — от ученых и мастеров искусств до работников торговли и бытового обслуживания.

За время, прошедшее между первым и вторым Всесоюзными совещаниями-семинарами, вопросы становления и совершенствования новой обрядности находили отражение в партийных документах, освещались в печати, обсуждались на научно-практических конференциях и семинарах, организованных Всесоюзным и республиканскими обществами «Знание» в Новгороде, Алма-Ате, Ереване, Риге, Омске, Калуге, Перми, Краснодаре. Проблемы традиций и новой обрядности были предметом обсуждения во время стажировки референтов и председателей научно-методических советов по пропаганде научного атеизма республиканских обществ «Знание» в Москве (1975 г.),а также директоров Домов научного атеизма в Ленинграде (1976 г.).

За полтора десятилетия во многих союзных и автономных республиках, краях и областях накоплен богатый опыт работы по развитию и совершенствованию новой обрядности.

На Украине еще в 1964 году была создана республиканская Комиссия по новым обрядам и праздникам при Министерстве культуры Украинской ССР. В 1969 году она была преобразована в Комиссию по изучению и внедрению новых гражданских обрядов при Президиуме Верховного Совета УССР. А в начале 1978 года она была подчинена Совету Министров республики; возглавила комиссию заместитель Председателя Совета Министров УССР М. А. Орлик.

1 сентября 1978 года Президиум Верховного Совета УССР специальным указом утвердил Положение о комиссиях по советским традициям, праздникам и обрядам. Согласно этому положению, такие комиссии теперь созданы при всех областных, городских, районных, сельских и поселковых Советах народных депутатов. Возглавляют комиссии председатель, заместитель председателя либо секретарь исполкома соответствующего местного Совета. Аналогичные комиссии создаются также на многих крупных промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, по месту жительства населения.

Большая работа проведена в республике по созданию материальной базы новой обрядности, организации различных обрядовых служб. Учреждения записи актов гражданского состояния были преобразованы в отделы загса исполкомов Советов народных депутатов, и это расширило возможности торжественной регистрации браков и новорожденных. Достаточно сказать, что из имеющихся на Украине почти 100 Дворцов и Домов торжественных событий примерно три четверти созданы в последние два года. Сейчас на Украине действуют более 400 обрядовых бюро и 940 специализированных предприятий, цехов и мастерских, 94 Дворца и Дома торжественных событий, 8 500 обрядовых залов и комнат, 500 салонов обрядовых услуг, 68 праздничных залов. В музыкальном сопровождении обрядов участвуют 1500 вокальных коллективов и хоров, 1150 оркестров. Диапазон форм и видов различных обрядовых услуг, оказываемых населению республики, превысил 90 наиме-

ДУХОВНОГО БОГАТСТВА

нований. В Киеве создана специализированная фирма «Свято» («Праздник»). Специальные службы есть и в системах Министерства жилищно-коммунального хозяйства и Министерства бытового обслуживания населения.

Успешно решается на Украине также задача обеспечения кадрами этой важной сферы духовной жизни общества. Здесь работают 11 тысяч утвержденных исполкомами местных Советов организаторов и исполнителей обрядов, среди них 90 процентов — народные депутаты. Эти обязанности несут многие уважаемые, известные в республике люди, например киевляне — Герой Социалистического Труда токарь завода «Арсенал» Виктор Петрович Щербина, участник Отечественной войны дважды Герой Советского Союза Иван Алексеевич Воробьев, заведующая городским отделом загса города Севастополя Герой Советского Союза Мария Карповна Байда, заслуженный учитель школы УССР Михаил Иванович Молнар (Закарпатская область) и многие другие.

Над развитием и совершенствованием новой обрядности активно трудится многотысячный отряд энтузиастов-общественников.

Министерство культуры УССР вместе с союзами композиторов и писателей, музыкальным обществом провели конкурс музыкальных произведений и песен для сопровождения обрядов. Лучшие из 28 произведений, поступивших на конкурс, теперь звучат в Дворцах и Домах торжественных событий.

Таким образом, на Украине завершено создание основ государственной системы новой обрядности, она широко и повсеместно входит в жизнь, в быт населения республики. Этим и объясняется в первую очередь то, что местом проведения второго Всесоюзного совещания-семинара по социалистической обрядности была избрана столица Украины.

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ СИЛА ОБРЯДА

Социалистическая обрядность родилась не для того, чтобы вытеснить религиозную. Правда, на первых этапах, говорил директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС доктор философских наук профессор П. К. Курочкин, она формировалась прежде всего как средство борьбы с религией. Достаточно вспомнить, скажем, комсомольские «рождества», «пасхи», «сожжение богов» и другие антирелигиозные карнавалы.

Однако очень скоро работа по формированию и развитию новой обрядности в нашей стране миновала сугубо антирелигиозную стадию. С продвижением советского общества вперед сама жизнь выдвинула на первый план созидательное, позитивное содержание обряда, утверждавшего самое существенное в образе жизни социалистического общества. И в дальнейшем, с каждым новым шагом по пути коммунистического строительства, антирелигиозная сущность обрядов будет все больше уходить на задний план. Так что если мы говорим об атеистической функции советского обряда, то лишь постольку, поскольку он, наряду с другими, выполняет и эту функцию, но не она в нем главная, определяющая.

Недаром в системе социалистической обрядности нет специально атеистического праздника. Эта сторона новой обрядности выступает в единстве со всеми другими ее функциями. Например, большинство религиозных обрядов утверждает избранность его участников, их исключительность по сравнению с инаковерующими, неверующими, даже людьми других национальностей. Социалистическая же обрядность, проникнутая коммунистическими идеалами, наоборот, способствует объединению людей независимо от их мировоззренческих установок и национальной принадлежности. Или, скажем, любой религиозный обряд несет участвующему в нем человеку идею, что он — «раб божий», «одинокий путник», в то время как социалистические праздники и обряды, утверждая неповторимость, самоценность каждой личности, провозглашают принцип коллективизма: один за всех, все за одного. Недаром позитивное, жизнеутверждающее содержание социалистических праздников и обрядов привлекает к участию в них всех советских людей, в том числе и верующих.

Таким образом, идеи гуманизма, коллективизма, интернационализма, патриотизма, которыми проникнуты советские праздники и обряды, наносят серьезный удар по религиозной психологии индивидуализма, по всему комплексу религиозных взглядов.

К. Маркс определял религию как «иллюзорное солнце». Погасить в сознании верующего это «иллюзорное солнце», сказал руководитель проблемной группы Киевского филиала Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС кандидат философских наук Н. М. Закович, как правило, удается только тогда, когда верующий увидит, ощутит животворные лучи действительного солнца. Несколько этих лучей тянутся к нему от наших праздников и обрядов.

В доказательство этой истины достаточно, наверное, сослаться на цифры, которые привела заместитель министра культуры СССР Т. В. Голубцова. В 1975 году, сказала она, в Эстонской ССР венчались около 30 процентов молодоженов, а после того как в республике открылись десятки

Домов бракосочетания, в 1977 году из 12500 новых семейных союзов 98 процентов были зарегистрированы в торжественной обстановке. Теперь в республике к помощи церкви прибегают не более двух процентов молодоженов. И еще один факт. По данным ленинградских исследователей, свыше 80 процентов людей, порвавших в последние годы с религией, в той или иной степени связывают свое решение с влиянием новой обрядности.

СУТЬ И ОБРАЗ

Социалистические традиции, праздники и обряды — один из действенных способов приобщения людей к общественным идеалам, ценностям, принципам, превращения их в личные убеждения, в нормы повседневного поведения. «...Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими»,— все это, по словам Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, яркие грани советского образа жизни. И социалистическая обрядность, способствующая утверждению коммунистических идеалов в сознании и поведении людей, их идейно-нравственному и мировоззренческому воспитанию, тоже одна из таких граней.

Традиции, праздники и обряды буквально пронизывают всю нашу жизнь, связаны со всеми ее сферами: трудовые — с экономической, праздники «красного календаря» — с политической, а так называемые лично-семейные — с повседневной жизнью и бытом.

Трудовые праздники и обряды рождены самой сутью социалистического строя, ведь труд в нашей стране есть дело чести, доблести и геройства. Они воспитывают уважение к труду, людям труда, их профессии, способствуют формированию коммунистического отношения к труду и общественной собственности, воспитывают рабочую честь и профессиональную гордость, зовут к трудовым подвигам, помогают каждому осознать общественную значимость и смысл своего труда, ощутить себя непосредственным участником коммунистического строительства: человек глубже осознает свое единство с народом, чувство личной ответственности перед людьми и обществом в целом.

«Трудом славен человек, по труду и честь»,— гласит народная мудрость. И этот принцип органически присущ нашему строю, вытекает из самой сути советского образа жизни.

Взять, к примеру, наш Праздник труда, говорил директор Дома культуры «Кировец» ленинградского производственного объединения Кировский завод (бывший Путиловский) А. С. Фомин. Встреча четырех поколений путиловцев-кировцев — один из самых популярных праздников на объединении. Проводится он в первое воскресенье апреля.

Начинаем праздник у проходной завода. Отсюда в свой путь по улицам и площадям Ленинграда отправляется празднично украшенная колонна тракторов, в ее центре — открытая автомашина с представителями четырех поколений: передовиком труда старшего поколения, ветераном Великой Отечественной войны, лучшим комсомольцем-производственником и пионером-отличником одной из подшефных школ. Им, лучшим из лучших, доверена честь рапортовать о славных делах поколений в день рождения предприятия. В течение последних лет эти рапорты проводятся в местах, памятных сердцу каждого советского человека: у Смольного, на борту легендарного крейсера «Аврора», у памятника-шалаша в Разливе, на Марсовом поле, на площади Победы.

После митинга праздничный кортеж возвращается к Дворцу культуры. Здесь лучшим рабочим объединения вручают учрежденные «Трудовым кодексом кировца» почетные знаки: кадровым производственникам — знак «Заслуженный кировец», а лучшим молодым рабочим — знак «Молодому кировцу — за доблестный труд». Заканчивается торжественная часть призывом хранить и умножать славные традиции путиловцев-кировцев, родного завода.

Праздники труда — посвящение в рабочие и колхозники, чествование трудовых династий, Праздник первой борозды, многочисленные профессиональные праздники — рождены жизнью. Они складываются буквально на наших глазах. Например, совсем недавно на строительстве Нурекской ГЭС зародилась новая форма соревнования — Рабочая эстафета, которая стала событием не только в жизни Таджикистана, но и всей страны. Появились, естественно, и новые формы чествования победителей социалистического соревнования — такие, как, скажем, наполненные высоким подъемом, братским гостеприимством, советским интернационализмом встречи с представителями предприятий-поставщиков из других республик.

Ярки сегодня трудовые праздники и на селе. В частности, вспомнили участники совещания вечера «Портреты передовиков сельскохозяйственного производства» в Кустанайской области, праздники Серпа и Молота в Белоруссии. Вспомнили о прошлогоднем празднике «Октябрь — судьба моя» в селе Златоустовка Донецкой области, героями которого стали представители династии хлеборобов.

Когда изучаешь жизнь людей, которым посвящен праздник, говорил Д. М. Генкин, доцент Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской, то находишь и интересные повороты в сценарии. Особенно если речь идет о чествовании людей. Помню, разрабатывая как-то сценарий проводов на пенсию заслуженного человека, мы долго не могли найти образ этого вечера, ключ к нему. Только после кропотливого изучения биографии этого человека, неоднократных бесед с ним мы нашли нужный символ. Им стала дорога, потому что он — шофер — вместе со всей страной прошел дорогами гражданской и Великой Отечественной войн, дорогами наших пятилеток.

Вряд ли здесь стоит много говорить об огромном социальном значении самых главных общегосударственных праздников, в которых наиболее полно воплощены наши общественные идеалы и верность революционным традициям. Лейтмотив этих праздников, определяющий их огромное политическое и воспитательное значение,— нерушимое единство советских людей, сплоченность, преданность великой Родине, интернациональное братство народов Страны Советов.

И прежде всего это касается праздника в честь

главного события XX века — Великой Октябрьской социалистической революции. Он отмечается в нашей стране всегда торжественно. Особенно это было заметно в дни подготовки и проведения 60-летнего юбилея Великого Октября. В числе многих других юбилейных мероприятий по всей стране были проведены тематические вечера и устные журналы на темы: «Партия — наш рулевой», «Знамена Октября», «В боях за Отчизну Советов», «Мы строим коммунизм» и другие.

Обрядовый староста С. Д. Бессмертная с близнецами Ольгой и Кириллом Рыбкиными во Дворце торжественных событий Ленинградского района города Киева.

Навсегда запомнят эти минуты киевляне Светлана и Виктор Блиновы.

Фото Б. Градова

Такие памятные медали в честь новорожденных вручаются их родителям.

В праздничной обстановке проходит вручение паспорта гражданина СССР во Дворце торжественных событий Московского района г. Киева. На снимке: Герой Социалистического Труда токарь завода «Арсенал» В. П. Щербина вручает паспорт десятикласснику Юрию Бобруку.

В перерыве между заседаниями киевского совещания-семинара. В зале выставки встретились заместитель председателя Азизбековского райисполкома г. Баку Б. Алекперов, украинский поэт Д. Луценко и заведующий отделом пропаганды и культурно-массовой работы ЦК ЛКСМ Казахстана Е. Алданов.

В Российской Федерации юбилейные вечера были посвящены рассказу о важнейших этапах борьбы советского народа за социализм. Удачным, например, получился тематический вечер «Есть у революции начало, нет у революции конца» в Козловском сельском Доме культуры Лопатинского района Пензенской области. Сценарий вечера создали на местном материале. Это был эмоциональный рассказ о том, чем живут здесь люди, чем стала для них Советская власть, что отстаивали они в огне гражданской и Великой Отечественной войн,

в чем сила и жизненность социалистического строя. Вся атмосфера вечера была пронизана человечностью, взаимопониманием, сознанием чувства высокой ответственности за любимую Родину.

С трибуны совещания-семинара говорилось о том огромном воспитательном духовном потенциале, который несут в себе книги воспоминаний Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Они ярко рассказывают о славных боевых и трудовых традициях советского народа, составляющих замечательный, вдохновляющий пример для молодежи, учат помнить героев войны и труда, помнить их подвиг, бережно хранить и приумножать завещанное ими духовное богатство. Во время многих празднеств и торжественных событий — на вечерах боевой и трудовой славы, встречах трех поколений, чествованиях ветеранов войны и героев труда — звучат строки, приводятся примеры из воспоминаний Л. И. Брежнева, называются как образец для подражания имена людей, о ратных и трудовых подвигах которых он рассказал в своих книгах.

Все большее распространение получает традиция проводить торжественные митинги, церемонии непосредственно у памятников, монументов и комплексов, воздвигнутых в местах революционной, боевой и трудовой славы народа — в Шушенском, на Мамаевом кургане, в Ясной Поляне, на Куликовом поле.

Сейчас вокруг священных для каждого советского человека мемориалов и памятников уже сложилась целая система традиций, праздников, ритуалов: почетные караулы, комсомольские и пионерские посты, торжественные марши и парады войск, торжественные проводы юношей на службу в Советскую Армию и т. д.

30 лет назад, говорил заместитель министра культуры Белорусской ССР А. Н. Ваницкий, возродилась на нашей земле древняя традиция славян: в память о павших героях насыпать курганы бессмертия. В республике их уже более 100. Кошелками, солдатскими касками, просто в ладонях несут сюда священную землю с братских могил, мест героических боев рабочие и служащие, ветераны и солдатские вдовы. «По слезинке от вдов, по кровинке от ран — посмотрите, какой вырастает курган!» — пишет об этом поэт. Рукотворной благодарностью потомков героизму и мужеству воинов стали в Белоруссии эти курганы, у которых бьется на ветру пламя Вечного огня народной памяти. Монументы боевого братства воздвигнуты там, где сходятся границы России, Украины и Белоруссии; России, Литвы и Белоруссии, в поселке Ленино Горецкого района Могилевской области, где во время Великой Отечественной войны приняли боевое крещение сформированные в Советском Союзе части Войска Польского.

Секретарь Житомирского обкома Компартии Украины В. Е. Острожинский рассказал о том, что в области традиционными стали праздники интернациональной дружбы. В Овручском районе, например, их посвящают боевому братству советских и чехословацких воинов в Великой Отечественной войне, сотрудничеству двух братских народов в строительстве социализма и коммунизма. В Овруче сооружен памятник Герою Советского Союза и национальному Герою Чехословакии Яну Налепке, погибшему в боях за освобождение города от немецко-фашистских захватчиков.

Характерной особенностью социалистической обрядности является проникновение общенародных праздников в семейно-бытовую сферу. Первое Мая, Октябрьская годовщина, День Конституции — это для нас не только официальные, но и глубоко личные праздники. В то же время события личного характера становятся, как правило, общественно значимыми для целых трудовых коллективов. В этом, кстати, проявляется одна из характерных особенностей обряда: признание социальной важности всего, что происходит в личной жизни человека.

Выступавшие соглашались с мнением профессора кафедры научного атеизма МГУ доктора философских наук Д. М. Угриновича о том, что обряд как элемент духовной культуры служит одним из немаловажных средств передачи социального опыта одного поколения другому. В связи с тем, что постижение сути обряда происходит не только умом, но и чувствами, особенно сильно его воздействие на молодежь. В силу более эмоционального восприятия действительности молодежь прежде всего нуждается в подобных обрядах.

В образной, эмоциональной форме обряда традиции старших поколений ярко переживаются его молодыми участниками, глубоко воспринимаются ими, входят в сознание, становятся убеждением, образцом для подражания. «Очень хорошо, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев,—что советская молодежь наших дней по инициативе комсомола создала такие новые традиции, как походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, соревнование за переходящие знамена героев первых пятилеток, движение наставничества, когда ветераны труда руководят молодежными бригадами, слеты трудовых династий и многое, многое другое. Все это помогает молодым людям как бы расширить рамки своего жизненного опыта, лучше понять и оценить то, что сделано в нашей стране, что достигнуто десятилетиями борьбы партии и народа».

Взять, к примеру, такой обряд, как вручение паспорта. Посвящением в гражданское полнолетие, символическим введением молодого человека в мир социальных достижений советского образа жизни и моральных принципов строителей коммунизма, говорила заместитель председателя исполкома Львовского областного Совета народных депутатов А. С. Самойленко, называют у нас обряд торжественного вручения паспорта. 628 государственных наставников — члены исполкомов Советов народных депутатов, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, наиболее уважаемые люди области — и их помощники делают все, чтобы этот праздник стал волнующим, исполненным глубокого социально-политического смысла, памятным событием в жизни каждого молодого человека.

Праздники и обряды сопровождают человека всю жизнь. Ярко, торжественно акцентируют они самое важное в его биографии. И что примечательно — хотя процесс формирования социалистической обрядности длится уже десятилетия, проблема единства содержания и формы, без чего не может быть атмосферы, когда человек в полной мере чув-

ствует себя участником обряда, все еще достаточно актуальна.

Например, в свадебном обряде наряду с возрождением игровых моментов старинных свадеб, а также таких забытых традиций, как помолвка, встреча молодых хлебом-солью, породнение сватов, что, безусловно, придает событию особую выразительность, отмечал директор Института этнографии АН СССР академик Ю. В. Бромлей, обнаруживаются и «находки» совершенно неожиданного свойства. Почему-то в свадебном обряде возник образ Хозяйки Медной горы. Добро бы еще дело происходило на Урале, хотя и в этом случае не ясно, почему дьяволица-Хозяйка должна олицетворять положительное начало в советском свадебном обряде. Но случилось это на северо-западе страны, где эта символика вообще малопонятна.

Очевидно, не все еще выяснено в закономерностях процесса становления новой обрядности. Взять хотя бы такую проблему. Действо церковного венчания — церемония, которая может вызывать достаточно глубокие эмоциональные переживания. И тем не менее торжественный гражданский обряд вытеснил ее практически повсеместно: венчаются сейчас буквально единицы. Для свадебного обряда скорее характерна тенденция возрождения купеческих замашек. Кое-где, например, меньше 100 человек за свадебный стол не сажают. На такую свадьбу тратят порой все наличные сбережения. Нередко деньги берут в долг, который молодым и их родителям приходится выплачивать годами. Но это уже проблема иного порядка, что же касается религиозного влияния, то можно с уверенностью сказать, что свадебный обряд сегодня практически от него свободен. Торжественный, красочный и веселый, он вытеснил у молодых желание скреплять свой брачный союз церемонией венчания.

А вот обряд крещения, казалось бы, не содержит в себе ничего привлекательного для наших молодых современников: в нем, пожалуй, больше всего осталось от дремучих суеверных представлений и дикарских заклинаний, к тому же он антигигиеничен, опасен для ребенка. А все же крестят детей многие: на совещании-семинаре назывались области, где этому обряду подвергают более трети новорожденных. В чем же дело — почему, вопреки логике, один обряд сошел на нет, а другой еще довольно прочно держится? Какие здесь действуют социальные, психологические, моральные, эстетические и другие факторы и закономерности?

О сложности подобных проблем говорил и заведующий кафедрой философии Казахского университета доктор философских наук профессор Н. С. Сарсенбаев. Он отметил, что переход к новой общественно-экономической формации не ведет автоматически к отмиранию характерных для прежней формации представлений, предрассудков и традиций. Изменения в психологии людей носят затяжной и нередко болезненный характер. Взять, к примеру, комплекс феодально-байских пережитков, тесно связанных с исламом. Здесь мы видим трудно разрываемую цепь таких обычаев, как сила родового деления, родовое понятие позора, отношение к женщине как к неполноценному существу, выдача замуж несовершеннолетних, калым и т. д. Для борьбы с этими пережитками одних призывов мало — нужна повседневная работа.

Тысячами нитей связан человек с окружающими его людьми. Поэтому вполне естественна скорбь людей, когда жизнь обрывается. Для близких похороны человека — не только горестный момент. Трагичность свершившегося, невозвратность потери, невольные раздумья о конечности жизни заставляют людей остро переживать утрату. Порой дело доходит даже до пересмотра мировоззренческих установок. Любые недоработки в организации обряда похорон заставляют человека чувствовать себя еще беззащитнее перед лицом смерти. Недаром это событие, как никакое иное, остается областью самого острого столкновения с религией.

На совещании подчеркивалась и специфика похоронного обряда. Здесь не подходят те средства эмоционального воздействия, которые сопровождают другие обряды. Похоронный обряд нужен не мертвым, он нужен живым. Это в церковной церемонии и атрибутике подчеркивается идея: помни о смерти. А суть гражданского обряда иная — так проводить человека в последний путь, чтобы люди почувствовали, что каждый из нас ценен для общества. А живым остается память об умершем, уважение к тому, что он оставил людям, и долг продолжать его дело. Вот почему гражданский обряд похорон подчеркивает мысль, чуждую религиозному мировоззрению: помни о жизни. Особенно привлекает опыт, сложившийся в республиках Советской Прибалтики. Здесь ищут наиболее деликатные формы соболезнования людям, потерявшим близких. Все, до самых мелочей, пронизано данью доброй памяти умершему, пониманием горя и желанием помочь и утешить в этот трудный момент.

ДЕЛО ВАЖНОЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Внедрение обряда в быт — процесс сложный и тонкий. Однако если вспомнить, что церковные обряды создавались и совершенствовались веками, то наши сегодняшние, пусть пока еще скромные, достижения оказываются достаточно значимыми. Этот факт говорит о том, как важна для развития и совершенствования новой обрядности общественная и государственная забота, — тема, которая была в центре внимания участников секции «Организационно-методические и материально-технические вопросы социалистической обрядности».

Как известно, обряды, обычаи, праздники только тогда закрепляются в быту, когда они становятся повседневным явлением, когда охватывают всех и входят в каждый дом. И здесь очень важно не пропустить каждую ценную находку, подхватить ее, развить и закрепить в практике. Большие усилия в этом направлении предпринимают организации общества «Знание», которые в последние годы активизировали работу по пропаганде новой обрядности. В частности, в РСФСР в 1977 году прочитано почти четыре миллиона лекций по этой тематике.

На совещании выступили первый заместитель председателя Правления Всесоюзного общества «Знание» Ю. К. Фишевский, заместитель председателя Правления общества «Знание» РСФСР М. С. Хромова и другие представители этой массовой организации.

Так, заместитель председателя Правления общества «Знание» Киргизской ССР С. Ю. Труш рассказала, какую работу в этом направлении ведут сове-

ты аксакалов — советы старейшин, созданные во всех районах и селах республики. Уважение к старшим — одна из замечательных традиций народов Средней Азии. Но эта традиция имеет и негативную сторону: верующие старики своим авторитетом могут поддерживать религиозные пережитки. В то же время достаточно одному уважаемому человеку отойти от старых обычаев, как его примеру следуют многие другие. А в наших советах, сказала С. Ю. Труш, уважаемые аксакалы, ветераны войны, ветераны труда, ведут самую активную работу по утверждению советского образа жизни с его новыми праздниками и обрядами.

Мы убедились, говорила председатель научно-методического совета по клубной работе и советским обрядам Министерства культуры Эстонской ССР С. Я. Саксен, что только общие усилия всех учреждений и общественных организаций могут дать эффективный результат. Наш опыт, опыт других республик подтверждает, что процесс формирования гражданской обрядности — равно как и любой другой, связанный с совершенствованием советского образа жизни, — это целеустремленный, сознательно направляемый процесс.

Огромное значение имеет система организации научно-методического руководства. У нас в Эстонии таким координирующим центром стала созданная летом 1975 года республиканская Комиссия по гражданским обрядам, возглавляемая заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР. Опыт, накопленный в республике, уже позволяет сделать некоторые конкретные выводы. И прежде всего подсказывает, что широкое внедрение социалистической обрядности требует большого количества умелых организаторов этого дела. Стало уже ясно, например, что в каждом населенном пункте должны быть специальные люди, которые выполняли бы обязанности руководителей и исполнителей обрядов. Вот почему подбор и подготовка кадров — одна из наших важнейших задач. При ЦК Компартии действует двухгодичная заочная школа для активистов, занимающихся вопросами гражданской обрядности. Соответствующие факультеты имеются в народных университетах культуры.

Многое делается и в других местах. В Горьковской области уже несколько лет действуют двухнедельные курсы для организаторов новых обрядов и лекторов, выступающих по этой тематике. Рассчитанная на 100 учебных часов программа курсов предусматривает изучение основ этики и эстетики, культуры поведения и речи, азов сценического искусства и т. д.

Опираясь на лучший опыт и понимая актуальность проблемы подготовки кадров, выступавшие высказали ряд конкретных предложений, направленных на совершенствование организационных и научно-методических основ новой обрядности, путей улучшения подготовки кадров, повышения их профессионального мастерства. Говорилось, в частности, о том, что очень важно морально и материально поощрять энтузиастов новой обрядности, отдающих этому нелегкому, но так нужному людям делу столько сил и времени. Совещание рекомендовало организовать на местах специальные семинары или курсы для подготовки и повышения квалификации работников, занимающихся вопросами развития социалистической обрядности. Причем особое внимание было обращено на проблемы подготовки квалифицированных кадров для сельской местности, где по сравнению с городом выше процент верующих, а религиозная обрядность остается наиболее живучим элементом религии.

И, конечно же, один из важнейших вопросов, от решения которого зависит дальнейшее развитие советской обрядности,—укрепление ее материальной базы. Об этом говорит не только опыт хозяев совещания-семинара, создавших систему обрядов на базе хозрасчета без дотации со стороны государства, но и опыт других советских республик.

Хозрасчет — хозрасчетом, говорили участники киевской встречи, однако новая обрядность не может быть дорогостоящей, по цене она должна быть доступна каждой семье.

Примером того, как сеть Дворцов, Домов, комнат торжественных событий становится в полном смысле слова всеохватывающей, может служить, в частности, Литовская ССР. Как рассказал заведующий отделом культуры управления делами Совета Министров республики П. Ю. Лзикарас, уже в 28 из 44 районов имеются помещения для торжественных событий, отвечающие самому взыскательному вкусу. В остальных 16 районах, где пока условия более скромные, новые помещения будут оборудованы в ближайшие два—четыре года. В столице республики Вильнюсе и в городе Шяуляе построены Дворцы бракосочетания. В Каунасе для этой цели удачно приспособлен памятник архитектуры XV века — бывшая городская ратуша.

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ

Если 14 лет назад на первом, московском совещании-семинаре говорилось лишь об отдельных удачно проведенных праздниках и обрядах, то в Киеве речь, по сути, шла о разветвленной, охватывающей все сферы общества государственной системе социалистической обрядности, ставшей сегодня неотъемлемой частью советского образа жизни и важным фактором коммунистического воспитания. Содержание этой системы — коммунистические идеалы и духовные ценности. Но тем не менее нет оснований переоценивать сделанное, считать, что все проблемы решены. Многие из них остаются по-прежнему актуальными.

Обрядотворчество — процесс сложный. Он требует решения целого ряда теоретических и практических вопросов. В последние годы ученые стали значительно больше заниматься теорией социалистической обрядности, появился ряд интересных исследований. Однако потребность дальнейшего теоретического обобщения накопленного опыта и выработки научно обоснованных рекомендаций остается весьма настоятельной.

Эти проблемы обсуждала секция «Вопросы теории и пропаганды социалистической обрядности». В частности, руководитель Киевского филиала Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС доктор философских наук профессор А. С. Онищенко предложил подумать над такими вопросами: каково должно быть в обряде соотношение непреходящего и специфического лишь для сегодняшнего дня? Как обеспечить обряду долголетие? Учитываем ли мы в достаточной мере интересы, чувства и настроения молодого поколения? В какой мере

оно принимает принципы и нынешний стиль обрядотворчества?

Не до конца выяснен вопрос о соотношении старого и нового в обрядовых формах. На этот счет еще не выработаны четкие критерии, что порой приводит или к отрицанию всего наследия прошлого, или, напротив, к использованию обрядовых форм, не имеющих ничего общего с народными. Встречаются и случаи заимствования элементов, чуждых нашему образу жизни, говорил профессор П. К. Курочкин. Он отметил, что в отдельных произведениях литературы и искусства видна тенденция к любованию архаикой, в том числе религиозной. В частности, просматривается тенденция к отождествлению народного и церковного, русского и православного, к идеализации церковной старины, церковных традиций в ряде произведений Владимира Солоухина и других писателей. Наблюдается увлечение религиозной тематикой в некоторых кинофильмах. Показ церквей, монастырей, их внутреннего убранства и пышных богослужений превращается в кинематографический штамп.

На секции «Вопросы совершенствования художественной формы социалистических праздников и обрядов» речь шла о том, что жизнь настоятельно требует активных, эмоциональных, доведенных до совершенства художественных форм и средств. Здесь — широкое поле для писателей, композиторов, художников, режиссеров, членов других творческих союзов, которые пока еще практически остаются в стороне от этого важного дела. Участники семинара предъявили им обоснованные претензии, записав соответствующий пункт в принятые рекомендации.

Дальнейшей разработки требует проблема соотношения в новой обрядности элементов, общих для всех социалистических республик и национально особенных. Все народы страны участвуют в творческом становлении советской обрядности. Вспомним хотя бы посвящение в рабочие на заводах Ленинграда, День урожая в Курганской области, чествование людей труда в Эстонии, фестивали молодежи народов Севера в Якутии, посвящение в студенты в Днепропетровске, обряд бракосочетания в Киеве, сабантуй в Татарии, навруз и лола в среднеазиатских республиках. Здесь необходимо учитывать и использовать всю красочность, все многообразие обрядовых форм разных народов нашей многонациональной страны, все возможности, какие несут взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур.

Требует дальнейшей разработки и терминология. По мнению профессора А. С. Онищенко, название «Вручение паспорта гражданина СССР» — длинно, «Бракосочетание» и «имянаречение» — трудно произносимо, казенно. Обряд требует краткого и поэтического названия. Неужели в русском и других языках народов нашей страны не нашлось более благозвучных и выразительных слов?

Актуальной остается и разработка принципов управления процессом формирования и развития новых праздников и обрядов.

Участники совещания отмечали, что печать уделяет явно недостаточно внимания обобщению опыта и пропаганде новых праздников и обрядов. Говорилось, в частности, что местным газетам, заводским, колхозным, учрежденческим многотиражкам следовало бы помещать сообщения о предстоящих торжественных событиях — свадьбах, регистрации новорожденных, юбилеях и т. д., — подчеркивая этим общественную значимость новых обрядов.

Больше нужно литературы, обобщающей и пропагандирующей лучший опыт, рассказывающей о новых формах советских обрядов, об их использовании в коммунистическом воспитании, формировании духовного мира советских людей. Говорилось, в частности, о том, что необходим специальный календарь, в живой, эмоциональной форме рассказывающий обо всех праздниках советского народа (63 торжественные даты!), об их ознаменовании, о сопровождающих их обрядах и ритуалах. Было предложено отдельным сборником издать материалы совещания.

А главное — был поставлен вопрос о создании единого союзного координирующего центра, направляющего всю работу по развитию и совершенствованию новой обрядности. В принятых совещанием-семинаром рекомендациях есть, в частности, такой пункт: «Войти с ходатайством в директивные органы о создании центральной междуведомственной комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам». Это предложение было поддержано всеми присутствующими, ибо оно отражает назревшую объективную необходимость.

Важной особенностью совещания-семинара было то, что в нем приняли участие многие представители партийных комитетов, министерств и других административных учреждений, профсоюзные, комсомольские, клубные работники — именно те, от кого в первую очередь зависит организационное и материальное обеспечение обрядности. Они встретились и с теоретиками советской обрядности, и с энтузиастами-практиками. Так сказать, из первых рук узнали о перспективах, возможностях, о проблемах и трудностях этого дела. Так что есть основания надеяться, что нынешняя встреча послужит дальнейшему развитию и совершенствованию новой обрядности.

Во время работы совещания-семинара было многолюдно в зале выставки, рассказывающей об опыте украинских коллег. Здесь были представлены костюмы обрядовых старост, обрядовая символика, типовые проекты Дворцов и Домов торжественных событий для городов с различным числом жителей и сельских райцентров...

Работа совещания-семинара не замкнулась в стенах Киевского Дома политпросвещения. Гостеприимные хозяева позаботились о том, чтобы гости как можно полнее ознакомились с их опытом. Участники семинара побывали на торжественных церемониях бракосочетания, регистрации новорожденных, вручения первого паспорта не только в столице Украины, но и в Броварском, Вышгородском и других районах Киевской области, а также посмотрели кинофильмы «На счастье, на долгие годы», «Человек родился», «Склоняя знамя» и другие, рассказывающие о новых обрядах на Украине.

На совещании-семинаре выступили секретарь ЦК Компартии Украины В. Е. Маланчук и заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС П. К. Лучинский.

В последующих номерах журнала редакция предполагает опубликовать ряд выступлений участников семинара.

Василий Яковлевич Ерошенко. Портрет Цурута Горо. 1920 г.

„Хочу увидеть мир..."

Люди нравственного подвига

А. ХАРЬКОВСКИЙ

Василий Яковлевич Ерошенко — человек удивительной судьбы. Лишившись в раннем возрасте зрения, он не только овладел точечно-рельефной азбукой для слепых, но и в совершенстве изучил многие языки (в том числе восточные), посетил Англию, Японию, Бирму, Индию, Китай. Свой первый рассказ он написал на японском языке, позже писал на японском и стихи и прозу. Недавно в Японии увидел свет многотомник его сочинений. Кроме литературного творчества, В. Ерошенко активно занимался общественной деятельностью — тысячам слепых помогал найти путь к свету, вырваться из мрака, одиночества. В 1977 году издательство «Наука» выпустило «Избранное» В. Я. Ерошенко.

В ночь под новый 1890 год в селе Обуховка Старо-Оскольского уезда Курской губернии в семье крестьянина Якова Ерошенко родился сын Василий. Большими синими глазами смотрел мальчик на мир. Ничто, казалось, не предвещало несчастья. Но в четыре года он заболел корью.

— Все болезни, голубка моя, посылает господь, — сказал сельский батюшка богомольной матери. — Отслужу-ка я богородице и спасителю нашему молебствие с акафистом, гляди, и дойдет молитва до милосердного господа нашего...

Однако болезнь усиливалась и отец все же привез врача. Ребенка успели спасти, но он ослеп.

«Я слепой, — писал Ерошенко много лет спустя. — С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. К чему это, добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха. Но разве я проклинаю ее? Нет, вовсе нет... Солнце в небе подарило мне видимый мир... — ночь же раскрыла передо мной... внутреннее очарование жизни. Конечно, она принесла мне боль, вселила в душу робость. Но только ночью я услышал, что звезды поют, почувствовал себя частицей природы и познал то, что управляет всем сущим».

Вокруг была обычная деревенская жизнь. В пятницу нельзя было пилить, а на Параскеву — прясть, на троицу — белить холсты, а на Ивана Постного — есть яблоки. Ребенком Вася лез под стол и хрюкал поросенком в день «святого» Ивана Кесарийского — чтобы «всякая живность в хозяйстве родилась».

— Всемилостив господь и безгрешен Вася, — заламывала руки мать.

— За грехи родителей страдает дитя, — ответствовал поп.

Уехать, уйти из родных краев — мечтал он, когда подрос. Не слышать ни молитв, ни шепота жалости за спиной. Что ждало его в Обуховке? Стоять с протянутой рукой на паперти ему не хотелось. К счастью, с помощью «благодетеля»-купца отец устроил Васю в школу слепых в Москве.

Массивный особняк на Мещанской улице, глухой забор, за ним — небольшой двор, названный детьми «сковородкой». Здесь им разрешалось гулять лишь по часу в день. По воскресеньям их собирали в школьной церкви, где пел хор слепых, дети молились за своих «благодетелей».

Система обучения была организована таким образом, чтобы превратить учеников в покорных «рабов божьих» и в верноподданных земного царя. Ерошенко как мог сопротивлялся этому. Его девиз был: слушать своими ушами, «смотреть» своими глазами, до всего доходить своим умом. «Ночь, — писал он, — научила меня сомневаться всюду и во всем и не верить ни учителям, ни самым большим авторитетам. Мое кредо: все подвергай сомнению. Я не верю, что бог милостив и добр, а дьявол, наоборот, коварен. Я не верю правительству царя, а также обществу, которое ему доверяет».

Что делали слепые, которым удавалось окончить школу? Многие нищенствовали, жили за счет близких. Другие устраивались в мастерские делать корзины и

щетки. Те, у кого был слух, поступали в хоры, пели в церквах или ресторанах. Церковь собирала на них пожертвования, была даже неделя помощи слепым. Однако только малая часть церковного сбора перепадала «несчастным сим» — львиная доля присваивалась. Гораздо больше церковь заботилась об их «душах», стремясь оградить их от «чуждых» влияний и «богомерзких» книг.

У Ерошенко были и слух и голос, он отлично играл на скрипке. И он поступил в оркестр — играть и петь в ресторанах. Каждый вечер выходил на сцену, откидывал волнистые льняные волосы и, склонив на бок красивую голову, пел под гитару. Однажды пение его услышала Анна Николаевна Шарапова, преподававшая иностранные языки.

— У вас талант, — сказала она слепому юноше. — Вам надо учиться. В Англии есть специальная музыкальная академия для незрячих.

Ерошенко в ответ лишь грустно улыбнулся:

— Для меня мир кончается там, где смолкает мой родной язык.

Анна Николаевна настаивала:

— Вы слышали когда-нибудь о международном языке эсперанто? Он достаточно прост, и вы могли бы выучить его с голоса за несколько месяцев. Я спишусь с эсперантистами, они помогут.

В феврале 1912 года Ерошенко отправился в Англию. Варшава, Берлин, Кельн, Кале — всюду его встречали и провожали эсперантисты. О нем писали журналы, в том числе и российский «Вокруг света», — такая поездка была тогда в новинку. В Англии его окружили заботой неизвестные ему раньше люди, нашли пристанище, помогли изучить английский, представили мистеру Кемпбеллу — директору института и академии музыки для слепых. В колледже Ерошенко узнал и полюбил серьезную музыку, но профессиональным музыкантом стать не захотел. Он увлекался философией, социальными теориями.

В Россию юноша возвращался другим человеком: он теперь знал, что способен путешествовать один. Музыкальный слух и прекрасная память помогли ему в изучении иностранных языков. За короткий срок он научился говорить по-английски и по-французски, начал учить японский.

В Москве Василия встретил отец. Он звал сына вернуться в Обуховку — петь в сельской церкви, играть на свадьбах. Хвастал, что живет зажиточно, перепродает скупленные у крестьян товары, лавка дает хороший доход.

— Своим умом жить буду, — решительно сказал юноша.

— А что будешь делать?

— Хочу увидеть мир, буду путешествовать.

Весной 1914 года, накопив немного денег, Ерошенко выехал из Москвы в Токио...

Что влекло его на Восток? Еще в Англии он с увлечением читал книги восточных мудрецов. Ему казалось, что там, в краю тысячелетних тайн, знают, как расцветить вечную ночь. В Японии, говорили ему, слепые пользуются всеобщим уважением. В Токио Ерошенко приехал, заручившись письмами английских и русских эсперантистов. И снова его встретили заботливые незнакомые люди, помогли поступить в Токийскую школу слепых.

Вначале ему старались помочь только как человеку, обиженному судьбой. Но когда всего через полгода он в совершенстве овладел японским языком и усвоил обычаи приютившей его страны, японцы полюбили его как друга. Все поражало в нем: и выразительная внешность, и «зрячая» походка — умение ориентироваться на слух и ходить без проводника, выразительность, с которой он пел под гитару русские песни...

Однажды группа слепых во главе с педагогом поехала в древний город Камакура. Пока учитель рассказывал об известном деятеле, который был похоронен на местном кладбище, Ерошенко перелез ограду и стал ощупывать выпуклые иероглифы на его памятнике. Учитель спросил, что он делает.

— Вы, сэнсей [1], видите памятник, а мои глаза — это руки. Как иначе я могу убедиться, что здесь действительно та могила, о которой вы рассказываете?

— Так вы можете потребовать, чтобы вам дали осязать бога,— пошутил учитель.

— Только в этом случае я в него поверю, — серьезно ответил Ерошенко.

С этого времени в школе стали относиться к нему настороженно. Он отправился путешествовать по стране. Бродил по буддистским и синтоистским храмам, посещал театры, выступал в институтах с лекциями о России, с пением русских песен. Собственным примером он стремился показать: вот какой полной жизнью может жить незрячий. Но как помочь другим слепым?..

Однажды его пригласила к себе богатая американка Агнес Александер. Она проповедовала новое религиозное учение — бехаизм. И Ерошенко увлекся этим вероучением — его привлекала не мистика, а призывы к равенству, дружбе, требование запретить войны.

Бехаистские идеи отразились в первых новеллах молодого писателя. В одной он рассуждает о том, что божество универсально и лишь принимает обличие то Мухаммеда, то Христа, то Будды. В другой мечтает о золотом кораблике, на котором все человечество могло бы уехать в страну счастья. Но Ерошенко никак не устраивало, что бехаизм, подобно любой другой религии, переносит решение насущных проблем в «мир иной». И вот в его сказках появляются богоборческие мотивы, герой одной из них обращается к богам:

— Почему вы создали этот мир таким несовершенным? Сделайте его другим! Или вы бессильны?..

Весной 1916 года в Японию приехал Рабиндранат Тагор. Между знаменитым индийским писателем и Ерошенко состоялся публичный диспут. Ерошенко оспаривал основное положение Тагора о том, что западная цивилизация в большей степени имеет материальный характер, а культура Индии — чисто духовная.

— Мне показалось, — говорил он, — что вы, опираясь на догмы буддизма и христианства, противопоставляете культуры Европы и Азии. Совсем как Киплинг, который писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток. И вместе им не сойтись».

Тагор утверждал, что христианство использует рассудочное знание, в то время как буддизм более непосредственно приобщает верующего к духовному миру. Возражая против этого, Ерошен-

[1] Учитель.

ко сравнивал тексты священных книг обеих религий и доказывал, что обе они насилуют и логику и чувство человека.

— А вы буддист или христианин? — спросил Тагор.

— Я неверующий, — ответил Ерошенко.

В Японии к Ерошенко пришла известность: его сказки и речи широко публиковали популярные журналы. Пришла к нему и любовь: Камитика Итико, журналистка, писательница, всюду появляется с ним.

...Летом 1916 года он поехал в Таиланд. Таможеннику представился: рантье, имеющий счет в лондонском банке; цель приезда — покататься на белом слоне. По ночам Ерошенко играл в ночном ресторане, днем занимался делами слепых. Можно представить удивление таиландских чиновников, когда высокий белокожий иностранец обращался к ним на их родном языке:

— Позор, что в Таиланде до сих пор нет еще школы для незрячих! Чтобы чувствовать себя полноценным, слепой должен научиться работать!

— Работать? Разве от этого он станет зрячим? И потом о слепых у нас заботятся монахи.

Ерошенко бывал в монастырях, узнал, как его братья по несчастью подолгу молятся и в награду за усердие получают миску риса. Настоятель одного из монастырей сказал ему:

— Будда требует от нас: не суетись. Если человек не видит, на то воля неба; боги отняли у него зрение, чтобы он сосредоточился на своем внутреннем мире, на душе.

Всем своим существом Ерошенко протестует против такой философии. Зимой 1917 года он приезжает в колониальную Бирму. Русский человек здесь — большая редкость, да еще такой: с миссионерами говорит по-английски, с монахами — на языке пали, с крестьянами — по-бирмански. Гостю предлагают стать директором Молумейнской школы слепых. Положение ее плачевное: почти все дети разбежались по деревням, и Ерошенко предстояло собрать их снова. Но разве по силам это иностранцу, да еще слепому?..

Монастырь. Мальчики под руководством монаха нараспев читают священные тексты. Дождавшись конца урока, Ерошенко обращается к монаху на пали. Тот поражен, услышав, как европеец свободно говорит на священном для буддистов языке. Завязался разговор о священных текстах, и вскоре выяснилось, что белокожий «пандит саяджи»[2] прекрасно знает буддистские книги. Монах отвел Ерошенко в сторону:

— О великий пандит, возьми к себе в обучение сына моего брата!

— Согласен. А ты помоги вернуть детей в Молумейнскую школу.

И вот вместе с монахом Ерошенко ездит по деревням. Родители слепого ребенка вздыхают:

— Забота о слепом — кара за прошлые грехи. Если отдадим тебе наше дитя, то в другой, будущей жизни все равно должны будем снова заботиться о нем.

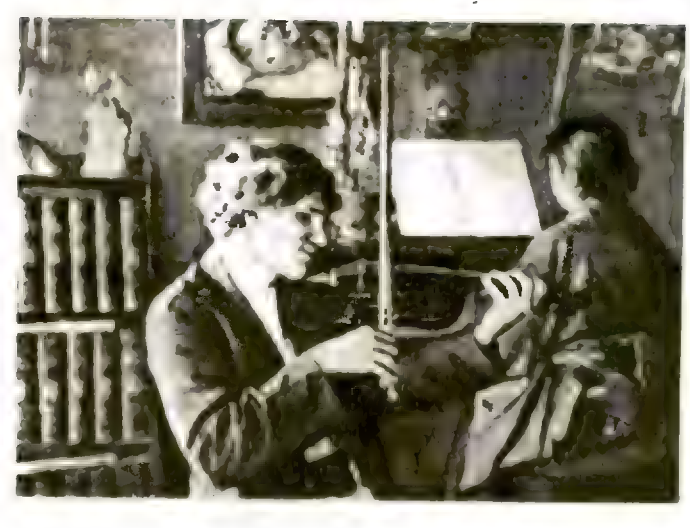
Но Ерошенко находит убедительные слова, уговаривает крестьян отпустить ребенка учиться.

Вскоре школа в Молумейне насчитывала более 100 учеников. «Я полюбил бирманцев, — писал Ерошенко, — и они мне тоже отвечают любовью. Мы заботимся друг о друге, как старшие и младшие братья». Дети называли его не так, как других учителей: не «такин» (господин), а «кокоджи» (старший брат). И каково было удивление окружающих, когда ученики вместе с кокоджи отправились путешествовать по Бирме. В этом путешествии русский директор учил слепых детей «видеть» и понимать окружающий мир.

1917 год. В России победила социалистическая революция, и Ерошенко начал хлопотать о возвращении домой. Вокруг него сгущается атмосфера подозрительности. В 1919 году он вынужден переехать в Японию. Отголоски русской революции докатились и сюда: создаются Японская социалистическая лига, общества «Танэмаку хито» («Сеятель»), «Гёминкай» («Общество пробуждения народа»).

— С далеких времен, — говорил Ерошенко на митинге общества «Гёминкай», — несчастные, обездоленные люди боролись, стремясь освободиться от тиранов. Люди, отставшие от жизни, утверждают: мир становится плохим оттого, что бунтуют социалисты. А на самом деле по-

[2] Мудрец.

Скрипка, как и гитара, была любимым инструментом В. Ерошенко.

Лу Синь и В. Ерошенко. 1922 г.

тому они и бунтуют, что мир давно уже плох...

Писатель-коммунист Эгути Кан, записавший эту речь, вспоминал, как две тысячи человек слушали затаив дыхание и полиция не решалась им помешать. А вскоре Ерошенко принял участие в праздновании Первого мая, в Конгрессе Японской социалистической лиги. После этого он был арестован.

Эгути Кан, оказавшийся с ним в одной камере, вспоминает, как Ерошенко оборвал какого-то анархиста, пренебрежительно отозвавшегося о Ленине и России. Он «глубоко любил Россию, с уважением относился к Ленину, великому революционеру... Мне кажется, — говорил Эгути Кан,—он был счастлив, что у него такая родина, такой великий герой, как Ленин, такой народ».

28 мая 1921 года власти выслали Ерошенко из Японии. Его бросили в плавучую тюрьму «Ходзан-мару» и отправили во Владивосток, где тогда еще свирепствовали белогвардейцы. В предписании указывалось: «Ерошенко высылается как большевик».

С большим трудом добрался Ерошенко до Харбина, пытался оттуда выехать в Читу, но война стала на его пути непреодолимой преградой... В начале 1922 года он оказался в Пекине, в доме великого Лу Синя. Он стал другом «китайского Горького», преподавал по его рекомендации эсперанто и русскую литературу в Пекинском университете. Отсюда летом 1922 года уехал в Хельсинки на XIV Международный конгресс эсперантистов. Затем вернулся в Пекин — закончить в университете учебный год. И только через год смог наконец вернуться на родину.

Когда весной 1923 года Ерошенко приехал в Обуховку, вся деревня собралась в доме Якова, чтобы услышать рассказ его слепого сына, объехавшего весь мир. А Василий внимательно вслушивался в разговоры, как бы всматриваясь в лицо вновь обретенной родины. Многое изменилось за это время и в деревне, и в родной семье: одна сестра стала врачом, другая — учительницей. В селе создавался кооператив...

Василий Яковлевич переехал в Москву и начал активно участвовать в деятельности Общества слепых. Он становится одним из сотрудников основателя Коммунистической партии Японии Сэн Катаяма. «Сэн Катаяма, — вспоминал Ерошенко, — помогал мне разобраться в классовой борьбе Японии... Захватывающе интересно рассказывал он о своих встречах с Лениным. Я, в свою очередь, делал все, чтобы как можно больше перевести на японский язык книг, рассказывающих правду о Советской России...»

Ерошенко чувствовал себя связующим звеном между своей родиной и революционной Японией. И не случайно, когда в Москву приехала первая группа молодых японских коммунистов, его пригласили читать им лекции в Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1926 году он участвовал в Международном съезде рабочих-эсперантистов в Ленинграде, который открыл приветственным словом А. В. Луначарский. Год спустя вместе со своим лучшим другом Акита Удзяку, писателем-коммунистом, стоял он на Красной площади, где проходил первомайский парад.

В. Ерошенко и журналист Фукуока Сэйити.

Весной 1929 года с командировкой Всероссийского общества слепых Ерошенко отправился на Чукотку. Пароход «Астрахань» довез его из Владивостока до Анадыря, на берегу его встретил слепой чукча Филипп Онкудимов. Он рассказал гостю свою историю: зрение стал терять еще в детстве, а когда не смог ловить рыбу, товарищи отвели его к попу. Тот дал ему святой воды — не помогло; налил святого масла из лампады— все бесполезно.

— Молись Христу, — советовал поп, — богоматери и святым, целуй иконы.

Втихомолку от попа друзья повели Филиппа к шаману. Тот бил в священный бубен, бормотал заклинания. Но и шаман не помог.

— Что же мне делать? — грустно спросил Филипп у Ерошенко, и тот рассказывал ему о далекой Москве, где есть врачи, которые лечат глаза. Юноша воспрянул духом и с обратным рейсом «Астрахани» поехал во Владивосток.

На Чукотской культбазе Ерошенко быстро научился сам, без поводыря, путешествовать по тундре. Чукчам это казалось сверхъестественным, они прозвали его Какомэй — чудо, диво.

Он изучал чукотский язык, учил детей в школе, старался помочь людям наладить новую жизнь — спорил с шаманами, лечил.

Однажды Ерошенко рассказали о слепом чукче Кейгине. Он родился слепым, но отец, вопреки обычаю, не убил его — не отослал в тундру мертвых. Мальчик рос, и отец научил его делать нарты. Кейгин стал великолепным мастером, и тундра признала своего слепого сына. Юношей отец отвез его в ярангу своего друга, отца гордой красавицы Вингеут. Долго работал чукча на будущего тестя, следуя обычаю тундры. Но однажды Вингеут объявила ему, что все его труды напрасны.

— Тот, кто не видит, — сказала девушка, — никогда не станцует танец моржа, не станет каюром, не выиграет соревнование на празднике в Уэлене.

— У нас девушка выходит замуж не за того, кто лучше танцует, — сказал Ерошенко, — а за того, кто лучше работает, — такие всегда больше по сердцу.

Перед отъездом его пригласили на свадьбу. Пришел он не один — с группой своих незрячих учеников, которые вместе с ним отправлялись в Москву. А на прощание, сняв со стены гитару, Ерошенко исполнил для них свою «Чукотскую идиллию» — сказку, которую посвятил Кейгину и Вингеут.

Возвратившись с Севера, Ерошенко несколько лет работал в Москве, в типографии для слепых. Но, как очень точно заметил когда-то Лу Синь, чужая боль была для Ерошенко много сильнее его собственной. Однажды пришел к нему туркмен— сказал, что на юге, в Кушке, решено создать школу для незрячих, но ни учителей, ни учеников пока нет. В тот же день Ерошенко выехал в Ашхабад. Лето 1935 года он путешествовал по туркменским аулам, собирал слепых детей, просивших милостыню у мечетей; уговаривал родителей отпустить незрячих в школу — и все это, разумеется, на туркменском языке, который изучил в совершенстве и даже преподавал (он же создал и выпуклую азбуку на этом языке, с ее помощью были напечатаны первые туркменские книги для слепых).

Об этом времени вспоминает Дурды Питкулаев — бывший беспризорник, которого Ерошенко подобрал на базаре. «Человек счастлив, когда он трудится, — говорил директор школы. — А поводырь слепому не нужен: наш поводырь — солнце». Последовательно, шаг за шагом, помогал он детям избавляться от суеверий, предрассудков, учил их не бояться ни молнии, ни ветра. Однажды, когда разбухший от дождя ручей грозил размыть все строения школы, Ерошенко собрал учеников.

— Стихия слепа, как и мы с вами. Но она ко всему еще и глупа. Противопоставим ей разум и труд.

Под его руководством насыпали перемычку, отвели ручей в сторону. Как гордились они собой и своим учителем! Да, у них был необыкновенный директор. Он учил их «ходить по-зрячему», под его руководством поставили они оперу «Коза-дереза», удивив этим крестьян соседних деревень. Ерошенко обучал их музыке и языкам, а самое главное — учил их быть настоящими людьми.

Умер Ерошенко в декабре 1952 года. Похоронен на сельском кладбище в Обуховке, где ему поставлен скромный памятник. И сегодня выходят на русском, украинском, японском, китайском языках, на эсперанто его книги. Этот необыкновенный человек сумел не только сам увидеть мир, но и помог увидеть его многим другим, и в этом его истинное бессмертие.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

Редакция получила много откликов на очерк Л. Графовой «Уроки оптимизма» (1978, № 6). Часть этих читательских писем была опубликована в № 10 за 1978 г. Ниже помещаем еще несколько.

Уважаемая Ирина Борисовна!

Я прочитала о вашей жизни в очерке Л. Графовой. Преклоняюсь перед вашим мужеством. Это замечательно, что у вас много близких друзей, искренне готовых оказать вам помощь и поддержку. А сколько сердечной теплоты, любви вы сами отдаете! Своей жизнью вы убедительно показываете, что человек способен быть выше самых неблагоприятных обстоятельств, что он сам строит свою судьбу.

Я учительница-пенсионерка. Мне 80 лет. Живу в деревне и до сих пор веду общественную работу. Я депутат сельсовета, внештатный корреспондент районной газеты «Пламя труда». Считаю своим долгом посильно быть полезной людям.

Т. МУРАВЬЕВА

Дятьковский район Брянской области

С большим интересом прочитал статью Л. Графовой «Уроки оптимизма». Сожалею, что не могу непосредственно ответить А. Китаеву — автору письма, с которым спорит Л. Графова,— он ведь не дал своего адреса.

Китаев верно замечает, что человек — не животное, что у него должны быть высокие цели. Но можно ли считать высокой целью стремление к счастью вообще? Не думаю. Представление о счастье у разных людей различно. Оно может быть вульгарным, пошлым. И стремление к такому счастью ничуть не поднимает и не возвышает человека.

Стоит задуматься: почему, например, А. Китаев считает, что нет любви? Мне кажется потому, что он воспринимает любовь исключительно как подарок судьбы, а не как труд собственной души. Проще, конечно, сказать: у меня этих чувств нет, мне этого не надо — и не трудиться, чтобы стать человеком в истинном смысле этого слова. Мне кажется, что труд души, пусть порой каторжный, способен сделать жизнь счастливой и осмысленной.

Пусть конечны человек и мир, в котором он живет. Но ведь ничто не исчезает бесследно, тем более то, что достойно вечности. Мое счастье в том, что я свое конечное существование способен наполнить бесконечным смыслом и был бы счастлив еще больше, если бы внес свой вклад в дело человечества. Ну, а если жизнь прожита зря, тогда чувство невыполнимого долга грызет совесть. Пока есть время, надо дать душе своей возможность трудиться.

А. ЩЕРБАКОВ

г. Пятигорск Ставропольского края

Здравствуй, А. Китаев!

После долгих колебаний я все же решился тебе написать. Стоит ли жить? — спрашиваешь ты. Если нет цели, она может возникнуть. А насчет Галактики не беспокойся: люди, у которых есть цель, придумают средства ее спасти. Если кто-то тебя обидел, сумей пережить. Знаешь, я не так грамотен, как ты, мне 42 года, но я люблю технику, механизмы, ремонтирую автомобили, тракторы, мотоциклы. От работы получаю удовольствие. И тебе нужна прежде всего хорошая профессия.

А если бы все думали только о смерти, то не было бы ни хлеба, ни песен.

Сними погребальную одежду, выключи похоронную музыку и трудись себе на радость!

А. ЗАБОТИН

Варнавинский район Горьковской области

И. ВИШЕВ,
кандидат
философских
наук

БЕССМЕРТИЕ ПО-БОГОСЛОВСКИ

СУЩЕСТВУЕТ распространенное представление о том, что вера в бессмертие души была присуща христианству изначально. На самом же деле в течение веков среди отцов церкви царила удивительная разноголосица. Одни из них утверждали, что душа смертна; другие — что она не смертна, не бессмертна, а имеет некую двойственную природу; третьи — что душа бессмертна.

Первой точки зрения придерживался, например, живший во II веке отец церкви Ириней Лионский. Он учил, что душа не имеет абсолютного бессмертия, что «как тело само по себе не есть душа, но только принимает участие в жизни души; так и душа сама по себе не есть жизнь, но принимает потребную для себя жизнь от бога». Несмотря на всю кажущуюся неуместность такой точки зрения в христианской религии, она все-таки не была случайна. Вспомним, что первые книги Библии не дают никаких серьезных оснований для веры в бессмертие души. Более того, даже в Новом завете прямо говорится, что только бог — «единый имеющий бессмертие» (первое послание Павла к Тимофею, гл. 6, ст. 16). Ссылаясь на это утверждение, богословы пытались избежать неизбежно возникающих противоречий. Действительно, если душа бессмертна по своей природе, то всемогущий бог не может уничтожить ее. Однако, с богословских позиций, так думать — кощунство. Чтобы не впасть в него, некоторые теологи считали, что душа смертна и может существовать столько, сколько того захочет бог. Подобный взгляд на природу души в свою очередь имел массу разновидностей. Татиан (II в.), например, утверждал, что душа «имеет земное происхождение: сама по себе не что иное, как тьма, и нет в ней ничего светлого; по природе своей не бессмертна, но смертна и способна к разрушению». При этом считалось, что в человеке, впрочем не в каждом, есть нечто более высокое, чем душа, и оно-то и является «подобием божиим». Один из ревностнейших апологетов христианства — Тертуллиан (ок. 160 — ок. 220 гг.) вообще считал душу телесной.

Те богословы, которые пытались избежать крайностей, в том числе Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215 гг.), учили, что душа — сложная субстанция и состоит из двух частей, одна из которых смертна, а другая нет.

Феофил Антиохийский писал: «Кто-нибудь спросит вас: смертным ли по природе сотворен человек? Нет. Значит — бессмертным? Не скажем и этого. Так, может быть, сотворен и тем и другим? И этого не скажем. Он сотворен по природе ни смертным, ни бессмертным».

Церковь в конце концов предпочла все-таки одну из крайних точек зрения — душа бессмертна — и возвела ее в ранг догмата. Такое утверждение казалось богословам более благочестивым. Однако вера в бессмертие души так никогда и не стала в христианстве общепризнанной. Например, один из идеологов свидетелей Иеговы И. Рутерфорд утверждал, что «мысль о бессмертии души родилась у Сатаны».

Вопрос о происхождении душ также решался богословами отнюдь не однозначно. И на этот счет существовало по крайней мере три точки зрения. Учение о предсуществовании душ отстаивали Ориген (185—254 гг.), Климент Александрийский и некоторые другие. Они утверждали, что все души были созданы богом в самом начале творения. Бог, рассуждали они, все сотворив, «почил» от дел своих, следовательно, он потом ничего не творил, значит, не создавал и душ. Отсюда вывод: объяснить происхождение душ у рождающихся младенцев иначе, как их предсуществованием, нельзя.

Правда, при этом оставалось неясным, почему души, сотворенные богом еще до грехопадения первых людей, оказались ответственными за первородный грех. Возникали и другие неувязки. Их попытались преодолеть создатели другой версии о происхождении душ, например Григорий Нисский (IV в.). Он считал, что душа переходит или переводится от родителей к детям в виде семени, отделяющегося от души отца и матери, когда образуется тело ребенка. Некоторые богословы допускали при этом и «божественное» вмешательство. Но все-таки, в конечном счете, бог оказывался как бы не у дел. Поэтому была выдвинута концепция творения богом душ из ничего в то же время, когда образуется и тело.

Вот эти-то путаные толкования природы и происхождения души стали основой для конструирования столь же разноречивых версий о загробной жизни.

Вот некоторые из них. Учение о полном уничтожении грешников, не призванных к блаженной жизни, которое отстаивалось Арнобием и многими другими. Учение об апокатастасисе — «всеобщем восстановлении в добре», разрабатывавшееся Оригеном и его последователями. Учение о вечности мучений, ревностным сторонником которого был Августин Блаженный (354—430 гг.).

Все эти богословские построения не просто отличались какими-то частностями, но порой прямо исключали друг друга. При этом автор каждой теории считал, что только его учение соответствует Библии и основывается на ней. Понятно, что при этом никто никого ни в чем не мог убедить.

Святой Иустин (II в.) полагал, что души не умирают и людей «дурной» жизни ждут за гробом вечные мучения. Арнобий и его единомышленники считали, что признание бессмертия души вредно для нравственности, поскольку грешники будут утешать себя надеждой, что и они не умрут. Не призванные к блаженной жизни грешники, согласно праведному суду, сначала претерпят мучения за

свое «злонравие», а затем будут уничтожены, поскольку душа по своей природе не обладает бессмертием, а наделяется им по воле божией и в зависимости от заслуг человека.

Принципиально иначе ту же проблему решали Ориген и его сторонники. По их мнению, и у падших ангелов, и у адамовых потомков осталась свобода воли, а значит, способность к раскаянию. Смерть — мудрое средство, которым бог врачует естество человеческое от примешавшегося к нему порочного яда. Адские мучения прекратятся, когда цель их будет достигнута: души очистятся от греховного налета. В конце концов все — и грешники и праведники — сольются в божественном абсолютном добре. Все будет восстановлено в первоначальном единстве, — писал Ориген.— «И бог будет все во всем... не будет различия добра и зла, потому что зла не будет вовсе». Сторонники Оригена не без основания считали, что такое понимание посмертного воздания делает христианское учение о загробном мире более привлекательным. Однако церковь в конце концов предпочла учение о вечности мучений. Почему так случилось?

Христианская церковь еще до того, как она стала государственной религией Римской империи, занималась разработкой догматики. В этот период был создан ряд догм христианского учения. В том числе признание загробного мира и воскресения мертвых. Так, в уже канонизированном тогда Новом завете говорилось: «Если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна... И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (первое послание Павла к коринфянам, гл. 15, ст. 16, 17, 19).

На протяжении всей истории христианской церкви богословы настойчиво утверждали мысль о том, что в земной жизни не может быть должного соответствия между благополучием человека и его заслугами, что «на земле человек никогда не увидит совершенной красоты, не достигнет высочайшего нравственного совершенства и полного блаженства».

Исходя из этого, богословы давали свою трактовку смысла жизни: «Но чтобы усовершенствование и искание его имели смысл, необходимо, чтобы существовала надежда, что они увенчаются успехом. Поэтому разумная жизнь возможна только в том случае, если мы признаем бессмертие души, т. к. только в будущей жизни наши стремления и искания найдут свое осуществление». Подобная трактовка смысла человеческого существования в немалой степени содействовала превращению христианства в государственную религию. Когда это произошло, господствующая церковь стала освящать эксплуататорское общество. Учение об уничтожении грешников и тем более учение о всеобщем возвращении в абсолютное добро недостаточно отвечали этой цели. Другое дело — вечные мучения, которые ждут грешников, восставших против эксплуататоров. Решающую роль в наведении «порядка» стали играть запугивание и насилие, осуществляемые в единении церкви и императорской власти.

В грамоте V Вселенскому собору император Юстиниан писал об Оригене и его единомышленниках: «Мы дознали, что в Иерусалиме есть некоторые монахи, которые учат... что снова все возвратятся в единство... как это было в предсуществовании, отсюда ясно, что в то же самое единство будет восстановлен сам дьявол и прочие демоны, а также нечестивые и безбожные люди вместе с божественными богоносными мужами и небесными силами». Император направил патриарху Мине проект анафематствования: «Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец или что будет после восстановление демонов и нечестивых людей — да будет анафема!» И соборные отцы, конечно же, провозгласили требуемое анафематствование.

В учении о вечности загробных мучений утверждается, что душа на земле может переменить свою деятельность с доброй на злую и наоборот, но какой она придет в загробное царство, такой и останется навеки. Богословы ярко живописуют положение, при котором добрая душа стремится уподобиться богу, а злая — дьяволу.

Представление о неизменности души «за гробом» делает бессмысленными молитвы за умерших. Однако они широко практикуются. История введения этой практики весьма примечательна. В Библии ничего не говорится о необходимости молитв за умерших. Отсюда богословы сделали неожиданный вывод: раз Библия такие молитвы не запрещает, значит, они небесполезны. Понятно, что такими доводами можно «обосновать» все, что угодно.

Необходимость молитв была обоснована «чудесными событиями». Вот описание одного из них. Как-то преподобный Макарий Египетский наткнулся в пустыне на человеческий череп. Ударил его палкой, а тот заговорил. Завязалась беседа. И выяснилось, в частности, что мученики «чувствуют некоторую отраду», когда о них молятся.

В богословской литературе зафиксированы «видения» и «откровения», где описаны посмертные мучения. В частности, рассказ святого Антония Великого (356 г.), которому в ответ на его молитву якобы было показано место пребывания душ умерших: «...Увидел я огромного черного великана, который поднимался до облаков и досягал руками до неба; под ним было озеро величиною с море. Потом увидел я души человеческие: они летали, как птицы, и которые перелетали через руки и голову великана, все охраняемы были ангелами; а которых он ударял своими руками, те падали в озеро».

А вот какую картину рисовал Иоанн Златоуст: «Представим же, какое мучение — быть сожигаемым непрестанно, находиться во мраке, испускать бесчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышанным... Мрак и отсутствие света не дозволит нам распознавать даже ближних, но каждый будет в таком состоянии, как будто бы он страдал один».

Подобные святоотеческие откровения звучат резким диссонансом современному умонастроению людей. Поэтому богословы в наши дни пытаются затушевать картину загробных мучений. «В течение весьма длительного периода времени в русском и особенно западном богословии,— сетует один из них,— указывалось на избежание вечных мучений и достижение вечного блаженства как на основные

и даже единственные побуждения человека в его стремлении к спасению и само спасение понималось исключительно как получение вечного блаженства с одновременным избавлением от вечных мук... Много более высоким побуждением следует считать сыновнюю любовь к богу, готовность выполнять его волю, не думая о возмездии за грехи и награде за добродетель и находя величайшую радость в самом процессе приближения к богу, в постоянном общении с ним как с любящим и любимым отцом». Однако эти рассуждения православный богослов завершает весьма показательным заявлением: «Священное писание Нового завета изобилует столь яркими угрозами за совершенные грехи и еще более категорическими обетованиями за всякое, даже внешне незначительное содеянное добро, что отрицание законности ожидания того и другого логически приводит к отрицанию истинности самого слова божия». Таким образом, с одной стороны, богословы пытаются сегодня как-то изменить акценты, приглушить карающий глас, а с другой, все остается, по сути дела, по-прежнему.

Говоря о бессмертии по-богословски, нельзя не остановиться еще на одной важной стороне этой проблемы. Учение о бессмертии на деле обернулось апологией смерти. Во многих богословских статьях, в частности в пятом номере «Журнала Московской патриархии» за 1975 год, говорится, что для верующих смерть — «успение», «сон», «возвращение из земной жизни в свое вечное отечество, к отцу своему небесному». Такое отождествление смерти со сном, за которым последует пробуждение и воссоединение с божеством, неизбежно приводит к умалению ценностей реальной, земной жизни. «Иногда можно услышать, — пишет современный баптистский проповедник, — что бессмертие достигается посредством человеческой славы; другие хотят достичь бессмертия в делах рук своих — творениях искусства, литературы. Однако все это стирается жерновами времени».

Маркс писал: «Упразднение религии, как **иллюзорного** счастья народа, есть требование его **действительного** счастья...

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком». Все это полностью относится и к религиозной иллюзии бессмертия.

г. Челябинск

ВЕЧНОЕ БЛАЖЕНСТВО ИЛИ ВЕЧНЫЕ МУКИ?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Бессмертие души и загробная жизнь — едва ли не самая привлекательная сторона большинства религиозных учений, и можно с уверенностью сказать, что немалая часть верующих тянется к религии именно в надежде на «что-то такое» после окончания земной жизни. А между тем, по-моему, эта идея бессмертия души полна непреодолимых логических противоречий, вытекающих из самой ее сути.

Если бы даже действительно существовали бессмертие души и загробная жизнь — в любой форме, то ничего особо притягательного даже для людей «праведной» жизни в этом бы не было. Ибо загробное существование бессмертной души никак нельзя считать наградой за честную и праведную земную жизнь. Совсем напротив: для обычного человека, живущего полнокровной жизнью со всеми ее радостями и печалями, посмертное существование его сознания («души») явилось бы источником тягчайших душевных страданий.

Что можно считать истинным бессмертием человеческого сознания? Очевидно, полное сохранение индивидуальных особенностей психики конкретной личности — со всеми ее вкусами, пристрастиями, антипатиями, индивидуальной реакцией на различные события, с преемственностью памяти, с эмоциональной памятью, то есть со всем тем, что и составляет неповторимое личное «я». Без такого полного сохранения всех особенностей психического склада каждой отдельной личности бессмертие души теряет всякий смысл. Ведь изменение даже каких-то отдельных сторон человеческого сознания в загробной жизни — пусть даже при сохранении всех остальных его индивидуальных особенностей — уже не было бы бессмертием именно этого конкретного человека, так как, по сути, продолжало бы существовать не его индивидуальное, неповторимое сознание — а какое-то иное, отчужденное, хоть и похожее. Явно, что это не то бессмертие, о котором веками и тысячелетиями мечтали люди. Бессмертие — это когда «я» воскресну именно таким, каким был при жизни, со всеми неповторимыми особенностями моего сознания.

Но было бы такое воскресение для человека счастьем? Увы! Несложные рассуждения доказывают: нет, нет и нет! Ибо как раз те особенности человеческого сознания, те отличительные черты его, которые обеспечивают неповторимость личности, настолько связаны с земной жизнью, что вне ее полностью теряют свой смысл. Слишком уж многими нитями человек привязан к земле, чтобы сознание его могло бы довольствоваться «бесплотным» существованием. Возьмем конкретный пример — киевского князя Владимира Святославича. Поверим на минуту религиозным догмам и представим что бессмертная душа «святого и равноапостольного» князя и сейчас, через много столетий после его смерти, живет где-то «в поле Авраамовом», вкушая вечное блаженство.

Но блаженство ли? Из истории мы знаем, что князь Владимир был человеком кипучей энергии, бесстрашным воином, страстным охотником, любил веселые игры и красивых женщин. Очевидно, что эти и другие земные качества должны были бы сохраниться и у бессмертной души князя в загробной жизни — иначе это уже было бы не бессмертие конкретного человека, именно Владимира Святославича, а кого-то иного. Но каким бы способом душа его могла удовлетворить свои сохранившиеся земные желания и склонности, существуя в «бесплотном» виде? И выходит, что непримиримые противоречия между сохранившимися в полной мере земными привычками и склонностями и полной невозможностью их удовлетворения порождали бы адские муки, подобные мучениям Тантала, а не райское блаженство.

Все это отлично понимали еще язычники, когда помещали своих героев в «материальный» рай со всеми земными радостями. Вспомним Валгаллу древних германцев, где герои вечно пировали, охотились, сражались, любили красавиц и т. д.

Однако не только простейшие вкусы и наклонности человека тесно связаны с земной его жизнью и немыслимы вне земного, «плотского» существования. Столь же трудно «оторвать от земли», перенести в бесплотную жизнь и духовные интересы личности. Так, одна из насущных духовных потребностей каждого человека — тяга к познанию, к получению информации, естественное желание узнать как можно больше нового об интересующих его явлениях и событиях. И бессмертие без возможности получения всего этого было бы опять же мучительным состоянием, чем-то схожим с одиночным заточением (да к тому ж заточением вечным, где не было бы надежды на избавление — даже путем смерти).

Однако если бы бессмертная душа человека в загробной жизни и могла получать всю интересующую ее информацию, было бы ли ей от этого

легче? Любые сведения имеют смысл для человека лишь в том случае, если он может как-то активно реагировать на эту информацию. Но к чему «бесплотной» душе что-то знать, если она полностью лишена возможности как-то повлиять на события? Ведь это было бы лишним поводом для горьких сожалений о невозвратимой земной жизни с ее радостями, заботами и печалями. И опять получается что-то скорее похожее на вечные муки, чем на вечное блаженство. Представим себе: века, тысячелетия, вечность знать и помнить одно и то же, думать об одном и том же, вспоминать одно и то же... Не надоест ли?

Очень важна для человека потребность общения с другими людьми, с друзьями и близкими. Уже здесь, казалось бы, бессмертная душа в большом выигрыше — ведь она может общаться с бесчисленным множеством иных бессмертных душ, в том числе и с умершими ранее близкими, «дожидаясь» при этом встречи с теми из друзей и родных, кто еще зажился на земле. И в старину верующие люди, в простоте душевной, так утешали и других и себя в случае гибели близких: «там», мол, на небесах, встретимся. Но что это была бы за встреча, если бесплотные души воскресших не способны к деятельной жизни, к «сопереживанию», совместному выражению эмоций по поводу каких-то фактов и событий, радости их познания и т. д. Что же остается встретившимся на небесах друзьям и близким? Снова и снова вспоминать события минувшей земной жизни? И так целую вечность? Невесело.

Мы коснулись самых простейших из интересов и потребностей человеческой личности. Если же перейти к сфере высших духовных интересов человека, то тут противоречия становятся поистине неодолимыми. Возьмем, к примеру, потребность творчества. Обратимся снова к примерам конкретным. Так, Рафаэль или Андрей Рублев за свою земную деятельность вроде бы имели все права на загробное блаженство. Но для бессмертной души художника существование без творчества обернулось бы адскими мучениями.

Даже какому-нибудь серьезному ученому-богослову, скажем знаменитому Фоме Аквинскому, вряд ли бесплотное загробное существование пришлось бы по вкусу. Ведь и он, как-никак, привык к напряженной интеллектуальной деятельности. А о чем бы стала размышлять его душа, зачем и для кого были бы все его богословско-философские упражнения?

Против идеи бессмертия души есть возражения и иного плана. Человеческая психика изменяется. Человек разный — в 15, 25, 40, 60 лет. Так «сколько лет» его душе? Какой уровень сознания отражает она в момент смерти? А если к тому времени человек впал в старческое слабоумие? Психически заболел? Или: какова душа у грудного младенца? Какой она будет в загробной жизни, если он умрет?

Таковы вкратце некоторые непреодолимые противоречия самой идеи бессмертия души.

г. Киев **В. НЕВГОД**

Тонино ГУЭРРА

СТРАШНЫЙ РАЙ

Но если там иль вовсе нет
животных,
или заметен недостаток в них,
и если птицы, покидая воздух,
не ввысь возносятся, а упадают
вниз,
и если там не водятся — о ужас! —
жирафы иль не водится жираф, —
каков же рай?
И какова та участь,
что, в рай вступив, претерпит
мой отец?
И что же он подумает о тех
свирепых кущах?
Если здесь часами
он мог лелеять и ласкать щенка,
то там, после всего, меж
небесами,
он заслужил так проводить века.
И мать моя считает смыслом рая
там встретить кошку, что,
прожив свой век,
ушла из дома, кротко умирая,
куда-то прочь, куда-то вдаль
и вверх...

Перевела с итальянского
Белла Ахмадулина

Книга польского писателя Тадеуша Новака «Побасенки», из которой взят публикуемый ниже отрывок, представляет собой сборник рассказов-притч, рассказов-аллегорий, рассказов-поучений. Это веселые и мудрые побасенки, которые рассказывает дед Якуб.

За свою долгую жизнь он много испытал и горя и радостей. Он знает, как достается кусок хлеба, как дорого стоит ласковое слово, как мучительно одиночество, как счастлив человек, которого ждут и любят, он знает и пытается обогатить каждого счастьем любви — к людям, к солнцу, небу, любой самой незаметной пташке, к травинке. Дед Якуб рассказывает о себе, о своей жене Янтоске, об односельчанах, о тех, кого знал он, и о тех, кого он никогда не видал, о людях реальных и ставших легендой. Жизнь и сказка, реальность и фантазия затейливо переплетаются в его коротких рассказах.

Тадеуш Новак родился в 1930 году в крестьянской семье. С детства ему было знакомо «ржаного люда чистое наречье». Стихи поэта появились в печати в 1948 году, в 1953-м вышел первый сборник «Я учусь говорить», затем — «Сравнения», «Пророки уже уходят», «Псалмы для домашнего употребления» и многие другие.

В 1962 году выходит первый сборник его рассказов «Пробуждение», в 1963 — «Иноплеменная баллада». В 1968 — роман «А как будешь королем, а как будешь палачом...». Затем — «Дьяволы» (1971), «Двенадцать» (1973), «Пророк» (1977). Главный герой этих книг — крестьянин.

— Рай — он только для нищих и юродивых, — говаривала наша соседка, занимая у нас все, что можно занять в крестьянском доме, а когда Янтоска пыталась возражать ей, добавляла: — В раю-то больше холмов из сухих нищенских корок, чем из целых караваев, что золотым колесом катятся по крестьянской полосе.

Она имела право так говорить и свято в это верить, ведь каждый год перед новиной она тайком от всей деревни отправлялась в соседние приходы, чтобы выпросить хотя бы мешок сухих корок для своей оравы. А когда и такой хлеб кончался в соседних приходах, в июне на нее от голода «находило». Тогда она выбегала на деревенскую площадь, каталась в пыли, а потом тихонько напевала песнь, самую старую песнь, какую я знаю, песнь о ниспосланном нам голоде. Песнь эта начиналась так:

Ой, вельможный пане,
Голод наш кудрявый,
Скоро, пане, станем
Жевать твои травы.
Грызть нору придется
Перед хлебом новым
И почки, что светят
На венце терновом.

Ой, вельможный пане,
Голод наш красивый,
По степи ты едешь
На коне на сивом,
Едешь ты без звука
Среди рос холодных
На наши молитвы
И на смерть голодных.

И не удивительно, что ни я, ни Янтоска не смели оспаривать ее святую веру: будто рай только для нищих и юродивых. Другое дело, что ее слова были не по вкусу многим в деревне. Можно даже сказать, что она вредила себе и своей семье, то и дело повторяя эти слова. Ведь в деревне становилось все меньше таких, кто давал ей кварту муки, меру картошки, а многие даже не отвечали, когда она с ними здоровалась.

Другая наша соседка говорила иное: рай, как все на свете, можно купить за деньги. Копила она по грошу, продавая все, что удавалось продать на окрестных ярмарках. Однажды в воскресенье, когда Янтоска зашла к ней, чтобы узнать, не собирается ли соседка поехать на ярмарку, та привела Янтоску в чулан и показала ей полный горшок серебряных монет.

— Вот мой рай, — сказала она. — За денежки эти я куплю себе все обедни в ближайших приходах, все молитвы у здешних нищих, а у побирушек на паперти — все просьбы к божьей матери. Они, денежки, хотя голоса у них и нет, вымолят мне серебряным горлом мой рай крестьянский, коврами его выстелят, перинами и подушками вышитыми его выложат. И павы в нем будут ходить, и райские птицы распевать, и еще такие чудеса будут, что и подумать страшно.

А вот мой дед говорил, что рай — это краюха хлеба с добрым куском сала, отрезанным ножом из обломка косы, если ешь на скошенном лугу, когда у тебя голова кругом идет от усталости и ты не знаешь, в твоем ли теле все так кружится, или это сизый лес перед тобой кто-то непонятный запустил, как огромный волчок. Из-за этой необыкновенной выдумки, из-за такого странного убеждения он не верил ни молитвам, ни святым, красующимся на алтарях и в витражах костелов, ни тем более всяким проповедникам, внушающим нам всем, что рай существует, но это — не хлеб, не мясо, не то житейское, что нас манит так безжалостно.

Я бы поверил моему деду — ведь мне, как и ему, сало казалось все вкуснее и вкуснее. Да как женился я на Янтоске, — опротивело оно мне. Что-то во мне перевернулось, и даже малюсенький кусочек сала разрывал мою утробу, словно кто-то невидимый завел туда брыкливого жеребенка, бугая, поднимающего на рога все, что попадется. Много лет приходилось мне сидеть на жиденькой каше, на снятом молоке, на пшеничных лепешках. Вот я и подумал тогда, что мой дед переборщил немного с этим раем из свиного сала. Я-то считал, что рай — это здоровье. Так выходило вроде и не против дедовой выдумки, но и не совсем по его словам: ведь если подумать, на белом свете и кроме сала есть лакомства.

Тогда меня ни излишек, ни нужда не давили, да и времени у меня хватало, чтобы заглянуть не только в сад, на поле, в конюшню и коню в зубы, но и в себя, в свои мужичьи дворцы, доставшиеся мне по наследству от предков, в сараи-развалюхи, посмотреть на вековые навозные кучи, на ямы с вонючей жижей и на деревья, где краснеют всякие плоды; вот я и додумался, что все деревенские связывают свой рай с чем-нибудь земным, с тем, что можно в пригоршню взять, пощупать, как куриное яйцо, которое еще не дышит в гнезде, на траве, в крапиве.

Рисунки Р. Авотина.

И захотел я не такого, как у них у всех, а своего рая, особого, о котором знал бы только я, Якубек, в тайне от всей деревни, от моих детей, от Янтоськи и даже, коли на то пошло, от себя самого, обычного, будничного. Творил я его во время болезни, потихоньку, день за днем, неделю за неделей — спешить мне было некуда, на работу меня, зная, что я животом маюсь, не гнали. Выбирал я для этого рая вещи как будто незаметные, повседневные, мимо которых проходишь равнодушно. Например, из множества воробьев, что вывелись у меня под застрехой, выбрал я только одного, которого кошка уже в когтях держала, уже зубами душила, а он из последних воробьиных силенок вырвался и теперь дольше всех чирикает на вишне, что растет у окна. То же самое было и с яблонями в моем саду. Я выбрал из них те, что лишаями покрылись, совсем захирели, с трудом родили яблоки-дички, но все-таки родили наперекор своей судьбе, наперекор умиранию, что пришло к ним в ту суровую зиму.

То же самое — с соседями, с моими детьми, с Янтоской. Для моего рая не подходило что-то в Янтоске, одетой то на праздник, то для работы в поле, в Янтоске то такой, то этакой — без сердцевины. Можно поэтому сказать, что мой рай был какой-то увечный, невзрачный, прямо никакой. А кроме этих обыденных вещей, было в нем еще много таких слов, каких сегодня уже никто не помнит. Было там слово «напрямки», то есть такая дорога к цели, о которой уже не знают нынешние люди, что кружат от управы к управе, от уезда к уезду и возвращаются на свой след, как спугнутый заяц. Было и слово «лесинник», что лежит совсем рядом со словом «дубрава», только означает другой лес — стройный, высокий, пронизанный солнцем, где растет не только черника, но и надежда растет, надежда на то, что, когда выйдешь из леса, кто-нибудь из ближних так и подпрыгнет при виде тебя от радости.

Были в моем раю и двери без замка и ключа. И был в нем стол, на котором лежал хлеб и стоял кувшин молока. Сколько же людей, истомившихся в пути, уставших от жатвы, серых от пыли, садилось за этот стол. А когда они резали хлеб ножом, сделанным из обломка косы, когда они глотали его, запивая молоком, казалось мне, что они навестили меня не ради этого хлеба, а затем, чтобы признаться мне в самом сокровенном, что носили в себе всю жизнь. И был в моем тогдашнем раю луг, на котором я полеживал себе с июня до самого конца сентября. Тот давний Якубеков луг, что вернул мне здоровье; луг, где из разных трав сплетал я свою крестьянскую жизнь, хотел бы я по кусочку разделить между вами. Только сперва пусть каждый из вас глубоко в себе сотворит свой рай, другой, не тот, что для нищих и юродивых, и не тот, что для богатого звенит серебром, и не тот, что весь полон свиного сала. Подумайте, сколько на моем лугу теперь птиц, сколько зверей, мокрых от росы, сколько тмина для хлеба, что дышит на ваших столах. Стоит подумать о таком рае, чтобы луг мой зазеленел возле него.

Перевели с польского Г. ГУДИМОВА и В. ПЕРЕЛЬМАН

Социалистическая демократия в действии

Основной закон нашей жизни

А. ИВАНОВ, кандидат философских наук

Новый Основной Закон нашей жизни, принятый Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года, является вершиной в развитии советского конституционного законодательства. Если первая Конституция РСФСР закрепляла завоевания Октября и определяла классовую сущность первого в мире государства трудящихся как государства диктатуры пролетариата, если Конституция 1924 года утверждала принципы образования многонационального союзного государства победивших народов, а Конституция 1936 года законодательно закрепляла победу в нашей стране социализма, то новая Конституция — это закон жизни развитого социалистического общества.

В преамбуле Конституции коротко фиксируются главные вехи шестидесятилетнего пути и основные итоги, достигнутые за этот период в социалистическом строительстве, дается краткая характеристика общества развитого социализма с точки зрения развития производительных сил и общественных отношений, передовой науки и культуры, социалистической демократии и организованности, идейности и сознательности трудящихся, определяются высшая цель и главные задачи Советского государства.

В докладе о проекте Конституции СССР на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 года Л. И. Брежнев отметил: «**...Главное направление того нового, что содержит проект,— это расширение и углубление социалистической демократии**». Этим пронизаны все разделы, главы и статьи Основного Закона. Рассмотрим, как же отражено это главное направление в общей характеристике нашего общества, а также в характеристиках его основных сфер — политической, экономической и социальной.

Общество развитой социалистической демократии

В преамбуле Конституции отмечается, что развитой социализм — общество не только могучих производительных сил и зрелых социалистических общественных отношений, но и подлинной демократии. Социалистическая демократия, рожденная Октябрьской революцией, не есть нечто застывшее в своих формах, функциях и проявлениях, она развивается по мере развития общества в целом. Если подходить к этому с позиций главного критерия — участия масс в повседневном управлении жизнью страны, то можно увидеть значительные качественные изменения, которые произошли в социалистической демократии к моменту принятия новой Конституции и нашли в ней свое отражение. Это — все более широкое привлечение трудящихся к управлению государственными и общественными делами, рост экономической и социальной базы социалистической демократии, качественные сдвиги в объеме прав и свобод советских людей.

Возьмем для примера главный вопрос — вопрос о власти. Отличие в ее сущности на этапе развитого социализма состоит в том, что она стала общенародной — выражающей волю и интересы всего народа. Полноту народовластия законодательно закрепляет Конституция. В ней развиты ленинские положения о Советах, демократические принципы федеративной формы государственности, направленные, с одной сторо-

---

Предыдущие статьи под рубрикой «Социалистическая демократия в действии» см. в № 8, 10, 12 за 1978 год.

ны, на укрепление союзных начал, с другой — на укрепление суверенитета союзных республик, расширение их прав в решении общегосударственных вопросов.

В условиях зрелого социализма расширилась экономическая база социалистической демократии. Углубление социалистической демократии превратилось в одну из движущих сил экономического прогресса нашей страны, что позволило наполнить более основательным материальным содержанием права граждан, прочнее, богаче и весомее их гарантировать. Значительно полнее сформулированы в Конституции политические права и свободы граждан, отражены достижения в сближении классов и социальных слоев советского общества, в юридическом и фактическом равенстве всех наций и народностей.

Можно сказать, что общество развитого социализма — это общество самой развитой, подлинной, разумной, гуманной, честной и ответственной демократии, демократии от народа и демократии для народа. Обратим внимание читателей на следующий момент. В статьях «Свобода совести в первых законодательных актах Советского государства», «Развитие советского конституционного законодательства и свобода совести» (№ 10 и 12 за 1978 г.) было показано, что Советское государство с первых дней своего существования делало все для того, чтобы обеспечить максимум демократии для трудящихся, что оно никогда не разделяло их по отношению к религии или по принадлежности к отдельным вероисповеданиям, что основа размежевания в вопросах демократии была классовой, политической. Верующие в нашей стране всегда пользовались и пользуются всеми достижениями, достоинствами и преимуществами социалистической демократии. В связи с этим раскрывалась ложь писаний буржуазных пропагандистов об ущемлении в нашей стране прав верующих.

В новом Основном Законе это положение нашло свое конституционное отражение в статье 34. Равноправие граждан, говорится в ней, обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни, при этом обеспечивается независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Таким образом, отношение к религии — один из тех факторов, которые не влияют на равноправие граждан во всех основных сферах жизни общества.

Обратим внимание наших читателей еще на одну черту развитого социализма, которая характеризует его как общество подлинной демократии, сплоченности и монолитности. В преамбуле Конституции говорится, что в процессе социалистического строительства «сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества, ведущей силой которого выступает рабочий класс», что развитой социализм — это общество «высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов».

Это означает, что упрочился нерушимый союз основных социальных сил нашего общества — рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Это означает, что советские люди едины в своих политических устремлениях. На любом этапе развития социалистического общества они не только сознательно одобряют и поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства, но активно и самоотверженно трудятся над ее практическим претворением, отдают этому все свои силы и способности. Это означает, что советские люди едины в своих идейных устремлениях, патриотических и интернационалистских чувствах, живут интересами общества, руководствуются ими в своей деятельности, отдают им приоритет, борются за осуществление идей коммунизма, свято исполняют свой патриотический и интернациональный долг.

При этом социально-политическое единство советского общества, характеристика его как общества высокой идейности и сознательности трудящихся не нарушается тем, что в нем есть люди верующие или по традиции отправляющие некоторые религиозные обряды. Верующие в нашей стране не представляют какой-то отдельной социальной группы, а принадлежат к тем классам и социальным слоям, которые существуют в государстве. Они как полноправные советские граждане разделяют и поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства, в своих общественных делах и общественной жизни руководствуются идеями построения справедливого общества, являются активными тружениками социалистического строительства, разделяющими общенародные политические, экономические, социальные и культурные цели и интересы.

В интервью, данном 17 августа 1977 года московскому корреспонденту берлинского издательства «Фрайе вельт», глава русской православной церкви патриарх Пимен говорил, что в «общественной и трудовой деятельности православные христиане нашей страны, как и все верующие Советского Союза, следуют тем идеалам, которые были провозглашены шестьдесят лет назад при установлении Советской власти в России, в соответствии с которыми самоотверженным трудом народа наша страна стала высокоразвитой державой, в СССР был создан справедливый общественный строй, обеспечивший свободное и всестороннее развитие и благосостояние всех его граждан».

И когда буржуазные идеологи, пропагандисты империализма, находящиеся на его службе теологи и священнослужители договариваются до того, что наше общество якобы состоит не более и не менее как из двух классов — атеистов и верующих,— и пытаются отыскать признаки враждебности в их отношениях, вбить между ними клин, то это есть не что иное, как стремление выдать желаемое за действительное, одно из проявлений общей враждебной идеологической кампании, ведущейся против СССР и стран социалистического содружества. Не случайно для «подтверждения» своих домыслов им приходится ссылаться на действия отдельных церковных и околоцерковных экстремистов, попадающих за нарушения советских законов на скамью подсудимых, так же как в своей общей пропагандистской клеветнической кампании о нарушениях прав человека они ссылаются на отдельных отщепенцев, которые именуются «инакомыслящими», «диссидентами», «правозащитниками».

В действительности все советские люди едины в своих экономических, социальных и политических целях и интересах. Что касается отношения к религии и атеизму, то оно обеспечивается гарантируемой Конституцией свободой совести. Вот почему все советские люди, в том числе и верующие, единодушно одобрили новый Основной Закон нашей жизни, с удовлетворением приняли утверждение его Верховным Советом и введение его в жизнь.

Политическая организация советского общества

Народовластие в нашем обществе осуществляется через определенную, сложившуюся в ходе социалистического строительства политическую систему, которая состоит из ряда государственных институтов и общественных организаций. Центральное место в этой системе с первых дней Октябрьской революции занимает Советское государство. Оно и сейчас является основной организацией осуществления народовластия, главным орудием построения коммунизма, проведения политики мира и международной безопасности на международной арене. Это не означает, безусловно, что наше государство не претерпело никаких изменений в своей классовой сущности.

Если в прежних конституциях оно характеризовалось как государство диктатуры пролетариата, то в новой Конституции определяется как социалистическое общенародное государство. В преамбуле говорится, что, выполнив задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным, а в первой статье, фиксирующей сущность государственности, записано: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».

Являясь основной организацией в политической системе социалистического общества, Советское государство имеет разветвленную систему государственных органов и учреждений, с помощью которых оно выполняет свои задачи, осуществляет необходимые функции. В этой системе главенствующее место принадлежит Советам народных депутатов. Они составляют политическую основу СССР, располагают самыми широкими полномочиями по сравнению с другими звеньями государственного аппарата, руководят всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Расширение и углубление социалистической демократии наиболее ярко видно на примере этого звена государственной власти. Прежде всего об этом говорит история развития Советов. Они прошли путь от Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Конституция РСФСР 1918 г.) через Советы депутатов трудящихся (Конституция 1936 г.) к Советам народных депутатов, то есть от представительных

учреждений большинства самодеятельного населения страны до учреждений всенародного представительства.

Получили дальнейшее развитие демократические принципы формирования и деятельности Советов, усилена их роль в решении важнейших вопросов жизни общества, намечены основные пути связи Советов и их депутатов с массами. Они должны регулярно информировать население о своей деятельности, отчитываться перед избирателями, тщательно рассматривать каждое предложение трудящихся.

Государство в социалистическом обществе не является изолированным носителем власти. Оно всегда тесным образом связано и взаимодействует с общественными организациями — органической составной частью политической системы общества.

В седьмой статье Конституции говорится, что профсоюзы, комсомол, кооперативные и другие общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. Они широко привлекают трудящихся к управлению делами общества, в работе общественных организаций участвует почти все взрослое население, они представляют интересы всех его социальных слоев и групп.

Ядром политической системы, государственных и общественных организаций, руководящей и направляющей силой советского общества является Коммунистическая партия Советского Союза. Вооруженная марксистско-ленинским учением, она определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. При этом в Конституции отмечается, что все партийные организации действуют в ее рамках.

В своей статье «Исторический рубеж на пути к коммунизму» Л. И. Брежнев обратил внимание на две формы участия трудящихся в управлении государственными и общественными делами, которые впервые закреплены конституционно: вынесение на всенародное обсуждение наиболее важных вопросов государственной жизни и закрепление за трудовыми коллективами широких прав в обсуждении и решении государственных дел, в управлении предприятиями и учреждениями.

Общий вывод из краткой характеристики политической системы нашего общества может быть только один — в обществе развитого социализма достигнуто реальное политическое равенство всех классов и социальных групп, всех граждан. Никто у нас не отстраняется от участия в политической жизни, как это имеет место в буржуазных странах. Наоборот, все советские люди имеют одинаковое и равное право на участие в управлении государственными и общественными делами и активно к этому приобщаются. В тех же случаях, когда верующие подстрекаются религиозными экстремистами к уклонению от участия в выборах органов Советской власти, в деятельности профсоюзных и иных общественных организаций, государственные органы и общественные организации принимают все меры к тому, чтобы пресечь эту деятельность экстремистов и убедить обманутых не устраняться от общественно-политической жизни. Правда, эти меры нередко истолковываются некоторыми империалистическими политиками и идеологами как действия, направленные на ограничения свободы совести в нашем обществе. Но в данном случае можно только сказать, что такое истолкование — дело совести тех, кто этим занимается, дело их политической и моральной чистоплотности.

В Советском государстве делается все для того, чтобы его граждане активно участвовали в общественной и политической жизни. Не случайно главу Конституции о политической системе венчает статья, в которой определяется ее дальнейшее развитие.

Экономическая система Советского государства

Особенность социалистической демократии состоит в том, что она пронизывает все стороны жизни общества, в том числе и экономику, экономические отношения, их структуру. Народовластие в политической сфере, о котором шла речь выше, имеет под собой прочную демократическую экономическую базу. Народ в нашем обществе располагает не только всей полнотой власти в политической сфере, но и всем общественным богатством.

Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства, которая породила новые общественные отношения, позволила вырваться из плена экономической стихии, покончить с анархией производства, ликвидировать эксплуатацию человека человеком и тем самым решить ключевую проблему общественного прогресса. Она служит основой полного и подлинного равенства во всех сферах жизни, основой единства личности и общества, гармоничного сочетания общественных и личных интересов, социально-политического и идейного единства народа. Она является основой коренных различий между социалистическим обществом и обществом, базирующимся на частной собственности. Если частная собственность и порождаемые ею различные формы эксплуатации и гнета разъединяют людей, то общественная собственность на средства производства служит основой основ объединения трудящихся.

Высшей целью общественного производства в социалистическом обществе является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей, а распределение произведенных благ осуществляется в соответствии с количеством и качеством труда, затраченного каждым тружеником. При социализме производство действует в соответствии со своим главным предназначением — служить интересам всего общества и каждого человека, обеспечивать потребности трудящихся.

Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого человека при социализме является свободный от эксплуатации труд людей. Только трудовой вклад определяет степень материального благосостояния человека социалистического общества, его возможность пользоваться достижениями культуры, меру его общественного признания. Поэтому общественно полезный и добросовестный труд у нас — не только конституционное право, но и конституционная обязанность, дело чести каждого способного к труду гражданина. Уклонение от общественно полезного труда лиц, способных трудиться, несовместимо с экономическими и моральными принципами социализма, с нашим трудовым образом жизни. Государство осуществляет согласно Конституции контроль за мерой труда и потребления, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека.

На основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципа, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий оно осуществляет управление социалистической экономикой.

Капиталистическое же общество зиждется на противоположных принципах. В нем мерилом общественной ценности человека признается не труд, а бизнес, умение делать деньги любыми способами, присваивать плоды чужого труда. На почве частной собственности интересы людей неизбежно сталкиваются, ибо ценность человека в потребительском обществе сводится к уровню доходов, к количеству имеющихся у человека материальных благ. Все это порождает крайний индивидуализм, эгоизм, разобщает и взаимопротивопоставляет людей. В. И. Ленин писал, что общество частных собственников «основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»[1].

Однако такой принцип считается в буржуазном обществе основой обеспечения истинной свободы. Не случайно мир капитализма преподносится его идеологами как свободный мир в противоположность миру не свободному, под которым разумеются социалистические страны. Не случайно отрицание частной собственности и конкуренции они объявляют отрицанием и индивидуальной свободы. Не случайно свободу частнопредпринимательской деятельности они считают основой основ свободы индивида, его естественным, врожденным правом. Однако, как справедливо замечал еще Маркс: «В условиях свободной конкуренции свободны не индивиды, а капитал»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 312.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46. ч. II, стр. 154.

Демократические основы социального и культурного развития

По многочисленным предложениям трудящихся Верховный Совет СССР принял предложение об определении в Конституции не только политической и экономической основ нашего общества, но и его социальной основы. Такой основой является нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Развитие социалистического демократизма можно видеть на примере изменения этой основы. Достаточно вспомнить, что в первые годы Советской власти, как было записано в Конституции РСФСР 1918 года, социальную основу государства составлял союз пролетариата и беднейшего крестьянства, а после победы социализма в нашей стране, ликвидации кулачества и других эксплуататорских элементов — союз рабочих и крестьян.

С построением же развитого социализма не только значительно расширилась его социальная основа, но произошли и глубокие сдвиги в ее социальной структуре: значительно изменились рабочий класс и колхозное крестьянство — по образованию, технической грамотности, характеру труда, политической зрелости и идейной убежденности; подлинно народной, социалистической стала интеллигенция, возрос ее удельный вес в жизни общества; не только юридическим, но и фактическим стало равенство наций. Иным стал в целом социальный облик нашего общества, возросла его социальная однородность, сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Для нашего общества характерно социально-политическое и идейное единство всех трудящихся, всех наций и народностей.

Интересны и весьма характерны в этой связи наблюдения о жизни советских людей известного боксера-профессионала Мохаммеда Али, о которых он рассказал в интервью американскому журналу «Нью уорлд ревью». Много слышавший о том, что в России нет никакой свободы, а царят сплошные притеснения, мусульманин Али сумел при своем посещении нашей страны непредвзято взглянуть на жизнь советских людей и сделал вывод, что так говорят те, у кого толстый карман. Он заявил в интервью, что видел в России сотню национальностей, но не слышал расхожих в США слов «черный», «белый», «ниггер» или «пошел вон», что люди здесь абсолютно свободны, могут выбирать любую религию, проблем расы, цвета кожи вообще не существует.

Одно высказывание Али хотелось бы привести дословно. Оно интересно для нашего журнала не только своим содержанием, но и той долей наивности, которая в нем присутствует. «Я мог бы рассказать и о том, — заявил он, — почему народ России мне больше напоминает христиан, хотя в этой стране и атеистическая форма правления. Люди всем делятся друг с другом. Они составляют одно целое... Все обеспечены работой. И советские люди скромны, они равноправны, ведут достойный образ жизни. У нас же, хотя и всячески проповедуют религию, тем не менее на одной чаше весов — очень, очень богатые люди, на другой — очень, очень бедные»[3].

Интересам всех трудящихся нашего общества служит и социальная политика в сфере организации труда и быта советских людей. Конституционным требованием является забота государства об улучшении условий и охране труда, его научной организации, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства. Государственной конституционной задачей является расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности. В области охраны труда ставится задача переходить от техники безопасности к безопасной технике, о чем шел большой разговор на XVI съезде профсоюзов. Выполняя конституционное требование, государство, на основе роста производительности труда, неуклонно осуществляет курс на повышение его оплаты, реальных доходов трудящихся — как путем роста оплаты по труду (основного источника повышения доходов населения), так и за счет увеличения общественных фондов, из которых покрываются расходы на бесплатное образование и производственное обучение, бесплатную медицинскую помощь, оплачиваемые отпуска, материальное обеспечение в старости и в случае болезни и т. д. Интересам трудящихся служат государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, торговли и общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства.

В интересах всех трудящихся осуществляется политика Советского государства в области образования, науки и культуры. В нашей стране действует и постоянно совершенствуется единая система народного образования, которая включает в себя дошкольное воспитание, общее среднее образование, внешкольное воспитание, профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование.

В 1973 году Верховный Совет СССР принял Основы Законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. В нем были зафиксированы основные принципы его организации — государственный и общественный характер всех учебно-воспитательных учреждений; бесплатность всех видов образования, содержание части учащихся на полном государственном обеспечении и предоставление стипендий учащимся и студентам; свобода выбора языка обучения: возможность обучаться на родном языке или на языке другого народа; единство обучения и коммунистического воспитания, связь обучения и воспитания подрастающего поколения с жизнью, с трудовым воспитанием; преемственность всех типов учебных заведений, обеспечивающая возможность перехода от низшей ступени обучения к высшей; гуманистический светский характер образования, исключающий влияние религии.

В новой Конституции получила законодательное закрепление обязанность Советского государства обеспечивать в соответствии с потребностями общества планомерное развитие науки, подготовку научных кадров и внедрение результатов научных исследований в практику. Это обусловлено тем, что наука приобретает все более важное значение во всех сферах жизни общества. В нашей стране сейчас почти 1 миллион 300 тысяч научных работников — четвертая часть всех ученых Земного шара.

В Основном Законе нашей страны отражена также обязанность государства заботиться об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня, всемерно поощрять развитие профессионального искусства и народного художественного творчества. В нашей стране сейчас 571 театр, 214 концертных организаций, более 50 вузов искусства и культуры, 5 тысяч детских музыкальных и художественных школ, 96 цирков, 144 художественных музея, 135 тысяч клубов. В художественной самодеятельности принимают участие более 14 миллионов взрослого населения. Советский Союз — крупнейший книгоиздатель. В распоряжении трудящихся 131 тысяча массовых библиотек.

Дальнейшее усиление социальной однородности нашего общества, демократичности социального и культурного развития составляет одну из основных задач нашего государства. В Конституции сформулированы пути ее решения: стирание классовых различий, существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, всестороннее развитие и сближение всех наций и народностей. Раскрывать в статье все эти пути нет возможности. Отметим только два важных момента. Первый — Коммунистической партией и Советским государством принимаются все меры к тому, чтобы эти вопросы находили свое повседневное практическое решение. Второй — усиление социальной однородности нашего общества свидетельствует о его подлинной демократичности, отвечающей интересам всех классов и социальных групп, это яркий показатель того, что реальной демократии не может быть в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, социальную сущность которого составляет эксплуатация человека человеком.

Так проявляется расширение и углубление социалистической демократии в политической, экономической и социальной жизни нашего общества на этапе развитого социализма. Демократизм этих основных сфер — основа его проявления во всех других областях жизни общества: во взаимоотношениях государства и личности, в равноправии граждан, их правах, свободах и обязанностях. Этот круг вопросов будет рассмотрен в отдельной статье.

---

[3] См. подробнее: «За рубежом», 1978, № 45.

Недавно я прочитала в газете небольшую заметку о том, что наблюдатели Луны заметили необычно яркую вспышку света на ее поверхности. Ученые объясняют этот факт вулканической деятельностью лунных недр. Признаться, меня удивило такое истолкование. В моем представлении Луна — мертвое небесное тело, активная жизнь которого давно кончилась. Получается, что это не так? Напишите об этом подробнее.

И. МЕРЦАЛОВА
г. Магнитогорск

Луна еще бодрится

И. ГАЛКИН,
кандидат
физико-математических наук

Не столь давно воображение людей населяло Луну разумными существами. Увы, тщательный осмотр скафандров астронавтов, вернувшихся с Луны, и биохимический анализ лунной пыли убедили ученых, что органической жизни на Луне нет — даже бактериально-микробной. Ну, а как же обстоит дело не с органической, а с внутренней, так называемой тектонической жизнью этого небесного тела? Неужели оно и впрямь совершенно мертвый, холодный партнер нашей Земли в ее полете?

Эти вопросы волнуют не только читателей научно-популярных журналов, но и самих ученых. Более 50 полетов космических ракет к Луне разрешили многие вопросы, однако поставили множество новых. Сегодня мало кто из ученых сомневается в том, что Луна-планета некогда пережила «бурную» молодость, сходную с земной. О событиях четырех с половиной миллиардолетней давности рассказали сотни килограммов образцов горных пород, привезенных с этого естественного спутника Земли, измерения селенофизических полей на его поверхности, просвечивание лунных недр сейсмическими волнами.

Химический состав и возраст пород, определенный по концентрации радиоактивных изотопов, засвидетельствовали: примерно в первые полмиллиарда лет после образования Луны на ней возникла исходная полевошпатовая (так называемая анортозитовая) кора. Она выплавилась из оке-

ана магмы, разогретой свирепой метеоритной бомбардировкой, от которой Луну никогда не защищала атмосфера.

Со временем метеоритов стало меньше. Тонкая корка Луны остывала, твердела и мощнела, зона расплава, поддержанная теплом радиоактивных элементов, отступала на глубину. В конце первого миллиарда лет жизни в центре этого небесного тела образовалось расплавленное ядро. Вещество циркулировало в нем, рождая электрические токи и индуцируя по принципу работы динамо-машины магнитосферу Луны. Такой надежный «магнитный скафандр» и по сию пору существует у нас, на Земле, защищая все живое от смертоносного дыхания Космоса — быстрых заряженных частиц. О существовании в прошлом такого поля на Луне и его соизмеримой с земной силе говорит высокая остаточная намагниченность лунных образцов. Вначале, правда, были опасения, не намагнитились ли породы в космической ракете при возвращении на Землю? Но «Луноход-2» в кратере Лемонье измерил намагниченность в коренном залегании, не тревожа породы. Оказалось, она настолько велика, что могла возникнуть лишь в условиях сильного планетарного поля, соизмеримого с теперешним земным.

В те времена, более трех миллиардов лет назад, на Луне активно развивались процессы магматизма и дифференциации—разделения вещества по плотности. Первоначально однородное тело планеты расслаивалось на близкие к сферическим оболочки: у поверхности — легкая кора, в центре — тяжелое ядро. Такие процессы происходили и на Земле, и на других планетах Солнечной системы, по крайней мере в планетах земной группы. Первые миллиарды лет своей жизни Луна вряд ли существенно уступала по тектоническому темпераменту Земле: и там извергались вулканы, происходили разрушительные планетотрясения.

Однако Луна по массе в 80 раз меньше Земли, и она быстро исчерпала запасы тепла от распада радиоактивных изотопов и плотностной дифференциации. Ее тектонические часы спешили, она скорее состарилась, внутренние силы ее истощились: тектонические процессы замерли. Внешняя жесткая ее оболочка (литосфера) раздалась вглубь и прервала своим холодным монолитом эффект слабых потоков вещества центральной зоны. Ослабели эти потоки — исчез и «магнитный скафандр». Современное магнитное поле на Луне ничтожно по сравнению с земным. Нет там и устойчивого направления на магнитный север—юг. Остатки прежнего могущества недр Селены обнаружили сейсмические волны, «заглянувшие» глубже чем на половину радиуса Луны и «увидевшие» расплавленную зону (она не пропустила поперечные сейсмические волны).

Среди лунных камней, доставленных из восьми точек видимой стороны Луны, не встречено образцов моложе трех миллиардов лет (по некоторым определениям — двух миллиардов). Сеть сейсмических станций, поставленных в 1969—1972 годах на видимой стороне Луны, не зафиксировала ни одного катастрофического колебания ее поверхности.

Значит ли это, что лунные недра «заснули» навеки? Ведь в 1958 году и повторно через год пулковский астроном Н. А. Козырев наблюдал линию углерода в спектре лунного кратера Альфонс, которая могла объясняться истечением газа из лунных недр. За пять лет до этого он же отмечал изменения в спектре поверхности кратера Аристарх. Американские астрономы зафиксировали, что во время лунного затмения температура в кратере Тихо на 100 градусов выше температуры окружающей местности. 2 ноября 1963 года усилился красный оттенок на фотографиях кратера Кеплер, и вскоре многие обсерватории сообщили о 20-минутном красном свечении в северо-восточном диске Луны.

Когда заинтригованные астрономы начали ворошить летописи подобных кратковременных явлений на Луне, они пришли к выводу, что здесь давно «что-то» происходит: возникают и исчезают темные пятна, появляются красные оттенки, увеличиваются отражающие свойства отдельных областей, затуманиваются целые моря. Были подняты и проанализированы сообщения прошлых лет и даже веков. Упоминания о таких наблюдениях появлялись в научной литературе еще до изобретения Галилеем телескопа. К XVI веку относятся два таких сообщения, к следующему — шесть, в XVIII веке их было уже 52, в XIX — 113, в нашем веке — 210. В 1866 году астрономы констатировали исчезновение кратера в море Ясности, теперь там лишь двухкилометровая впадина. А кратеры Близнецов Мессье настолько изменились в размерах, что их давнишнее название непонятно.

Когда все явления изучили статистически, оказалось, что их распределение во времени имеет заметный пик в момент перигея, когда Луна, двигаясь вокруг Земли, приближается к ней на добрых 15 тысяч километров. Менее резкий пик числа явлений приходится и на более далекий апогей. Точки поверхности Луны, где наблюдались интригующие явления, тяготели в пространстве к кратерам вулканического происхождения (хотя и давно потухшим) и приближались к залитым базальтом лунным морям видимой стороны.

Эти моря также возникли чрезвычайно давно. Около четырех миллиардов лет назад Луна подверглась серии катастрофических сверхударов крупных космических тел, оставивших на ее поверхности углубления протяженностью в сотни, а то и тысячи километров. Потом на последнем магматическом дыхании через трещины, уходящие глубоко в недра, вылилась темная базальтовая лава, заполнившая лунные моря, в которых никогда не было и не будет воды.

А что же происходит сейчас? Ведь из 400 быстротечных явлений несколько десятков можно считать надежно зафиксированными. Астрономы начали выбираться из тупика нераспутанных «почему?» после установления на Луне сейсмометров, положивших начало научной регистрации сейсмических событий. Эти наблюдения продолжались около восьми лет. Каковы первые итоги?

Среди нескольких тысяч сейсмических записей самыми частыми оказались так называемые приливные лунотрясения. Толчки их не сильные, но удивительно регулярные. Они происходят по гравитационному расписанию, под действием притяжения Земли и Солнца. В их календаре обнаружена строгая периодичность: лунный месяц, полмесяца, 206 суток и 6 лет, что соответствует времени обращения Луны вокруг Земли и вокруг своей оси, а также периоду обращения Земли и Луны вокруг Солнца и небольшим вариациям параметров этих орбит. Другая важная особенность — лунотрясения происходят не где попало, а только на большой глубине, в узкой зоне стыка жесткой внешней оболочки — литосферы и пластичной внутренней — астеносферы Луны. Эпицентры концентрируются в трех-четырех узких и длинных поясах, как бы прорезающих швами видимый диск Луны. Эти пояса приходятся на районы темных участков — поверхности морей — и вовсе отсутствуют в юго-восточной горной четверти Луны. То есть закономерность здесь такая же, как у кратковременных явлений.

Сравнение двух карт — сейсмичности и кратковременных явлений на поверхности — по-новому осветило старые догадки. В особенности после того, как к семейству лунотрясений постепенно прибавляются хотя и не слишком многочисленные, зато весьма энергичные толчки тектонической природы, происходящие на относительно малых глубинах (25—300 километров). Несмотря на небольшую точность определения местоположения этих толчков, замечено их пространственное совпадение с кратковременными явлениями: в 12 случаях эпицентры событий разного сорта находятся на удалении не более 150 километров, еще в пяти случаях не далее 300 километров.

Недавно отмечен новый класс проявления современной активности дыхания лунных недр — истечения на поверхность газа аргон-40, в которых намечается такая же периодичность — 206 суток, что и для приливных лунотрясений. И наконец, на многочисленных снимках поверхности Луны, сделанных с облетающих ее спутников, видны явные следы сверления пород. Характерно, что в лаборатории удалось имитировать процесс образования кратеров, подобных лунным, путем пропускания газа сквозь грунт и пыль. Оказалось, что доставленные с Луны сферические включения и стекло в породах могли быть продуктами деятельности газов, истекающих из недр.

Так почти через 400 лет после первого телескопического осмотра Луны и в конце второго космического десятилетия появилась возможность связать между собой на первый взгляд разнородные данные лунных исследований. По-видимому, едва ли не с рождения Луны, или со времен ее безжалостной тряски сверхударами крупных метеоритов в теле планеты (вплоть до очень больших глубин) заложилась система разломов, трещин, распоровших лунную литосферу на несколько сверхглыб. Наиболее крупная и монолитная глыба занимает горный юго-восточный квадрант видимого диска Луны. В теплой центральной астеносфере Луны существуют потоки расплавленного вещества. Однако в отличие от Земли они не способны ни расколоть, ни тем более передвинуть глыбы лунного литосферного монолита — «тектоника плит» на Луне отсутствует. На стыке жесткой и мягкой половин Луны концентрируются напряжения, вызванные силами приливного притяжения Земли.

В соответствии с гравитационной указкой Земли и Солнца происходит «впрыс-

кивание» инъекций горячих расплавов в нижние участки литосферы. В местах готовых трещин или ослабленных зон они, подобно смазке, способствуют скольжению блоков пород вдоль трещин — там происходят приливные лунотрясения. По этим же трещинам газы понемногу выжимаются наверх. И хотя концентрации газов мизерны, но на фоне практического отсутствия лунной атмосферы их удается заметить. Неподалеку от мест выхода на поверхность систем глубоких трещин возникают и крупные толчки тектонической природы. Напряжения для них накапливаются дольше, но роль пускового механизма играют все те же приливные силы.

Луна еще бодрится, тектоническая жизнь ее продолжается, хотя и на много порядков менее активная, чем у Земли. Но проявления неотектоники Луны — важнейшие научные факты, бесценные для понимания эволюции не только Луны, но и нашей собственной планеты. Вот почему сейсмологи ищут в каждой новой сейсмограмме данные, уточняющие картины строения и жизни недр вечного спутника Земли. Вот почему не спят астрономы, боясь пропустить слабеющие вздохи Луны — свидетельства некогда горячего дыхания ее недр.

Из всего, что мы здесь рассказали, следует, что реконструкция эволюционного пути Луны проливает свет на ряд темных мест в эволюции Земли. Луна находится на более зрелой ступени планетарной жизни. Взгляд на Землю сквозь испещренное кратерами, запыленное лунное «окно» позволяет лучше понять догеологический этап ее развития. Луна в Космосе — как древний текст, помогающий прочесть историю Земли, и как современный архив Солнца, хранящий записи, имеющие прямое отношение к будущему благополучию Земли и землян.

„ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ..."

«Полноценная жизнь. Исследование жизненных трудностей и их устранение». Кого не заинтригует такой заголовок! К тому же сама брошюра — аккуратная, карманного размера, отпечатана на тонкой белой бумаге — так и располагает к прочтению. Небезынтересным окажется и текст — ведь речь идет о категориях, волнующих каждого: человек, любовь, закон, истина...

А вот и письмо, обращенное непосредственно к тебе: «Уважаемый читатель!..» Красивый, понятный почерк, доверительный тон. Словом, все располагает к тому,чтобы содержимое конверта с заграничным штемпелем было прочитано.

Получив такой заграничный сюрприз в первый раз, я, помнится, был поражен: почему прислали это мне, не имеющему никаких родственников или знакомых за рубежом, как оказался там мой домашний адрес? Теперь же, проанализировав несколько таких посланий, их содержание и направленность, я осознаю, насколько не случайно все это.

Итак, возьмем, к примеру, последний конверт, посланный в Саргатское Омской области из Франкфурта-на-Майне неким Леонидом Коломийцем. Скромное, на первый взгляд, безобидное послание с пространными рассуждениями о боге, с цитатами «великого русского мыслителя Владимира Соловьева», где говорится, что «недаром средь людей явился бог», с книжечкой, указывающей путь к истинно праведной жизни.

Но, уже задавшись вопросом, почему именно меня выбрал заморский корреспондент своим адресатом, можно увидеть, что небезобиден его расчет. Адрес и год рождения он мог узнать: о членах Союза писателей СССР эти данные публикуются. Видно, рассудил так: живет, мол, в сельской глуши немолодой интеллигент — и вдруг ему всяческие невеселые мысли в голову приходят. Не задумывается ли он над рассуждениями о том, что мир сегодня «откровенно беснуется во зле», не придет ли ему в голову мысль искать утешения в боге, который «есть любовь»?.. А интеллигент, заметим, пишущий. Значит, есть у него авторитет, есть люди, которые прислушиваются к его мнению. Стоит приобщить к богоискательству такого адресата — глядишь, и в души других будут заброшены семена сомнения.

Более того, не оставляет мой корреспондент собеседника один на один с новыми впечатлениями, в конце предлагает общение: «Пишите нам по адресу «ФРГ, Франкфурт-на-Майне...», «Слушайте нас по радио Монте-Карло...», указывает время и частоту волн, дает даже ориентиры специальной передачи для детей.

Казалось бы, нет в этих брошюрах и письмах прямого разговора о политике, нет откровенных выпадов против нашей страны. Но каждый советский человек, получив такие непрошенные весточки из-за рубежа, чувствует себя оскорбленным прежде всего в гражданских чувствах. Мне приходилось беседовать с товарищами из местной писательской организации: получали такие письма Леонид Иванов, Владимир Полторакин и другие — все испытывали такое же возмущение. Ведь мы отлично знаем, что стоит за евангельскими проповедями того же радио «Монте-Карло».

Вещатели этого радиоцентра с позиций религиозного мировоззрения освещают современную жизнь, искусно адресуя свои проповеди к молодежи социалистических стран. И можно твердо сказать, чего они хотят — не только вселить в души слушателей веру в бога, но и очернить мир социализма. Религия здесь — лишь искусная завеса. Запад ведет «психологическую войну» против мира социализма, и религия — одно из ее средств.

Но с саргатским адресатом они явно просчитались, зря потратили усилия. Впрочем, уверен, не только с саргатским.

Мне бы хотелось разложить перед тем самым Коломийцем свои книжки, публикации. Разве могу я чувствовать себя одиноким или неполноправным? Ведь большей награды, чем общественное признание твоего труда, для человека, по-моему, быть не может. Моя жизнь полна и богата. Я живу на земле, которую люблю, среди людей, которыми горжусь, и имею возможность воспеть их труд, золотые руки.

Не завидую я Л. Коломийцу. На что он разменивает свою «полноценную жизнь»? На попытки обратить советских людей в «религию антикоммунизма»? Но ведь эти попытки обречены самим ходом истории...

Николай БУТОВ,
член Союза писателей СССР

пгт. Саргатское

ОТ РЕДАКЦИИ. Писем, порой и посылок, из стран Запада в адрес советских людей поступает немало. Их рассылают десятки зарубежных религиозных центров, по сути являющихся центрами антикоммунистической пропаганды и связанных со спецслужбами капиталистических государств.

На Западе издаются для советских граждан огромными тиражами брошюры, подобные тем, что получал Н. М. Бутов. Часто они носят и более провокационный характер — призывают открыто к «свержению коммунизма».

Автор письма к Н. М. Бутову — Л. Коломиец — бывший советский гражданин, уроженец Киева. В 1941 году он выехал в Германию, будучи 30-летним молодым человеком, и все дальнейшие годы сотрудничал с антисоветскими организациями, в том числе созданными другими изменниками Родины, отщепенцами из среды эмигрантов.

Сейчас Коломиец работает в газете «Путь жизни» — религиозном антисоветском издании, выходящем во Франкфурте-на-Майне. Его деятельность по части индивидуальной переписки, видимо, нельзя рассматривать как личное «хобби». На таких предателей, отказавшихся от Родины и зарабатывающих себе на существование грязным делом клеветы, идеологических диверсий, и опирается буржуазная пропаганда.

Из газеты «Омская правда» от 9 июля 1978 г.

НАШИ ЧИТАТЕЛИ — О СУЕВЕРИЯХ

Счастливым хочет быть каждый. Нет такого человека, который пожелал бы себе несчастья. Сказанные в запальчивости слова «разрази меня бог, убей меня гром» или иные подобные призывы всевышней кары вовсе не означают, что человек верит в их исполнение. Каждый надеется, что уж его-то самого несчастья минуют. Однако для полной такой уверенности нужны гарантии. Но кто их даст, где узнать, что готовят тебе грядущие дни, какою будет твоя дальнейшая судьба? И если уж она приготовила на твою голову какие-то неожиданные удары, то надо хотя бы примерно знать о них, чтобы как-то уберечься, защититься, коли нет возможности противостоять им, отвести их от себя напрочь. Разве поборешься с судьбой? То, что предначертано ею, уготовано впредь, никому не обойти, не объехать...

Примерно так думают люди суеверные, ищущие предсказания судьбы в различных «знаках», поданных «свыше», в приметах и прежде всего в сновидениях. Дурной сон может испортить такому человеку настроение на весь день. И при этом он не считает себя ни в коей мере религиозным.

Одна наша читательница, просившая не называть ее имени, перенесла психическое расстройство из-за постоянного ожидания страшного вещего сна. Вся ее жизнь превратилась в пытку. Бедная женщина боялась даже заснуть в предчувствии кошмарных сновидений. А все потому, что в ее семье случилось горе, а накануне кто-то из сослуживиц рассказал ей некий сон, истолковав его как предвещающий страшное событие. Потерпевшая (иначе и нельзя ее назвать) просит нас напечатать в журнале ее горячее обращение к бабушкам и матерям не рассказывать и не толковать сны в присутствии детей. Душа ребенка беззащитна, восприимчива и легко ранима, он полностью доверяет взрослым, а зерна суеверия и страха способствуют тому, что он выра-

Рисунки И. Оффенгендена.

стает с сознанием, будто сновидения имеют практический смысл, которым следует руководствоваться в жизни.

«...Я, конечно, в бога не верю, — пишет нам Г. П. Макаров из города Белово Кемеровской области, — но думаю, что сон что-то предсказывает. Как-то я во сне очень сильно плакал, а утром приехал на работу и узнал, что мне дали двухкомнатную квартиру. А у нас говорят: если во сне плачешь,— это к радости...»

В ответ мы хотели бы сказать Г. П. Макарову: вполне очевидно, что получение квартиры вряд ли было для него неожиданностью. Он наверняка подавал заявление в завком, дожидался какое-то время очереди, его семья и он сам много раз обсуждали предстоящее новоселье. Услыхал он, что началось распределение квартир, подумал с тревогой: «А вдруг я опять не попаду в список?», и вполне возможно его тревога стала причиной приснившихся слез. Сон тут просто отразил реальную жизненную ситуацию.

Мы твердо убеждены: вещих снов не бывает, и так отвечаем нашим читателям на их письма. Не раз это свое убеждение высказывали и на страницах журнала. Напоминаем нашим читателям, что в 1976 году в № 10 «Науки и религии» была опубликована обширная статья доктора медицинских наук Л. Латаша и журналистки В. Астаховой «Таинственный мир сна», в которой подробно рассматривается в научно-популярной форме это физиологическое явление, необходимое для жизни человека. Сошлемся также на широко известный, доступный всем источник — Большую Советскую Энциклопедию (т. 23, стр. 636).

Сновидения, говорится там,— это субъективно переживаемые психические явления, периодически возникающие во время сна. Толкование сновидений занимало с древних времен большое место не только в религиозных ритуалах, но и в повседневной жизни. В сновидениях видели откровение богов или вторжение демонов, общение с «невидимым» миром. Составленный за 2000 лет до нашей эры в Древнем Египте сонник содержит истолкование 200 снов и описание магических ритуалов для «защиты» спящего от вредных «духов». Толкование сновидений с целью указать путь лечения играло большую роль в древней медицине.

В XIX веке с развитием эмпирических исследований сновидения были отнесены в область психологии (первую попытку создать систематическую психологическую теорию сновидений предпринял австрийский врач Зигмунд Фрейд).

Однако до сих пор целостной общепринятой теории сновидений не существует.

Таковы представления о сновидениях, которыми на сегодняшний день располагает наука. Как видите, «вещательная» функция сновидений среди этих выводов отсутствует. Военнослужащий В. А. Ахметов не настаивает на том, что сон, приснившийся его матери, был вещим, но просит объяснить, почему приснившееся сбылось.

«...Сынок, работай осторожно с ножом. Я видела во сне, будто ты порезал руку»,— сказала мне мама,— пишет нам В. А. Ахметов. — Я тогда работал в Нальчике в столовой дома отдыха и ездил туда автобусом. Рассказал в пути своим товарищам мамин сон, и кто-то заметил, что сны иногда сбываются. Придя на работу, я, как всегда, прежде всего принялся точить ножи и тут же порезал палец. Мать, увидев вечером мою забинтованную руку, ахнула: «Вот видишь, а ты не верил и смеялся».

Ничего сверхъестественного и здесь нет. Сон матери объясняется постоянной ее тревогой за сына. Она же знала, что ему ежедневно приходится действовать острыми ножами, а большого опыта в этой работе он по молодости своей еще не имеет. То, что он порезал руку именно в этот день, объясняется также ролью внушения, которое получило его сознание, восприняв слова матери. Мы предложили автору письма прочитать в нашем журнале две статьи В. Комарова, напечатанные в 1977 году: «Внушить жизнь!» (№ 3) и «Чудес на свете не бывает» (№ 1). Напоминаем о них всем нашим читателям.

А теперь о вращающихся блюдцах или о спиритизме, как называют сеансы с ними. Наш читатель А. Костенко из Николаевской области считает, что комиссия, работавшая под руководством Д. И. Менделеева в 1876 году, могла ошибаться, ее выводы относительно сути спиритических сеансов не следует считать окончательными, поэтому необходимо создать в наше время такую же комиссию из авторитетных ученых, которая несомненно подтвердит, что великий ученый вовсе не прав и спиритизм не шарлатанство.

«...Сами вы пробовали? — спрашивает нас А. Костенко. — А вот я проверял. Со всей семьей из троих человек, имеющих высшее образование, и одного гостя со средним. Блюдечко двигалось и отвечало на все вопросы, обращенные и к «духам», и к отсутствующим живым, и даже к кошке и кусту розы. Сам факт движения блюдца можно объяснить напряжением биотоков, электрическим или магнитным полем, но логическая связь ответов осталась для нас тайной. Ваша попытка объяснить это явление заранее направленным мышлением не подходит (автор письма имеет в виду статью в журнале «О вещих снах и всезнающем блюдечке» — № 12 за 1977 г.). В ходе эксперимента вопрос был обращен к пропавшему коту по кличке Ярик. «Тебя убили?» — спросили мы. Блюдце ответило: «Да». Можно считать, что ответ объясняется нашим убеждением в гибели кота, но на вопрос: «Кто тебя убил?» — последовал ответ: «Пафка». У нас есть сосед Павел Семенович. Мы не поверили Ярику и спросили снова: «Может быть, тебя пристукнула баба Нюра?», но кот настаивал на своем: «Нет, Пафка...»

Далее следует «научное» обоснование кошачьего ответа. Что тут скажешь? Комментировать это письмо нет смысла. Мы здесь остаемся верными сторонниками великого русского ученого Д. И. Менделеева, а в ответ приведем письмо другого нашего читателя В. В. Янковского из Калининграда. Еще молодым комсомольцем он из любопытства участвовал в спиритическом сеансе, который организовала его знакомая эстонка, говорившая по-русски с легким акцентом.

«Все мое внимание сосредоточилось на одной загадке: кто же двигает это блюдце? — рассказывает В. В. Янковский. — Сидело нас пятеро, я пристально наблюдал, но не улавливал движения ни в чьих пальцах. Но вот очередному духу задали вопрос: «Будет ли война?» Ответ: «Не путет», совершенно точно определил национальную принадлежность «духа». Всем нам, державшим пальцы на блюдечке, стало стыдно за хозяйку дома и за себя...»

Письма с просьбой объяснить тот или иной «сверхъестественный» случай мы получаем каждый день. Случаи — порой самые неожиданные. Суеверные люди считают, что всем этим явлениям невозможно дать ре-

альное истолкование, и поэтому человек начинает верить в бога. Наш читатель В. З. Захаров, проживающий в Мордовии, в деревне Верхние Мочары, рассказывает о том, как он, делая в своем доме ремонт, снял из переднего угла иконы, угóльную полочку и не стал вешать их обратно, а повесил картину. Поработал, прилег отдохнуть и вдруг видит, что стамеска, лежавшая на столе рядом с молотком, приподнялась и с громким стуком опустилась на место. Вот тут В. З. Захаров и задумался о боге. Что же произошло? Объяснение напрашивается само собой. Это могло быть либо слуховой и зрительной галлюцинацией, либо обычным сновидением. Задремал человек, и ему привиделось нечто такое, о чем спорил он с женой. Верующая жена не разрешала разорять «святой» угол, возражала против картины, занявшей место иконы, и предсказывала, что за это святотатство бог накажет их семью. Сон мужа она, конечно же, истолковала как божественное предзнаменование.

Бытовое суеверие и предрассудки часто путают с приметами. «Не все приметы — предрассудок» называлась статья Л. Максимова, преподавателя из Хмельницкой области, напечатанная в нашем журнале (1976, № 12). Девочка из города Уфы, пятиклассница Зухра Махианова с интересом прочитала статью и решила ее дополнить:

«...Если звёзды светят ярко, это к ясному дню, если их нет, то погода будет плохой. Если упадет ложка, значит придет знакомая женщина, если вилка или нож, — то мужчина. Долго смеешься, будешь долго плакать. Если в чае плавает вот такая палочка (Зухра нарисовала черточку величиной с восклицательный знак), жди гостей. Гуси на траве, — жди дождя. Если на тебе ниточка, то значит кто-то в тебя влюбился...»

В этом письме приметы перемешаны с предрассудками. Зухра не умеет их отличать, но взрослые люди должны четко в них разбираться. В заключение своего письма девочка сообщает:

«Я сама горожанка, а на каникулах живу в деревне. Меньшинство взрослых, младших школьников и дошкольников верят в бога. Взрослые говорят, если будешь долго купаться, то тебя унесет русалка. Или хлеб нечаянно уронишь, они говорят, что за это бог ударит по голове. Я говорю всем, что бога нет, но они все еще в него верят. Но я уверена, что с этим будет покончено...»

Вот такое письмо прислала нам девочка. И хотя она еще путает приметы и суеверия, видна уже ее атеистическая убежденность — в укор некоторым взрослым, считающим себя неверующими, но подверженным суевериям.

Детские письма нас всегда радуют. Еще бы! Маленький человек выражает свой собственный взгляд на окружающий мир. Такие письма никогда не бывают ординарными и всегда содержат в себе проблему. Разве, например, это не проблема, что ребенок ставит в один ряд и приметы природы и предрассудки? Разве это не поле деятельности,— да еще какое! — для учителя естествознания? Много писем получаем мы от учителей с просьбой давать методики атеистического воспитания в школе: какою должна быть тематика? Вот вам животрепещущая тема, товарищи учителя,— «Приметы и предрассудки». Зухре Махиановой мы посоветовали попросить классную руководительницу или пионервожатую провести пионерский сбор или урок на эту тему. Пусть каждый пионер скажет, какие явления он считает приметами, а какие — предрассудками. Разрешите напомнить, что без атеистического воспитания не может быть полноценного коммунистического. Но вот письмо девушки, которая давно закончила школу, однако совершенно ясно, что атеизму в ее школе внимания не уделяли.

«Мне 20 лет, я работаю трактористкой в совхозе, — пишет Оля Тупикина из села Березовка Липецкой области. — Ваш журнал читаю недавно. Я слышала от старушек, будто в священном писании сказано, что скоро, в двухтысячном году, наступит конец света. Дети пойдут непочтительные и воры, в каждом доме будут разговаривать черти, небо опутает проволока, а хлеб будет кирпичиком. Войны не будет, но люди станут гибнуть сами по себе. Исчезнет вода, чтобы достать ее, придется ходить много километров. Солнце померкнет, а потом и вовсе погаснет, и все на земле провалится под землю, только самые праведные, достойные останутся жить. Напишите в журнале свое мнение об этих слухах...»

Из Олиного письма видно, что она совсем не знакома с научно-популярной литературой. Мы посоветовали девушке почитать «Настольную книгу атеиста», где дается краткий обзор библейских книг. Одна из них — последняя книга Нового завета, Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова, на которую всегда указывают как на пророчество гибели мира. Научное объяснение Апокалипсису дал Ф. Энгельс. Он указывал, что Откровение Иоанна было написано неизвестным христианином из евреев в царствование римского императора Гальбы или немного ранее, между 67 и 69 годами, вскоре после смерти римского императора Нерона. Апокалипсис с его фантастическими картинами издавна служил для запугивания верующих, служит, как видите, все еще и теперь, судя по письму трактористки Оли.

Вывод о недостаточности атеистической пропаганды приходится делать довольно часто, знакомясь с почтой нашего журнала. Даже в том, что суеверия некоторые наши читатели путают с приметами, видна слабая работа атеистов. Ведь суеверия ведут, по сути, к религиозной вере, так как в основе их обоих лежит вера в сверхъестественное. Нельзя сказать, что ты не веришь в бога, если даешь больному ребенку выпить «святой воды», надеясь этим его излечить. Современный человек, боящийся черной кошки, цифры 13 и многих иных «плохих» примет, не станет, конечно же, молиться «О исцелении от грыжной болезни — великомученнику Артемию», как, например, советует «Справочная книжка и календарь для донского духовенства на 1896 год», изданная когда-то в Новочеркасске. Но веря в то, что положенный под пятку пятак принесет отличную отметку или приснившиеся слезы предвещают неожиданную радость, он близок к тем верующим, кто «О сохранении от пожара и молнии» молится пресвятой богородице «Неопалимой купине».

И религия и суеверия отдают человека во власть иллюзий. Несомненно, права юная Зухра Махианова, считая, что скоро с этим будет покончено. Однако долг атеистов помочь приблизить это время.

Е. СЕРГИЕНКО

ШУТКИ ПЕТРА ОРЕШИНА

Рассказы наших читателей

П. РОДИН, учитель

Рисунок Е. Катышева.

СЕЛО, где жил известный в 20-х годах поэт Петр Орешин, друг Есенина, сохранило старое свое название — Голахово. Электрифицированный быт, высокомеханизированное колхозное хозяйство, мотоциклы, автомашины, телевизоры, благоустроенные дома, а название —память о крае голяков, бедняков, каким он был раньше.

Я учитель в здешних краях, и меня всегда интересовала жизнь Петра Орешина, хотелось узнать, чем он занимался, что любил, какие имел наклонности. Как только я приезжаю в Голахово, непременно собираю тех, кто провел жизнь в селе и еще помнит поэта. И хотя ровесников Петра Орешина уже не оказалось, но мои собеседники — люди достаточно пожилые, помнили его и молодым еще человеком, и уже известным, время от времени приезжавшим домой отдохнуть от столичного шума.

— А ведь он заикался немного, знаете ли вы об этом? — заметил один из собеседников.

— Знаю.

— Заикался, а как, бывало, запоет,— куда и заикание денется.

— Пел?

— Певун был. И на гармошке играл. Да как! Ну, прямо бисер рассыпает. Особенно ловко у него получалось на саратовской, с колокольчиками. Бывало, играет и частушки строчит, вроде бы не думая, прямо на ходу:

Эх, что-ты, что-ты, что-ты,
Истрепал я в пляске боты.
Командир четвертой роты
Выдаст Петьке новы боты.

— А знаете ли,— начал старичок с какими-то детскими глазами, — его, бывало, на побывку ждали не только родители, но и все, с кем водил он дружбу. Как, бывало, приедет, так все село будто делается другим. Он везде успевал, все делал по-своему, и все у него получалось как нельзя лучше.

В разговор вступила Мария Ивановна Тихонова — собеседница, интересная для меня тем, что жила она через двор от дома Орешиных.

— Хотите, я вам расскажу о Петиных проказах? Я ведь помню его с тех самых пор, как себя стала помнить. Как-то зимним вечером, на святки это случилось, к нам кто-то шибко постучал в окно, даже стекла задребезжали. В те времена о занавесках и понятия не имели. В любое окно гляди — все увидишь, что делается в избе. И что же? Глядим, а в окно черт уставился: глазищи по пятаку и моргучие, зубастый рот открыт и длинный, как у собаки, язык весь в пене и свис набок, а на лбу бычьи рога... Настоящий черт! Все перепугались, окаменели. Мать схватила меня на руки, прижалась в самый дальний от окна угол, а сама шепчет молитвы и дрожит, как от озноба. Помню, у дедушки глаза побелели, и он как держал шило в руках (валенки подшивал), так и застыл с ними. Наконец бабушка сорвалась с места, отшвырнула от себя прялку, подскочила к лампе и дунула на нее, а когда свет погас, крикнула: «Становитесь на колени, молитесь!..» И начала первая: «Да воскреснет бог, да расточатся врази его...»

Черт исчез. А потом, помню, приходил Петр испрашивать извинения за свою шалость. Не ожидал он, что так перепугает нас.

— Не с-с-серчайте на меня, с-с-соседушки,— говорил он.— С-с-святки б-были. Как же тут не пошутить...

— Шутка-то у вас, Петр Васильевич, не очень удобная получилась,— дедушка в ухмылке пошевелил свои сивые усы. — Мы ведь подумали, что к нам и на сам-деле черт пренпожаловал.

Мария Ивановна, слегка подрагивая плечами, тихонько засмеялась, чувствовалось, что ей приятно вспоминать о далеком прошлом.

— А то вот еще какую потеху он учинил, — несколько помолчав, заговорила она. — Умер у нас тут один старик. Владимиром его звали. Фамилию я его не помню, но дело не в фамилии. При жизни старика колдуном считали. Глаза у него были раскосые и по цвету разные: один голубой, другой черный, как вороново крыло. И, как сказывали, если он глянет своими страховидными глазами на новорожденного ягненка или, скажем, на жеребенка, то конец этой животине— обязательно подохнет. Люди не любили деда и, само собой, побаивались его. Грудных детей от него скрывали, а свадебные поезжания огибали его чуть ли не на целую версту, аж вон куда, на выгон выскакивали (старушка указала палкой на зеленевший луг за селом) — боялись, как бы дед Владимир порчу не напустил на молодоженов.

Похоронили «колдуна» по всем христианским правилам, но вскоре пошли слухи, что встает он по ночам, бродит, как и при жизни, с клюкой по селу. Больше всех этот слух разносил Петяня Орешин. Он многим говорил, что не раз видел старика возле своего дома, а однажды будто бы тот стучал клюкой к ним в дверь. Рассказывая так, он подбил молодежь пойти всем ночью на кладбище и проследить, встает колдун или нет.

Собрались, кажется под троицу, девки с ребятами, несколько мужиков и пошли. Сам Петр наотрез отказался идти на погост. «Заболел,— говорит,— а то бы с удовольствием».

И вот идут наши храбрецы на кладбище и для бодрости разговаривают между собой погромче. Ребята и мужики запаслись палками, дубинами, вилами. Пересекли луг, перебрались через канаву и направились к дедовой могиле. Близко уже подошли, и вдруг на бугорке зашевелился камень, а из-под него выходит колдун — во всем белом. Страх божий! Все так и ахнули. А он растопырил руки и идет на них — быстро так идет. Борода всклочена, волосы взъерошены, а в правой руке клюка. Девки первыми струсили, заорали что есть мочи и наутек, за ними тронулись подростки, потом ребята, последними побежали мужики. Вилы, колья и дубины по дороге порастеряли. Через бугры и рытвины кувырком летели: кто шишку себе на лбу набил, кто нос расквасил, иные рубахи, штаны порвали. Вот где канитель-то была! Батюшки! Шум, визг, плач... Прибежали в село и давай народ булгачить. Дело дошло до священника — гурьбой к нему привалили. Тот вышел на балкончик прямо в подряснике, осенил толпу крестным знамением и попросил рассказать толком, что случилось.

— С нами божья сила, — сказал священник, выслушав свидетелей происшествия. — Не пугайтесь сатанинских наваждений. Завтра во всем разберемся, а сейчас расходитесь по домам, помолитесь господу.

Все разошлись, истово сотворив крестное знамение в сторону церкви. А утром возле лавочки собрались мужики и бабы, у всех только и было на языке, что ночное происшествие. Бабы охали и крестились. Только хотели идти к церкви, глядь — идет старший Орешин. Мужики давай ему расписывать ночное событие, а он себе бородку поглаживает и улыбается. Что ж тут, спрашивают, смешного, молебен надо заказать от нечистой силы.

Посмеялся он и спрашивает:

— Подумайте-ка, разве покойники встают из могилы?

— Да ведь дед-то колдуном был! Да и видели его!

— Кто видел?

— Люди. На погост-то целая толпа ходила, и все видали, как старик из-под камня вылез и прямо на них с палкой.

— На кого?

— На людей же.

— А они что?

— А они, конечно, испугались и кто куда.

Петров отец снова засмеялся:

— И как же вам не стыдно, мужички, молоденького парнишки испугались.

— Какого парнишки?

— Да моего Петра, ведь это он вас перепугал. Пока вы туда собирались да канителились, он схватил простыню, льняную бороду приладил, на голову овчину натянул и рысью на дедову могилу. Камня он, конечно, не трогал — это вам уж от страха показалось, просто залег за холмик, а когда вы подошли, он и выскочил с сухим подсолнечным стеблем в руке. А вы, вместо того чтобы узнать его да вместе посмеяться, удрали.

Тут подоспел сам Петр, молчание затянулось, стало неловким, а он похлопал молоденького паренька по плечу и спросил, не ушибся ли тот, когда кувыркался в канаве?

Все охотно поддержали шутку, парень маялся, краснел, пока за него не заступился сам Петр.

Одна из женщин вышла из толпы и подошла к Петру.

— Батюшка вас просит, чтобы вы к нему на дом пришли.

— Батюшка?

— Да. Видно наказать вас хочет за шутку-то вашу.

— А вот это он не в-видел? — пальцы его руки сложились в непочтительный кукиш.

с. Малая Байка
Ртищевского района
Саратовской области

Лучшие публикации 1978 года

Редколлегия журнала «Наука и религия» признала лучшими из опубликованных в 1978 году следующие статьи, очерки, интервью:

И. Баллод.
ДУША РВЕТСЯ К ЛЮДЯМ (№ 12)

Н. Бианки.
ВИЖУ! (№ 3)

И. Виноградов.
МЫТАРСТВА РАЗУМА НА ПУТЯХ ВЕРЫ (№ 9, 10)

А. Володин.
ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ «АНТИ-ДЮРИНГА» (№ 7)

Л. Графова.
ПУТЬ К СЕБЕ (№ 1)

И. Григулевич.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ РИМСКИХ ПАП (№ 1, 3, 4)

Г. Медынский.
ВОСПОМИНАНИЯ (№ 6, 7, 8)

М. Мерденова.
Я СТАНУ ТОБОЙ ДЛЯ ЖИВЫХ... (№ 5)

М. Попова.
БОГ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ У КАРЛА ЮНГА (№ 1)

А. Романов.
БЫТЬ ИЩУЩИМ... (интервью с народным артистом СССР С. Бондарчуком) (№ 10)

А. Сагадеев.
ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ СВОБОДОМЫСЛИЕ ВОСТОКА (№ 2)

З. Федорова.
ПОДАРИ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ (№ 3)

А. Харьковский.
ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ (№ 11)

Н. Юдин.
ДИАЛЕКТИКА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ (№ 11)

КОВЧЕГ НА САРАДО

ЭТУ ИСТОРИЮ я записал со слов старожила-охотника эвенка Николаева во время экспедиции по южному побережью Охотского моря. Здесь-то я и услышал чисто местный вариант библейского эпизода с ковчегом.

— Я тогда совсем молодым был. Приехали с отцом на ярмарку в Бурукан. Там церковь была, и каждый год все наши ездили туда: меха сменять на ножи, порох, крупу, ну и бабам купить ситцу, нитки и другое чего. У знакомого купца припас торгуем, вдруг шум, крик: урядник с казаками народ к церкви сгоняют — поп говорить будет. Народу сбилось в церкви — тьма. Вдруг в колокола ударили. Урядник кричит: «Становись на колени!» Выходит поп из церкви. Поднял он крест высоко, на нас машет и кричит: беда, мол, пришла. Мы в ответ: «Какая, однако, беда?» А он нам: «Явился мне бог и сказал, за грехи в воде топить вас будет, потоп пошлет. Кайтесь, грешники!»

Стоим мы на коленях, плачем. А против церкви кабак. Анисим, кабатчик, выскакивает на крыльцо, кричит: «Пейте, братцы, все равно скоро помирать!» Тут все зашумели, забегали, кто в церковь, кто в кабак, мечутся туда-сюда. Весь этот день да и ночь шарагатились. Утром опять колокола. Ну, думаем, беда. Однако поп на паперти стоит радостный. «Братья, — кричит,— по своей милости бог вам спасение послал. Во сне явилась мне богородица и сказала, что если ты, служитель божий, будешь хорошо молиться да украсишь храм, бог смилуется. Надо только на горе Сарадо ковчег построить по подобию Ноева ковчега. Кто будет его строить, тот от утопления спасется. А в ковчег возьмут тех, кто больше на храм пожертвует».

Помирать-то кому охота, бросились всем миром ковчег строить. А вершина Сарадо — безлесная, издалека пришлось бревна на плечах таскать. Работу быстро закончили, у ковчега алтарь, большой крест из лиственницы устроили. Поп и говорит: пришла, мол, пора посмотреть, кто к богу ближе. Понесли ему со всех сторон меха — все, чем тайга наша богата. Поп шкурки берет, чуть мех плохой — в сторону отбрасывает. Потом отобрал он «счастливцев»: ковчег полнехонек. Те, что остались, по всей горе рассыпались, плачут. Стал поп у креста, риза золотая, лицо к небу поднято — молится. Прошел так день, ночь наступила. Мы костры зажгли, на горе светло, как днем. Вдруг под утро поп как закричит. Мы к нему. Он руки воздел кверху: «Радуйтесь, видение мне было! Внял бог моей молитве, отменил потоп. Меха, что принесли, велел взять на украшение храма. Идите, рассказывайте про чудо божье!..»

...Позже, в архиве, попался мне пожелтевший документ, подтвердивший достоверность этой истории. А на вершине сопки Сарадо видел я гнилые тесаные доски и остатки креста.

Б. СУШКОВ,
действительный член
Географического
общества СССР

г. Владивосток

БОЖЕСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Среди огромного количества растений, существующих на Земле, есть семейство пасленовых — Solanaceae. Это латинское название происходит от латинского же глагола «solari» — «приносить облегчение», «утешать».

К пасленовым относятся почти 900 видов трав, кустарников и даже деревьев, растущих в теплом и умеренном климате. Широко известные картофель, томаты, паслен, а также белена, белладонна, дурман, скополия, мандрагора и многие другие относятся к этому семейству. У картофеля ядовито все, кроме клубней, у томатов и паслена черного — все, кроме плодов и семян, а уж белена, белладонна, дурман ядовиты целиком.

Откуда название семейства?

Чем они утешают, как приносят облегчение?

Издавна люди заметили необычные свойства этих растений и путем проб и ошибок установили: в малых дозах яды белены, белладонны, дурмана и их родственниц — скополии и мандрагоры, упоминаемой в священном писании, — прекрасные лекарства. Так, лекарственные свойства белены были известны уже в Древнем Египте, Греции, Риме. В средние века ее и мандрагору применяли как обезболивающее средство во время хирургических операций.

В 1833 году из корня белладонны был выделен алкалоид атропин, названный так по названию растения (Atropa belladonna). Тогда же из белены (Hyoscyamus niger) получили гиосциамин, несколько позже из скополии — скополамин. Так постепенно ученым удалось проникнуть в тайну этих растений — установить, что в белене, например, содержится целый набор алкалоидов: и атропин, и гиосциамин, и скополамин, что они есть и в других ядовитых растениях этого семейства: дурмане, скополии, мандрагоре. Сегодня в медицине гиосциамин и атропин служат лекарствами при язвах желудка и двенадцатиперстной кишки, почечной и печеночной колике, бронхиальной астме, холециститах, стенокардии, инфарктах миокарда и т. д. — они снимают боль.

Однако веками, тысячелетиями с этими растениями были связаны также мистические представления и многие суеверия. Ведь всего 0,1 грамма атропина, например, — смертельная доза для человека. И это отразилось в его названии: Atropos — «Неизбежная» — старшая из трех мойр — древнегреческих богинь судьбы. Они изображались сидящими на высоких стульях, в белых одеждах, с венками на голове, прядущими на веретенах необходимости и поющими. Клото (Клофо) поет о настоящем, Лахезис — о прошедшем, Атропос — о будущем — о неотвратимой, неизбежной судьбе смертного.

Статьи этого цикла см. в № 7 за 1975 г., в № 5, 9 за 1976 г., в № 9 за 1977 г., в № 3 за 1978 г.

УТЕШИТЕЛИ?

В. АСТАХОВА

Рисунки Е. Катышева.

Белладонна в переводе с итальянского означает «прекрасная дама». Дело в том, что когда-то венецианские красавицы соком блестящих красных, похожих на спелую вишню ягод этого растения румянили щеки и вызывали расширение зрачков — чтобы глаза казались «бездонными». И нередко модницы отравлялись — у них ухудшалось зрение, а иногда наступала слепота. Вообще отравления ягодами белладонны (она же красавка, пьяная вишня, сонная одурь) случались довольно часто. В 1813 году, например, солдаты наполеоновской армии отравились ее ягодами во время стоянки в Германии близ города Пирна. Многие из них погибли.

Родственницу белладонны — белену — в Древней Греции именовали «пифенион». Алкалоиды этого растения сильно одурманивают, вызывают безумие (отсюда поговорка — «белены объелся»). Это свойство настоев и испарений белены давно заинтересовало людей. Не обладая достаточными знаниями, они не могли объяснить такое воздействие на свой организм белены иначе, как вмешательством сверхъестественных сил. Ядовитыми испарениями белены одурманивались жрицы-прорицательницы, пифии, чтобы с вдохновением пророчить будущее. Плиний называл ее травой Аполлона, широко почитаемого греческого бога Солнца.

У древних славян белена была посвящена богу весны, растительности и плодородия — Яриле. Когда Ярило насылал засуху, — для смягчения его гнева совершалась такая церемония. Со всего селения собирались девушки, раздевали донага какую-нибудь маленькую девочку и вели ее туда, где росла белена. Там девочка должна была мизинцем правой руки вырвать белену с корнем. Растение привязывали к мизинцу ее правой ноги, и при ходьбе оно волочилось следом. Затем девушки с зелеными ветвями в руках вели девочку к ближайшему озерцу, брызгали на нее ветвями, смоченными в воде, и возвращались обратно. Весь обряд сопровождался заклинаниями, а также пением ритуальных песен. Древние кельты посвятили белену богу солнца Беленусу. Этим, кстати, объясняют и ее русское название.

Даже еще не так давно издавались книги, где серьезно говорилось о сверхъестественных способностях белены. Так, в сочинении Поля Седира «Магические растения» (СПб., 1912) среди растений, «которыми пользуется дьявол для извращения чувств своих рабов», упоминается и белена. Они «позволяют видеть адские тени и злых духов». Сок этих растений, по сведениям П. Седира, входил в состав волшебных мазей, помогающих ведьмам улетать на шабаш. При отравлениях беленой возникают галлюцинации, усиливается внушаемость, появляется ощущение полета, затем может наступить смерть. И кто знает, не стала ли именно белена одной из причин появления рассказов о полетах ведьм?..

Растение это широко распространено в нашей стране. Оно встречается на сорных местах, выгонах, паровых полях и залежах почти везде, кроме пустынь и Крайнего Севера. Когда отцветают его красивые, но мрачноватые желтые с фиолетовыми прожилками цветки, на верхушках стеблей появляются плоды, заключенные в чашечку цветка: кувшинчатые многосемянные двухгнездные коробочки, закрывающиеся крышечками. Семена мелкие, круглые, желтовато-серые, очень похожи на семена мака. Они-то и привлекают детей, что может привести к отравлению беленой. Иногда эти семена жуют от зубной боли и взрослые — с большим риском отравиться.

Плохая слава сопутствует и близкому родственнику белены дурману (одурь-траве). Предполагают, что пифии в Дельфах своим экстазом были обязаны не только белене, но и этому растению с крупными белыми цветками-граммофончиками.

Двумя видами дурмана — Datura alba и Datura metel — издавна пользовались в Индии для намеренного отравления спящих. Там даже существовала профессия «отравителей датурой». Отравитель через трубку осторожно вдувал порошок из семян дурмана спящему в нос. Тот засыпал еще крепче, и тогда все ценное, что было в его доме, уносили. Другой вид — Datura innoxia — издавна применялся в народной медицине, а также в религиозных обрядах индейских племен Центральной Америки. Название этого очень ядовитого растения — ботанический курьез, так как в переводе означает «дурман безвредный».

Тот вид дурмана, который почти повсеместно встречается у нас, — Datura stramonium — растет как сорняк вокруг жилищ, у дорог, на пустырях и нередко образует целые заросли. Листья у него очередные, с длинными черешками, цветки — белые, на коротких цветоножках, расположенные в пазухах стебля и ветвей. Плод похож на покрытый шипами орех. Дурман иногда достигает высоты 120 сантиметров и отличается устойчивостью к засухе. Бывает, что его культивируют как декоративное растение.

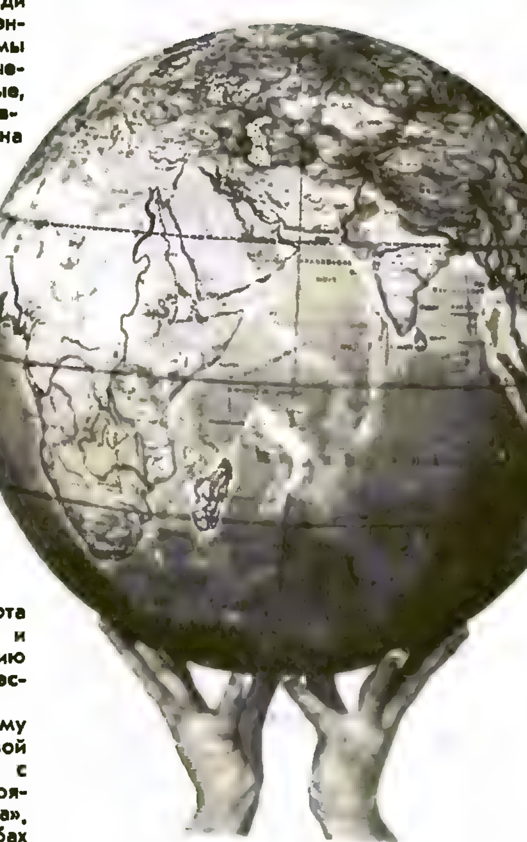
П. Седир писал о нем в своих «Магических растениях» весьма нелестные вещи: опоенный дурманом может под влиянием внушения совершать преступления и не сохранять о них никаких воспоминаний — все улетучивается из памяти вместе с прекращением действия его ядов...

Но все же мистический налет с растений-«утешителей» в наши дни снимается повсеместно. И делают это научное исследование и использование их свойств.

КАК ТОМАС ДЕРР РЕШАЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Е. СОКУРЕНКО

ПРОБЛЕМА воздействия людей на природу в условиях современной научно-технической революции стала, как известно, насущной социальной проблемой, затрагивающей жизненные основы человечества. Сейчас для всех очевидно, что возрастающее воздействие человека на среду своего обитания ведет, с одной стороны, к росту различных благ, а с другой — обнаруживает опасные тенденции разрушения природы в результате нерегулируемого вторжения в сложные и тонкие экологические процессы.

Остроту сложившейся ситуации, именуемой нередко «экологическим кризисом», осознают сейчас многие люди различных мировоззренческих ориентаций. Над решением этой проблемы работают в разных странах тысячи ученых, исследующих естественнонаучные, экономические, философские, нравственные и другие ее аспекты. Она привлекает внимание политиков и правоведов, руководителей государств и миллионов простых людей. Необходимо отметить позитивную роль этого движения, с которым вынуждены считаться представители всех кругов капиталистических государств. Не могут остаться в стороне от этой проблемы и теологи: она горячо интересует многих верующих. В ряду многочисленных теологических публикаций по этим вопросам — книга протестантского богослова, преподавателя Смитовского колледжа в США Томаса Дерра «Экология и человеческое освобождение»[1], выпущенная в 1973 году в Женеве издательством Всемирной студенческой христианской федерации. Эта работа выделяется широтой охвата проблем и в то же время по своему освещению проблем экологии типична для протестантизма.

Называя экологическую проблему «новой формой армагеддона, битвой за спасение жизни людей», автор с тревогой пишет о современном состоянии системы «человек — природа». Книга проникнута заботой о судьбах человечества.

Дерр дает обстоятельный обзор мнений представителей различных религий в связи с дебатами об окружающей среде, ведущимися по линии Всемирного совета церквей, излагает и свою точку зрения. Говоря о стремлении теоретиков протестантизма приспособить священное писание для объяснения актуальных проблем современности, Дерр справедливо отмечает, что даже использование одного и того же источника — Библии — не освобождает протестантских теологов от разногласий в подходе к проблемам взаимодействия природы и общества.

В интерпретации проблем экологии современными теологами Дерр выделяет два основных подхода: оптимистический и пессимистический.

Оптимисты полагают, что если экологические трудности порождены цивилизацией, то их можно будет преодолеть на той же основе дальнейшего развития естествознания и техники. Среди теологов число приверженцев этого направления с каждым годом уменьшается. Можно говорить совершенно определенно, что большинство из них составляют представители христианских церквей социалистических стран. Так, богословы русской православной церкви выдвигают для оптимистических прогнозов теологическое и социально-политическое обоснования. Во-первых, это модернистское положение о том, что современный человек — помощник, «соработник богу», а во-вторых, «понимание реальности» — того, что существует экономическая система, рожденная социалистическим строем[2]. Однако Дерр будущее человечества и природы не ставит в связь с социально-политической ориентацией церквей.

Большинство западных протестантских теологов в настоящее время придерживаются второго подхода — пессимистического. Науку и технику они представляют в виде демонов, губительных для человечества. Экологический кризис, по их мнению, следствие не хищнической сущности эксплуататорского общества, а моральной деградации людей. Избежать экологической катастрофы, считают такие теологи, можно ограничением роста населения, сдерживанием темпов развития материального производства.

Сам Дерр больше склоняется к технологическому оптимизму, и с симпатией относится к «теологии процесса» — самому модному течению в современной протестантской теологии США. Зародившееся еще в 30-е годы, в последнее время это направление приобрело большую популярность, прежде всего благодаря отсутствию в нем концепции традиционной для христианства ежеминутной предопределенности человеческой судьбы и судеб природы. Нетрадиционным в этом течении выступает и само понятие бога: тут он одновременно и познаваем и непознаваем, он — в мире и в то же время над ним и отождествляется с Космосом. Бог для приверженцев «теологии процесса» обладает предвидением лишь идеального будущего и действует в мире для того, чтобы оказать влияние на продолжающееся творение. Современным верующим «теология процесса» импонирует обоснованием собственной активности природы и человека, а также тем, что теоретики этого направления широко используют в своих построениях научные теории, новейшие достижения естествознания. Так, учат они, божественное творение мира продолжается, оно — сродни эволюции.

По существу, «теология процесса» — изощренное теологическое построение в протестантизме, стремящееся решать сложные проблемы современного мира соединением религии и науки, считающее, что гармония общества и природы возможна лишь как духовный процесс, как стремление к богу. Здесь, как и в других протестантских концепциях, главным критерием прогресса служит степень религиозности людей, вера в сверхъестественное.

[1] T. S. Derr. Ecology and Human Liberation. Geneva, 1973.

[2] «Журнал «Московской патриархии», 1976, № 7, стр. 55.

В то же время «теология процесса» — яркий показатель общего кризиса религии в современном мире. Сегодня она уже не может ориентироваться на покорность всевышнему и смирение перед ним. В сознании верующих все более укрепляется представление о необходимости бороться и за лучшую земную жизнь, и за нормализацию окружающей среды.

Как же решает Дерр экологическую проблему? Он сводит ее к религиозно-этической проблематике, столь характерной для всего христианского социального богословия. Во введении к книге, например, прямо говорится, что «центром дискуссии в решении экологических проблем является христианская теология и этика». Далее, соблюдая верность своей «теологии процесса» и пытаясь избежать утопической наивности теологов-пессимистов, Дерр критикует их концепцию, но критикует опять-таки с позиций христианина и представителя буржуазного общества. Не отвергая положительной роли науки и техники для человечества, он считает их ценностями второго порядка.

Экологическую проблему Дерр тоже интерпретирует с религиозной точки зрения, но через свое отношение к науке и технике. Профессор-теолог, он считает их вещественным самоотчуждением человека. И то зло, которое идет от науки и техники, по его утверждению, есть проекция зла, заложенного в человеке, выражение его «греховности», «продукт свободы воли». Все дело, оказывается, в греховной сущности человека вообще.

Подобная постановка вопроса не нова среди многочисленных попыток современных богословов и философов-идеалистов объяснить причины экологического кризиса. Так, А. Тойнби, известный «мыслитель религиозного плана», как он себя называет, считает, что суть проблемы — в господстве монотеистических религий (христианства, ислама, иудаизма), а спасение окружающей среды он видит в замене их мировоззрением пантеизма «или такими восточными религиями, как синтоизм, конфуцианство, даосизм, призывающими к гармонии человека и природы»[3]. В отличие от Тойнби американский теолог видит выход из «пут» технического фетишизма в религиозно-этическом воспитании масс.

Решающая причина экологического неблагополучия по Дерру — не в эксплуататорской сущности капитализма, не в частной собственности и капиталистических принципах использования науки и техники, а в «греховном высокомерии» человека, который в условиях научно-технического господства над природой склонен все чаще забывать о боге, утрачивать религиозное мироощущение. Рассмотренная сквозь призму религиозных догм, проблема оказывается надсоциальной и надклассовой. Это еще одна теологическая попытка затушевать тот факт, что эксплуататорский строй так использует достижения научно-технической революции, что это приводит к сложившейся экологической ситуации.

В капиталистических странах экологическая проблема не столько техническая, сколько социальная и уж никак не теологическая. В самой сути эксплуататорского строя заключены такие взаимоотношения общества и природы, которые не дают возможности решить ее без изменения социального строя. И нравственные отношения людей к природе также диктуются не только и не столько их сознанием, религиозной верой, но прежде всего социальными устоями общества. А, по мнению Дерра, они определяются лишь верой в бога. Этический контроль христиан над природой и научной деятельностью, считает он, необходим потому, что наука без такого контроля становится средством в руках дьявола, ведет к разрушению мира. При подобном подходе трудно надеяться на реальное использование научно-технических достижений для охраны и восстановления природы. Здесь не помогут абстрактные призывы следовать моральным заповедям современного христианства, людям в этом деле нужны конкретные земные дела.

Современное капиталистическое общество по самой своей сути не в состоянии предотвратить отрицательное действие научно-технической революции на окружающую среду. Нормальное взаимодействие между природой и человеком, контролируемое и целенаправленное использование достижений науки и техники возможно только в обществе, где все силы и богатства, научные и технические средства подчинены главной цели всего общественного прогресса — благу человека.

Яркое доказательство тому — решение вопросов охраны окружающей среды в социалистических странах. Советское государство всегда проявляло и проявляет заботу об охране природы. На страже ее стоят государственные законы. В статье 67 новой Конституции СССР записано, что советские люди «обязаны беречь природу, охранять ее богатства».

Этот принцип был положен в основу и агротехнической политики при решении такой огромной проблемы, как освоение целины. Вот что пишет Л. И. Брежнев в своей книге «Целина»: «Знали ли мы, что идем в зону особенно рискованного земледелия? Да, знали и готовились к этому заранее. Слышали ли предостережения ученых, что сплошная распашка может превратить степи в бесплодную пустыню? Конечно, слышали и учли. Агротехническая политика партии на целине сводилась, если сказать коротко, к тому, чтобы до минимума свести отрицательные последствия вмешательства человека в первозданную природу степи...»

Дерр, как и другие христианские теологи, призывает верующих участвовать в государственных, общественных и международных мероприятиях по охране окружающей среды. Такие призывы несомненно заслуживают одобрения.

Поднимая острые социальные проблемы, существующие в капиталистическом обществе, Томас Дерр так и не увидел главного препятствия, стоящего на пути выхода из экологического кризиса, — антагонистического общества с его эксплуататорскими законами. Отчаявшись в бесплодных поисках, не понимая ложности исходных позиций, Дерр в своих последних работах все больше скатывается на позиции пессимизма. Это закономерный путь всех, кто пытается найти решение земных проблем в религиозной вере.

[3] См.: Ю. Семенов. Прав ли Арнольд Тойнби? «Наука и религия», 1974, № 9.

ИНТЕРПРЕСС-77

Привязанность. Грусть.

На выставке собак.

Фото Н. Рухмана и В. Соколова.

М. МАГДЕЕВ,
доцент
Казанского Государственного
университета

В ветхом особняке на одной из улиц Казани умирал измученный болезнью старик. Тихо входили и выходили его ученики — шакирды, молодые ученые, учителя. Иногда старик открывал глаза, слабым движением головы подзывал кого-нибудь и, сбиваясь, начинал жаловаться:

— Вижу плохо... Не слушается рука. Сил нет закончить жизнеописание Габделвали. Кто это сделает после меня? Я буду говорить все, что помню, а вы записывайте, иначе потомки не узнают...

Ученик садился за низкий столик и начинал писать, что говорил старик. Временами больной умолкал надолго. Отдохнув, продолжал диктовать.

В прихожей толпились люди — многие хотели проститься с умирающим. Мулла, приглашенный для чтения «Йа-син»[1], проявлял нетерпение. Ему не нравилось, что этот мусульманин и перед лицом смерти все беспокоится о своих незавершенных работах. То и дело слышалось:

— Вот здесь, в этих бумагах история Семипалатинска. Их прислал мне ахунд Валиахмет... Если бы и ее завершить, включить в «Мостафад-эль ахбар...» [2]

Уже три года Шихабетдин Марджани прикован к постели, но ни на минуту не оставляет дела своей жизни, продолжает работать. В одном из последних своих писем жалуется друзьям: «Я сильно состарился. Да и лет мне почти уже семьдесят пять. Трудно сказать, смогу ли еще написать письмо. Прощайте. Когда умру, совершите молитву доброго поминовения. На могилу поставьте простой камень такого размера, чтобы не могли унести».

Многим правоверным казалось нарушением норм то, что старик обращается к докторам, приглашает к себе в дом учеников, чтобы говорить с ними о делах, вместо того чтобы думать о том, каким он предстанет перед Аллахом. За два дня до кончины он подозвал к себе любимого ученика и прошептал:

— Я не в силах победить болезнь. Жизнь уходит... Постарайся завершить то, что я не успел.

Это было в конце апреля 1889 года. Смерть Шихабетдина Марджани болью отозвалась в сердцах просвещенных людей всего Поволжья, Приуралья, Казахстана, Северного Кавказа. Газеты Казани, Дербента, Оренбурга, Семипалатинска, Астрахани поместили некролог, в котором выражалась скорбь по поводу того, что ушел из жизни ученый, просветитель, человек выдающегося ума и энциклопедических знаний.

О творческом наследии Шихабетдина Марджани было много противоречивых суждений, диаметрально противоположных высказываний. В годы увлечения вульгарным социологизмом иные исследователи причисляли его к реформаторам ислама, не видя главного содержания его жизни. Конечно, Марджани отнюдь не отвергал всех теологических концепций, в его мировоззрении, без сомнения, преобладает идеализм. Даты в его трудах отмечены по мусульманскому календарю, многие научные работы написаны на недоступном простому народу арабском языке. Многие факты и события истории он оценивает с позиций буржуазного объективизма. Конечно, все это так. С высоты нынешнего дня мы во многом можем упрекнуть Марджани. Но сегодня не вызывает сомнения и то, что он был выдающимся просветителем, и если оценивать его деятельность с марксистских позиций, следует, видимо, руководствоваться известным высказыванием В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего **не дали** исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они **дали нового** сравнительно с своими предшественниками»[3]. Такой подход позволяет правильно оценить историческую роль Марджани.

Окончив медресе в Казани, он для завершения своего образования в 1838 году уезжает в Среднюю Азию. Здесь он тоже сталкивается с начетничеством и тупой зубрежкой, от чего страдал во время учебы дома. Поменяв несколько раз учителей, Марджани переходит к самостоятельным занятиям в библиотеках Бухары и Самарканда. В течение 11 лет он изучает произведения мыслителей Востока, богословие, историю, художественную литературу на фарси, арабском и тюркских языках. В 1849 году Марджани

---

[1] «Йа-син» — сура Корана, которую читают по умершему.
[2] «Мостафад-эль ахбар» — «Извлечение истин» — главный труд Марджани.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

возвращается в Казань и открывает частную школу.

Его лекции привлекали прогрессивно настроенную молодежь. К нему приезжали за знаниями из многих городов Поволжья, Урала, Сибири, Крыма, Северного Кавказа и даже из Петербурга. В отличие от своих коллег Марджани — противник зубрежки. Он стремится вызвать интерес у молодых к науке, к окружающей жизни, пробудить их мысль, выявить способности. Выслушав ответ своего ученика, повторяющего то, что написано в книгах или говорилось в его лекциях, Марджани каждый раз обращается к нему: «А ты сам как думаешь?»

Мусульманам их религия не позволяет иметь самостоятельных суждений. В основах вероучения и шариате высказано все, что должен знать человек о мире и его законах, говорят богословы, все определено, описано и регламентировано. Сомнение было равнозначно неверию. А что же имам Марджани — разве он забыл эти установления? Он заставлял своих учеников мыслить, сомневаться и иметь обо всем собственное суждение. Не случайно ученые - востоковеды назвали Марджани «родоначальником прогрессивного течения среди татар»[4]. Эти слова точно определяют роль выдающегося просветителя в развитии татарской общественной мысли.

Многие ученики Марджани внесли немалый вклад в науку, стали общественными деятелями, прекрасными педагогами. В те времена для образованного человека в мусульманской среде единственным путем к материальному благополучию было служение религии, но воспитанники Марджани выбирали другую дорогу, обрекая себя на трудности и лишения.

Служители мусульманского культа объявляли изучение русского языка смертным грехом и проклинали тех, кто этим занимался. Марджани решительно идет против духовенства, энергично пропагандируя русский язык и навлекая этим на себя новые проклятия. Сам он выучил русский язык уже на склоне лет, чтобы иметь возможность общаться с русскими учеными-востоковедами, изучать русскую культуру.

По возвращении из Средней Азии он устанавливает тесный контакт с профессорами Казанского университета И. Готвальдом, М. Казембеком, сближается с известным ориенталистом В. Радловым. Вскоре его избирают членом Общества археологии, этнографии и истории при Казанском университете. Он с большим интересом посещает заседания ученого совета, его приглашают как эксперта для исследования старинных арабских манускриптов.

Марджани многое сделал для улучшения работы Татарской учительской школы, которая сыграла большую роль в просвещении народов Поволжья. В ней преподавали и русские учителя. Работа Марджани в одном коллективе с русскими педагогами вызывает большое недовольство у ортодоксального мусульманского духовенства.

Социальной среде, в которой жил ученый, был присущ сугубый консерватизм, дух торгашества, слепая приверженность законам шариата. Поборники правоверия преследовали даже тех, кто осмеливался выйти на улицу с непокрытой головой. Они всячески противились проникновению в среду мусульман любых светских знаний, страшным грехом считали знакомство с русской культурой. Просветительская деятельность Марджани вызывала ненависть к нему этой среды.

Религиозные фанатики Казани распространили слух, будто он принял христианство и ведет тайную миссионерскую работу, подрывает ислам изнутри. Бывало, когда он проходил по Татарской слободе, где в основном проживали мелкие торговцы, его сопровождала толпа правоверных, выкрикивавших проклятия, угрозы. В любую минуту они могли физически расправиться с Марджани. Однако ученый сохранял достоинство. Он не отступал от своих убеждений, боролся против схоластики в преподавании, продолжал настаивать, что без изучения русского языка невозможен прогресс в татарской культуре, немыслимо подлинное просвещение.

Враждебное отношение мусульманской среды осложняло и деятельность частной школы, которую организовал ученый.

Существование этой школы во многом зависело от пожертвований богатого казанского купца Ибрагима Юнусова. Он был известен своим самодурством, зло издевался над голодными шакирдами на благотворительных обедах. Одна из его любимых шуток заключалась в том, что он приказывал слугам прибить гвоздями к полу башмаки шакирдов, оставленные в прихожей, и, когда шакирды, пытаясь их надеть, падали на пол, веселью богача не было конца.

Не раз пытался он залучить в свой дом Марджани. Но ученый уклонялся от его гостеприимства. Своей независимостью Марджани вызывает раздражение купца. Юнусов начинает против него кампанию преследования. Все острее ощущается враждебность к Марджани Татарской слободы, поступление пожертвований для содержания школы прекращается. Вот как об этом пишет сам Марджани: «Через некоторое время медресе обветшало, совершенно вышло из строя, дошло до полного разорения. Цель купца заключалась в том, чтобы медресе обвалилось и под обломками погибло несколько человек, вследствие чего поднялся бы бунт, а он смотрел бы на это с наслаждением; или он желал, чтобы медресе совсем развалилось, а шакирды все разошлись, и он тогда мог бы возвести на меня клевету в том, что мулла отказался от преподавания и не посещал медресе».

В таких невыносимых условиях, кое-как поддерживая школу и шакирдов на свои средства, Марджани вел занятия еще 22 года. Когда же школа окончательно обветшала, ученый, уже в преклонном возрасте, переходит работать в обычное медресе и там перестраивает систему преподавания. И здесь чинят ему множество препятствий, донимая требованиями вести занятия по старой программе. В октябре 1873 года 12 имамов города Казани пишут в Духовное собрание жалобу на Марджани. Его на шесть месяцев отстраняют от преподавания. Он с увлечением отдается научной работе. Но до конца его дней преподавательская, просветительская деятельность продолжает занимать главное место в его жизни.

Велика заслуга Марджани в привлечении к учебе татарской молодежи. Один из первых он начал борьбу с национальной

---

[4] В. В. Бартольд. Соч., т. 6. М., 1966, стр. 133.

Дом в Казани, где жил Марджани.

замкнутостью и ограниченностью, доказывая необходимость и плодотворность культурного сотрудничества с русской интеллигенцией, необходимость изучения русской культуры.

В 1870 году в Поволжье разразилась эпидемия холеры. Погибали целые деревни. Местные муллы и их окружение вели яростную пропаганду против русских врачей, посланных в татарские деревни для борьбы с эпидемией. Религиозные фанатики кричали, что лучше умереть от холеры — ведь ничего не происходит на этом свете без воли Аллаха, — чем приговаривать себя из-за врачей-гяуров к вечным мукам ада. Как ведет себя в этой ситуации Марджани, который вошел в состав комиссии по борьбе с эпидемией? Он составляет и рассылает циркуляры всем служителям культа Казанской губернии, где обвиняет мулл в том, что они способствуют распространению холеры, так как настраивают правоверных против русских врачей. Марджани требует соблюдать санитарные нормы, вести разъяснительную работу среди мусульман, которые не допускают к себе врачей на том основании, что шариат запрещает показывать наготу, скрывают болезни и тем мешают бороться с эпидемией.

Факсимиле рукописи «Мостафад-эль ахбар».

Ученый всегда выступал с позиций разума против абсурдных установлений религии, проявляя гражданскую смелость. Шариат запрещал живопись, театр и музыку. Мусульманское духовенство ревностно следило за строгим выполнением запретов. Марджани объясняет своим ученикам, как бессмыслен, например, запрет музыки: если можно слушать пение соловья (а как же его не слушать?), значит, и музыку слушать — не грех.

В период революции 1905 года революционные демократы, защищая музыку и театр от нападок мусульманского духовенства, ссылались на Марджани. «Если у народа отнять его музыку, то он не выживет», — говорили его ученики, повторяя мысли учителя. Марджани отлично знал творчество Хафиза, Саади, Омара Хайяма и других великих поэтов Востока и хотел, чтобы его земляки могли наслаждаться их поэзией. Многие татары благодаря ему впервые узнали их великие произведения.

Марджани пропагандировал среди татар и искусство живописи. Он обращается к истории ислама, чтобы объяснить, что запрет на это искусство давно не имеет никакого смысла. Мухаммед выступал против язычества и, боясь его возрождения, запрещал изображения живых существ. То, что было объяснимо исторически, сегодня стоит на пути к прогрессу и культуре, разъяснял Марджани.

Служители мусульманского культа строго преследовали и изображение человека на фотографии. Сам Марджани по просьбе Британского королевского общества фотографируется и посылает в Лондон свой портрет.

Принято считать, что труды Шихабетдина Марджани составляют примерно шесть-семь тысяч страниц рукописного текста. Они все еще полностью не изучены и не систематизированы. Среди них особое место занимает «Мостафад-эль ахбар», главный труд его жизни, по сей день не утративший научной ценности — он остается достоверным источником по многим областям науки. Его справедливо называют уникальным исследованием по истории и культуре татар и других народов Поволжья. Для составления его Марджани привлекал и старинные рукописи, и фольклорные произведения, и воспоминания и письма различных людей, исследовал он также надписи на могильных камнях, старинные монеты, посуду.

2 января 1895 года на заседании Общества археологии, этнографии и истории профессор Н. Ф. Катанов так охарактеризовал «Мостафад-эль ахбар»: «С точки

зрения этнографии и истории произведение казанского ученого Шихаба Марджани является очень богатым по содержанию. Именно с этой стороны это произведение достойно того, чтобы его перевели на русский язык, а также и на другие европейские языки. Сведения автора о Булгарском и Казанском царствах даются в строгой научной форме». В 1895 году профессор Катанов помещает в «Казанском телеграфе» большую рецензию на это произведение. Он восхищается эрудицией автора в области истории и этнографии.

В этом труде проявился и нравственный облик ученого. В самом деле, немалое гражданское мужество требовалось в то время, чтобы резко критиковать методы обучения в медресе, как это делает Марджани во вступлении к своему сочинению. Говорит он в нем и об ответственности ученого перед обществом и своим народом.

Прогрессивная татарская интеллигенция всегда высоко оценивала научную и просветительскую деятельность Марджани.

В январе 1915 года демократическая татарская интеллигенция нелегально отмечала день рождения Шихаба Марджани. Почитатели ученого собрались в доме его сына. Писатель Фатих Амирхан говорил в тот вечер, что если бы Марджани с его талантом родился лет на 50 позже, он сумел бы сделать очень много. В то время, когда жил и работал выдающийся татарский ученый и мыслитель, наше общество еще не было подготовлено принять и претворить в жизнь все те идеи и мысли, которые волновали Шихабетдина Марджани.

Марджани еще не понимал, какие силы приводят в движение историю. Он считал, что для прогресса человеческого общества достаточно просвещения масс. В условиях действительности, в которой ему приходилось жить и работать, он не смог стать ученым в широком смысле этого слова. Но Марджани был одним из первых просветителей татарского народа и многое сделал для того, чтобы пробудить сознание масс от вековой спячки, освободить разум от пут шариата. Именно с этой точки зрения должен он оцениваться историей. И несмотря на то, что свои просветительские идеи он пытался осуществлять в рамках ислама, они в дальнейшем своем развитии приходили в острое противоречие с религиозными догмами. Многие реформы преподавания, введенные Марджани, после его смерти были отменены. Но его пример беззаветного служения науке и прогрессу остался в памяти поколений.

Выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай в стихотворении, посвященном его памяти, писал, что Марджани явился к своему народу, «подняв факел просвещения».

Рой недругов кольцом обвил его,
Но гений не был побежден.
Он устремился далеко,
В дела и мысли погружен.

ОДИССЕЙ В СЕВЕРНОМ МОРЕ?

Профессор геодезии Карл Бартоломеус из Эссена (ФРГ) убежден, что воспетый Гомером Одиссей, скитаясь по морским просторам, вышел в Атлантический океан и достиг Северного моря. Свою концепцию ученый излагает в одном из последних номеров журнала «Spiegel der Wissenschaft» («Зеркало науки»). Она строится на основе сравнительного анализа топографических данных различных островов и описания земель, в которых побывал гомеровский герой.

Бартоломеус считает, что один из конечных пунктов легендарного путешествия — остров феаков Схерия, где Одиссея после бури нашла Навзикая, дочь царя Алкиноя,— является не чем иным, как островом Гельголанд, находящимся в Северном море, недалеко от современного западногерманского побережья. Географическое расположение этого острова, утверждает профессор, полностью совпадает с гомеровским описанием земли царя Алкиноя.

До сих пор ученые полагали, что пролив между двумя скалами, у которых жили мифические чудовища Сцилла и Харибда, в действительности был Мессинским проливом (между островом Сицилия и Апеннинским полуостровом). Как повествуется в «Одиссее», Харибда три раза в день втягивала морские воды вместе с кораблями в свою бездонную глотку и три раза в день вновь извергала их. Профессор Бартоломеус заявляет, что злополучный пролив на самом деле находился между Геркулесовыми столпами. Гибралтарский пролив — единственное место в Средиземном море, где разница уровней воды, вследствие близости Атлантического океана, при отливах и приливах достигает четырех метров. Подобное явление природы страшило мореходов, которые думали, что в глубине под скалой живет прожорливое морское чудовище.

Таким образом, немецкий ученый делает вывод о том, что Одиссей достиг Атлантического океана. Затем отважный мореплаватель отправился к острову бога солнца — Гелиоса, по мнению ученого, одному из Канарских островов. Следующим пристанищем легендарного героя были владения нимфы Калипсо — они, согласно теории, находились на Азорских островах. А оттуда уже, по утверждению Бартоломеуса, Одиссей взял курс на северо-запад и доплыл до острова Гельголанд.

САМАЯ ДРЕВНЯЯ ПЕСНЯ

Сколько лет самой древней песне? Триста? Четыреста? Пятьсот? Нет. Три тысячи четыреста. Так, по крайней мере, утверждают три музыковеда из Калифорнийского университета, записавшие на стереопластинку культовый гимн древней цивилизации.

Пластинка называется «Звуки из безмолвия». Она включает в себя три вокальные и инструментальные интерпретации песни. Музыкальным сопровождением служила лира, издающая пронзительно высокий звук, — точная копия музыкального инструмента, на котором играли в XV—XIV веках до нашей эры.

— Мы не знаем ни одной сохранившейся песни подобного возраста — это самая древняя, — говорит председатель музыкального отделения Калифорнийского университета Ричард Крокер, исполнявший аккомпанемент на лире. — Песня представляет собой гимн богине, которой поклонялись жители древнего Угарита, находившегося на восточном побережье Средиземного моря. Мы не тешим себя надеждой, что песня станет популярной, ведь ее слова написаны на не существующем ныне угаритском языке, о котором далеко не все известно.

Песня была воспроизведена профессором Анной Кильмер, занимающейся древнеассирийским языком. Пятнадцать лет она работала, расшифровывая клинообразные знаки на глиняных табличках. С помощью специалистов-музыковедов и историков ей удалось возродить звучавшее тысячи лет назад музыкальное произведение далеких предков.

— Однако песня звучит удивительно современно, что объясняется простотой ее мелодии, — говорит издатель Харлан Кильмер, выпустивший пластинку. — Любой ребенок с элементарным представлением о музыке смог бы сыграть эту песню,— она состоит из вариаций всего двух нот.

Ф. НИКИТИНА,
кандидат философских наук

«ФАКЕЛ» И «СЕМИНАРСКАЯ КОЛОТУШКА»

Так назывались рукописные журналы, тайно ходившие по рукам в Тамбовской духовной семинарии в 1906—1907 годах. В Московской семинарии существовал в это же время журнал «Порыв», в Полтавской — «Рассвет». До нас они дошли вместе с другими делами департамента государственной полиции министерства внутренних дел — царской охранки, свирепствовавшей во время разгрома первой русской революции.

Уже первое знакомство с нелегальными изданиями из «Дела о деятельности общесеминарского союза на 328 л.», ныне хранящегося в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР)[1], вызывает удивление. Оказывается, среди тех, из кого готовили профессиональных служителей культа, было немало противников официальной религии и царского правительства. Статьи из «Факела» и «Семинарской колотушки» поражают смелостью мысли, карикатуры — точностью характеристик. И все это — под неусыпным оком бдительного семинарского руководства.

Все семинарские тайные журналы были так или иначе связаны с Всероссийским общесеминарским союзом, возникшим в результате договоренности активистов 13 семинарий: Архангельской, Вологодской, Волоколамской, Вятской, Екатеринославской, Кишиневской, Могилевской, Московской, Одесской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Тверской.

По своей политической программе Всероссийский общесеминарский союз отличался от либеральных профессиональных организаций интеллигенции, возникших в конце 1904 — начале 1905 года. В нем было больше молодежи, в основном выходцев из семей бедных священников. Менее чувствовался корпоративный дух, столь характерный, к примеру, для Союза инженеров и техников и академического Союза профессоров. Наконец, в ряде организаций общесеминарского союза ощущалось влияние большевиков.

Обложки семинарских журналов. На первой — символическое изображение положения семинаристов: тюремная камера, в углу сидит молодой человек, закованный в кандалы. Схватившись за голову, он напряженно думает. Он убежден, что рано или поздно факел истины (на обложке слева) прогонит тьму мракобесия.

На второй — символическое изображение силы общесеминарского союза — рука с колотушкой. Как следует из содержания журнала, колотушка готова ударить по реакционерам и черносотенцам.

На страницах журнала «Факел» был опубликован портрет основоположника научного коммунизма К. Маркса. Там же приводились тексты протоколов общесеминарских съездов.

«Съезд признает, — говорилось в одном из них, — что... свобода неосуществима без гарантированных свобод слова, печати, собраний, совести всех граждан России. Ввиду этого Союз ставит себе наряду с профессиональной задачей общую освободительную борьбу, избирая средствами этой борьбы как присоединение к общим боевым выступлениям широких масс революционного народа, так и частные выступления общими силами...»

В другом протоколе говорилось, что общесеминарский союз «должен идти рука об руку с крайне левыми партиями». Решительно настроенные семинаристы не только настаивали на борьбе за свободу совести, но и требовали «резко мотивированным образом» пресекать «всякие попытки черносотенной агитации со стороны духовенства».

Деятельность общесеминарского союза привлекла внимание царской охранки. Полиция стала перехватывать шифровки союза, засылала в организации шпиков. Департамент полиции был весьма обеспокоен тем, что в семинарии проникает большевистская литература, что в Вятке семинаристы поставили себе цель: стать «сознательными борцами за политическую активность народа», что устав екатеринославского отделения союза призывал расширять «умственный горизонт молодежи с целью выработать из ее среды будущих граждан-революционеров».

Подчеркнем: в период первой русской революции верная помощница самодержавия православная церковь в своих многочисленных печатных изданиях распространяла, по словам Ленина, «учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов

---

[1] ЦГАОР, ф. 518, оп. I, 1907, ед. хр. 52. Материал, в том числе и иллюстративный, публикуется впервые.

народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа»[2].

Как только революция пошла на убыль, церковники активизировались еще больше. По семинариям рассылались специальные циркуляры, предлагавшие ввести курс «Обличение социализма», а также изгнать из духовных учебных заведений всех радикально настроенных. Но не так-то просто было смирить молодежь. В стенах семинарий появляются прокламации. Вот текст одной из них:

«Опять возвращаются прелестные времена бурсы. Все светское вон из школы — семинария это фабрика попов, воспитываемых в духе любви к существующему строю, т. е. в уважении к бесчинствам, произволу и насилию начальствующих... По синодскому указу для семинаристов бог — это кулак, сила которого гонит их в церковь... Семинарист не имеет права иметь собственных мыслей; раз он вступил в духовное учебное заведение, то он должен по указу получать от начальства даже мысли во избежание заражения материалистической ересью. Для борьбы с крамолою в семинариях утверждены ночные и внеклассные дежурства, а чтобы еще успешнее вести борьбу, синод рекомендует семинарскому начальству вербовать своры шпионов. Вот они учителя нравственности!..»

В четвертом номере «Факела» за 1907 год была помещена статья, разоблачавшая православную церковь. В ней рассказывалось о русской интеллигенции, которая в 70-х годах XIX века шла в народ под влиянием идей Герцена и Белинского. В борьбе с народниками царизму активно помогала церковь.

«Духовенство, — читаем в статье, — всегда было защитником царизма... Оно продолжает морочить народ своей проповедью о том, что власть дана богом, что царь — помазанник божий, которому нужно слепо верить, во всем подчиняться, не желая навлечь на себя кары с неба».

Статья кончалась призывом к семинаристам объединить свои усилия в борьбе с реакцией во имя прогресса.

«Взамен водки, — писал журнал «Семинарская колотушка», — мы даем товарищам другие занятия: предлагаем участвовать в кружках, зовем на рефераты, даем возможность сложить свое миросозерцание согласно с духом народа, указываем путь для борьбы в пользу нашего идеала — социализма».

Рисунок «Бурлаки» изображает бесполезный труд семинаристов, которые тянут тяжкий груз — плот с мешками богословских наук.

Карикатура «Семинарист в тисках» символизирует положение молодого человека в духовной семинарии. Семинарист со всех сторон обвит удавами с человеческими головами в церковных клобуках. Громадными усилиями ему удается разжать смертельную хватку — спастись от мракобесия.

Семинаристы на занятиях по церковной истории. Большинство спят. Один из бодрствующих закрыл глаза руками, другой заткнул уши. У единственного семинариста, слушающего преподавателя, от его слов волосы поднялись дыбом.

Несомненно, большинство семинаристов, даже из числа политически активных, недостаточно разбиралось в идеях социализма. Однако уже достойно уважения само провозглашение этих идей в момент, когда даже слово «социализм» находилось под строжайшим запретом, когда за пропаганду социализма бросали в тюрьмы, ссылали в Сибирь.

Журналы «Факел» и «Семинарская колотушка» просуществовали не более полутора лет. В 1907 году Всероссийский общесеминарский союз был разгромлен, его члены арестованы.

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 181.

Записки без подписей

Сегодня защитники капитализма и религии любят весьма громко рассуждать о своих «свободах» и о том, что эксплуататорский строй, на службе которого уже тысячелетия находится религия, — это, мол, образец духовной свободы для всех.

В современной действительности капиталистических стран есть немало фактов, начисто опровергающих подобные утверждения. Еще более убедительны здесь документы. Если бы можно было обратиться к секретным архивам буржуазных стран, то там нашлось бы множество очень любопытных свидетельств того, как реакционная идеология и религия душат прогрессивную культуру, отравляют духовный мир людей. И тут реальной моделью могут послужить царские архивы, ставшие после Великого Октября достоянием народа.

В самом деле, разве мало известно о том, как царизм вкупе с официальным православием душил любую живую, творческую мысль, угнетал все передовое, революционное? Но документы показывают нам механизм этого угнетения, его исполнителей.

Царское правительство с помощью православной церкви и жандармов искусно плело свои сети вокруг прогрессивно настроенных писателей и художников, музыкантов и артистов. Неотступно преследуя свои жертвы, жандармское III отделение и святейший синод в трогательном взаимодействии, окружая их ловушками и западнями, зловещей тенью скользили по их жизни. Вспомним хотя бы смерть Пушкина, гибель Лермонтова, отравленные стрелы в адрес Добролюбова и Чернышевского... III отделение вплоть до своего упразднения в 1880 году и передачи функций департаменту полиции, вместе с духовной цензурой активно занималось теми, кто, по их мнению, мог выступить против самодержавия и церкви или просто как-то повредить обществу, основанному на угнетении.

Своеобразные следы оставила такая деятельность в архивах. Агентурные донесения, соображения. Очень интересны среди таких бумаг «первичные» материалы,— как правило, короткие записки без подписей.

Кто их авторы? История не сохранила имен. В парадном сюртуке они «скучали» на выставках, были завсегдатаями театров. Без них не обходилась ни одна публичная читка художественных произведений. Жандармы с университетским дипломом предназначались для дел, которые были не по силам невеждам с полицейской кокардой. Им предоставлялась монополия искусствоведческой оценки, толкование сюжета, соотнесение его с Библией. Предметом могло быть любое явление искусства — от гравюры до балета, которое подозревалось в том, что оно имеет в виду поощрить вредные— «нигилистические» тенденции или же подорвать религиозные устои.

Таких донесений, хранящихся ныне в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) немало. Но мы приводим тут несколько. Представляется, что и этих строк будет достаточно, чтобы понять истинную роль эксплуататорского строя в судьбе культуры народа, ощутить тяжкую, отравляющую атмосферу царизма и церкви, всеми средствами боровшихся против любого свежего веяния в духовной жизни русского общества.

Н. МИТРОФАНОВ

1827 год

По приказанию Вашего превосходительства я осматривал картину, выставленную в последнем (по 3-й линии) зале Академии, представляющую Иосифа, толкующего сны заключенным в темнице. Она выполнена с библейской историей совершенно согласно и ничего подлежащего осуждению не имеет...

Иосиф одному из заключенных объявил, что сон его означает прощение и милость, и сей предался радости, обращает взоры свои к небу; другому предрекает он скорую гибель. Отчаяние выражено на лице преступника.

Соблюдая с достойной похвалы точностью костюмы египтян во всех частях картины, художник для объяснения участи, ожидающей виновного, поместил на стене барельеф, в котором представлены обезглавленные преступники на коленях и исполнитель казни стоящий. Барельеф сей без малейшего изменения заимствован из известного издания «Description de l'Egypte», и как вообще стиль египетских произведений уродлив, то уродливость сия и была, вероятно, причиной к заключению ложному о предмете барельефа.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2255, лл. 1—1 об.).

12 февраля 1863 года

Композитор Вагнер приезжает только сегодня, и для него нанято помещение на Невском проспекте в доме князя Мещерского (против гостиного двора)...

Вагнер, хотя и принимал в 1848 году участие в беспорядках в Германии, но ныне он, кажется, остепенился: летом прошлого года он жил очень скромно в Бибрихе на Рейне.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3. д. 2266, л. 3)

15 февраля 1863 года

Композитор Вагнер остановился в доме князя Мещерского на углу Невского проспекта и Михайловской улицы в номерах, содержимых купцом Кунстом... Помещение для Вагнера было нанято по распоряжению Русского музыкального общества, представитель коего Рубинштейн находится с Вагнером в хороших отношениях. К нему стекаются многие здешние музыкальные корифеи, и он обременен визитами. Приняты меры, чтобы за ним имелось по возможности наблюдение, хотя по наружной обстановке его квартиры это сопряжено с большими затруднениями.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2266, лл. 4—4 об.).

20 февраля 1863 года

Вчера вечером в дворянском собрании по окончании концерта согласно программе, композитор Вагнер созвал хористов и хористок и сыграл народный гимн «Боже, царя храни», который, однако, был принят публикою довольно сухо. Некоторые даже, услышав первые ноты, повернулись и ушли, это все были молодые люди с бородами.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2266, л. 5).

10 ноября 1865 года

31-го минувшего октября последовало здесь, в Большой Морской, в доме Рюмина, открытие С.-Петербургского собрания художников. Цель учреждения собрания этого, по утвержденному правительством проекту, состоит в доставлении художникам средств для большего между собою сближения, долженствующего послужить к полезному обмену мыслей и сведений, **исключительно касающихся искусства.**

Дошли сведения, что в члены-посетители означенного собрания записались многие литераторы, и носятся темные слухи, будто бы это собрание должно заменить закрытый здесь в 1862 году шахматный клуб, цель которого была противоправительственная.

Записать в члены-посетители одного из наших агентов едва ли будет возможно, а потому покуда подкуплен один из служителей, который при первой возможности доставит список всех членов и будет сообщать обо всем, что заслуживает внимания.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2271, лл. 1—1 об.).

11 ноября 1865 года

Василий Васильевич Верещагин, художник императорской Академии художеств и действительный член Кавказского общества сельского хозяйства, прибыл сюда около двух недель тому назад с Кавказа, где он занимался сниманием видов и местных костюмов. Эти художественные произведения должны будут войти в состав его журнала, на издание которого он испрашивает разрешения.

Верещагин остановился в Малой Конюшенной в доме шведской церкви, где он живет совершенно один. Дурных сведений о нем не имеется...

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2272, лл. 1—1 об.)

12 ноября 1866 года

Вчера, как известно, на сцене Александринского театра в бенефисе актера Бурдина шла в первый раз пьеса какого-то Доброва «Князь Серебряный», переделанная из известного романа графа Толстого... Пьеса не только не произвела никакого впечатления даже на наше в большинстве немного знакомое с историей купечество, но навела на всех скуку. Замечательный, по духу времени, характером царь Иоанн Грозный выставлен какой-то слабой личностью, а Борис Годунов представлен до того страшным, что один из купцов-зрителей простодушно, но почти справедливо заметил, что это скорее всего был татарский мулла. Все эффектное для сцены как будто нарочно выпущено из романа...

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2274, лл. 3—3 об.)

11 января 1867 года

Вчера в бенефисе актера Григорьева 1-го шла в первый раз новая драма Островского «Василиса Мелентьева». Несмотря на свои неотъемлемые достоинства в сценическом отношении драма эта с точки зрения общественной представляет явление, обращающее на себя внимание. Так, в 1-м действии сцена в Думе рисует Иоанна Грозного в таком мрачном свете, который едва ли уместен на сцене. Отношения царя к Мелентьевой выставлены цинично, а в последнем действии даже они имеют комический характер: вряд ли прилично показывать публике царя только чувственным, сладострастным стариком, почти беспрекословно подчиняющимся прихоти смеющейся над ним женщины. Сцена, когда Иоанн вонзает свой жезл в ногу Андрея Колычева, положительно возмутительна. Встреча царя с Мелентьевой в саду царицы, их первое объяснение, а также речь Иоанна Малюте, в которой он так наивно перефразирует Фонвизина: «согрешим и покаемся»,— не могут не произвести неблагоприятного впечатления в особенности на русский народ, привыкший чтить в царе помазанника божия.

До сих пор нигде еще Иоанн Грозный не представлялся до такой степени низведенным с той высоты, в которую веками поставлено царское достоинство. Такое выставление на позор домашней, интимной жизни царей не может не поколебать уважения к царскому престолу и в особенности к царскому сану...

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2279, лл. 1—2 об.)

17 апреля 1869 года

На Адмиралтейской площади в русском Народном театре Малофеева, как видно из прилагаемой у сего афиши, действительно будет даваема пьеса «Иван Сусанин, или жизнь за царя». Сюжет ее, заимствованный из драмы Полевого «Костромские леса», сходствует с содержанием известной оперы «Жизнь за царя», которая обыкновенно дается в высокоторжественные дни. Пьеса эта допущена к представлению с дозволения Главного управления по делам печати. Во время репетиции ее кроме статистов никого не было из публики и никто из присутствующих не позволил себе осуждать содержание ее.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2285, лл. 2—2 об.)

19 сентября 1870 года

На Кузнецком мосту в магазине Дациаро выставлена на продажу писанная масляными красками картина, выдаваемая за оригинал художника Малышева, изображающая несколько человек, забранных полициею и отправляемых за караулом в частный дом; на будке надпись, подобная той, которую малюют для проказ люди безнравственного поведения: «дурак». Картина эта, будучи по цене (она стоит 145 руб.) не совсем доступна для покупки, служит постоянною приманкой для проходящих и вызывает разные оскорбительные толки для полиции.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2287, л. 1)

21 марта 1875 года

...Лекции в клубе (художников.—**Ред.**) имеют уже положительно несвойственный этому учреждению и тенденциозный характер. Например, здесь огромное число слушателей привлекают лекции г. Лесгафта по анатомии мозга. Лесгафт, в разгаре нигилистического брожения, был кумиром медицинских студентов, занимая должность проректора у г. Грубера. Он пользовался особенною любовью пылких умов. Потом, будучи профессором в Казани, он вооружил студентов против университетского начальства и был удален с кафедры по распоряжению графа Д. А. Толстого. Вслед за сим он подчинен секретному полицейскому надзору как лицо, неблагонадежное в политическом отношении. Этот-то г. Лесгафт является теперь лектором в клубе художников и своими чтениями дает пищу ослабевшему нигилизму. Нечего и говорить, что слушать г. Лесгафта стремятся преимущественно молодые люди и девицы, жаждущие реальных знаний. Г-н же Лесгафт как нельзя более потворствует этой наклонности, развивая под видом анатомического учения о мозге известные отрицательные психические начала.

Доказательство, как сильно действуют лекции г. Лесгафта на молодежь, то, что о них теперь повсюду разносятся толки. Конечно, будь эти лекции в анатомическом театре для студентов — это имело бы научное значение; но популяризация фогтовских и сеченовских идей между неподготовленною публикою едва ли не есть быстрый возврат к нигилистической пропаганде.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2294, лл. 6—7)

4 апреля 1875 года

Как известно, государь император, осматривая выставку картин Верещагина, выразил художнику желание, чтобы картина «Забытый», как своевременно уже было сообщено, была уничтожена, и Верещагин, по слухам, немедленно исполнил высочайшую волю, но в настоящее время в магазине эстампов Баграва рядом с литографированными снимками с картин Верещагина, изображающих славу русского оружия, висит и литография заграничного издания с картины «Забытый» — как бы немой укор к забытым воинам, проливающим кровь за отечество. Картина эта невольно заставляет обращать на себя внимание и раскупается с охотой.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2298, лл. 1—1 об.)

29 сентября 1875 года

В театральных кругах много говорят о новой пьесе Н. Потехина «Мертвая петля», которая будет поставлена в бенефисе Монахова. В этой пьесе будут выведены некоторые лица, пользующиеся известностью в Петербурге. Гримировка предполагается прямо взятая с живых портретов. Там, например, будет выведен на сцену отставной генерал-майор Обрезков, известный целому Петербургу. Говорят про какую-то высокопоставленную даму, с которой тоже взята будет гримировка, но фамилию ее называют различно. Достоверно только, что все гримы будут взяты с натуры, что может повести к скандалу.

(ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2299, л. 1)

ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА

Сергей ЛЬВОВ

Повесть о КАМПАНЕЛЛЕ

В Альтомонте Томмазо узнал, какое счастье — войти в круг таких сверстников, сколь велика радость дружественного состязания умов.

Давно он не жил так полно, как в Альтомонте. Томмазо спешил к друзьям при каждой возможности. Между тем его молодые друзья были давно на заметке у тех, кому надлежит не допускать вольномыслия, провинциал ордена осведомлен о том, с кем сблизился брат Томмазо. Однако до поры до времени его щадили. Орден не отказался от надежд, которые возлагал на Томмазо. Ордену нужны люди могучего ума и большой образованности. Томмазо глотал книгу за книгой, писал стихи, проводил много времени с молодыми вольнодумцами и не знал, что его слова и поступки все время взвешиваются на невидимых весах.

Друзья принесли Томмазо книгу некоего Джакомо Антонио Марты, юриста, профессора Неаполитанского университета «Крепость Аристотеля, против начал Бернардино Телезия». Томмазо начал читать, и текст расплылся у него перед глазами — от негодования кровь прилила к голове. Марта сознательно допускает грубейшую логическую ошибку. Не доказав, что все сказанное Аристотелем — истина, принимает это за данность и требует того же от читателя. Требует угрожающе! Ход его рассуждений таков: учение Аристотеля признано нашей святой церковью, Телезий противоречит учению Аристотеля, следовательно, противоречит тому, что признает наша святая церковь, противоречит самой церкви.

А в какое убожество превращался сам Аристотель под пером Марты! Он клялся его именем, изображая его источником мудрости на все времена! Будто может существовать ученый, будь он трижды гениальный, который в состоянии дать однажды и навсегда единственно верное толкование всем наукам! Телезий призывает изучать законы природы, а для того наблюдать ее. Что может быть бесспорнее? Марта противопоставляет этому требованию цитаты, сто раз до него процитированные. Напоминает решения Тридентского собора, осудившего все ереси, да так, что Телезий немедленно начинает выглядеть противником этих решений. Мало того! Он напоминает, что против утверждений, близких взглядам Телезия, высказывались основатели святой службы, столпы инквизиции. Книга Марты — ученый трактат? Нет! Это донос и угроза. Томмазо не испугался. Он сделал свой выбор. Против Марты, в защиту Телезия. Против запретов и угроз. За свободную, смелую мысль. За изучение природы. Одумайся, Томмазо, пока не поздно! Остановись!

Каждое утро после заутрени Томмазо спешит в келью.

И вот он один. Наконец-то один! Страшное нетерпение жжет его душу. На пюпитре лежит книга Марты — мишень, которую Томмазо каждый день пронзает своим пером, как стрелой. Каждый день стопа написанных листов растет, рукопись становится толще.

Он принялся за этот труд, когда в садах цвели миндаль, абрикосы, вишни. Он трудился всю весну и все жаркое лето. Написанные главы читал друзьям. Прекрасно иметь таких слушателей. Томмазо не было суждено учиться в университете. Вольное содружество людей молодых и образованных — вот его университет. И лучшего ему не надо... Злобное ничтожество Марта считает, что мыслям человеческим можно раз и навсегда предписать строгие законы, пугая карами за их нарушение. Томмазо доказывает: для ученого существует один свод законов — живой кодекс природы! Не может быть истинным ученым тот, кто, не изучая эту живую книгу бога, довольствуется ее плохими копиями.

Его книга, начатая как памфлет против Марты, превратилась в пламенное прославление духа свободного исследования, полагающего высшим авторитетом жизнь и природу...

В августе, когда поля уже были убраны, он тоже собрал свой урожай. Книга завершена! Можно позволить себе передышку, но Томмазо вдруг почувствовал: над ним нависает гроза.

Когда он проходил по коридорам обители, ему чудился шепот за спиной. Некоторые монахи замолкали, едва завидев его. Странно настойчив, задавая вопросы, исповедник.

Он умудреннее, чем в Никастро. Уходя из кельи, он укладывал свои рукописи в сундучок, под крышку подсовывал тонкую короткую нитку. Если кто-нибудь откроет сундучок без него, нитка, невидимая под крышкой и легкая, как пух, беззвучно упадет на пол кельи. Подозрения его несколько раз подтверждались. В его бумаги заглядывали. Он отдал рукописи на хранение друзьям, оставив в сундучке лишь начало трактата о поэтике. Рассуждения о строфах и размерах не причинят ему вреда.

Неясное вначале ощущение тревоги день ото дня становилось острее. Однажды в его присутствии один из пожилых иноков затеял разговор об учениках Телезия, которых как еретиков приговорили к сожжению. Бежать им удалось чудом. Где они теперь скитаются, что стало с ними, никто не знает.

Томмазо побледнел. У него первый раз в жизни заболело сердце. Он поспешил удалиться. Как понять слышанное? Как угрозу или как предостережение? Пожалуй, как предостережение. Пожилой инок был благосклонен к нему. Бежать? Вернуться домой? Мать обрадуется. Для отца это будет ударом. Сапожник Джеронимо мечтал, что сын станет ученым, знаменитым, богатым.

События подтолкнули его. Настоятель вдруг покинул обитель. По срочной надобности к провинциалу ордена. По обители поползли слухи. Тот самый монах, который рассказал о бегстве учеников Телезия, встретив Томмазо в саду, негромко, но отчетливо произнес:

— Опасность в промедлении. Понимающему достаточно.

Значит, бежать! Куда? Туда, где много людей и где легче затеряться среди них, — в Неаполь. Он придет туда, монах, самовольно покинувший монастырь, автор ненапечатанных стихов и философского трактата, много задумавший, но мало совершивший, навлекший на себя гнев могущественного ордена и, как знать, возможно и внимание инквизиции... Что принесет он в Неаполь? Чем встретит Неаполь его?

О Неаполе говорили: сколь прекрасен сей город! Нет ничего красивее синего залива, на берегу которого он лежит. Нет ничего изумительнее его роскошных палаццо. Нет ничего торжественнее его церквей. Нет ничего обворожительнее его женщин. Нет ничего сладостнее его вина. Увидеть Неаполь, восхититься и умереть! О Неаполе говорили: мерзостен этот город! Нет ничего грязнее и зловоннее его улиц.

Продолжение. Начало см. в № 1.

Нет нигде столько бродяг, нищих, шлюх и своден. Нет нигде столько наемных убийц. Увидеть Неаполь, ужаснуться и умереть!

Брат Томмазо, бежавший из монастыря, узнал страшный Неаполь. Беглецу лучше скрываться в тени. Он видел голодных детей, грязных, нечесанных женщин, дома, больше похожие на логово. И оборванцев, которые слонялись по городу в поисках случайной работы или опасного промысла. Неужели господу богу угодно, чтобы люди так жили?

Ему не грозила опасность умереть с голоду. Обитель приучила довольствоваться малым, устав ордена дозволял нищенство, он не стыдился доброхотных даяний. Благочестивых людей в Неаполе достаточно. Но разве он пришел сюда, чтобы скитаться от очага к очагу?

В Неаполь он бежал от опасности. Но более всего в надежде, что здесь он сможет дальше пойти по пути науки. Но как? Томмазо решился просить помощи у Марио дель Туфо — человека богатого, знатного, известного, о котором был наслышан. Богатый и образованный хозяин окружил гостя ненавязчивой заботой. Он не скрывал восхищения, которое у него вызывает Томмазо.

Томмазо было хорошо в этом доме. У него просторная светлая комната. Большой стол для работы, превосходнейшая бумага, перья, кем-то очиненные для него. Изысканные трапезы, за столом звучат не жития святых, а стихи и музыка. В этом доме не нужно ходить, опустив глаза в землю, и приглушать голос. Здесь много книг на разных языках. Дель Туфо не требовал и не ждал от гостя ничего, кроме бесед на философские темы. Томмазо было легко в этом доме. Томмазо было нестерпимо трудно в этом доме. Ступая по мраморным полам, он не мог забыть вонючую грязь неаполитанских улочек. Ложась в чистую постель, он не мог забыть, на чем после изнурительной работы спят его близкие, да и не только они. Вкушая обильную пищу, он чувствовал себя преступающим евангельские заветы: стыдно есть досыта, когда столько людей голодают. Однажды он заговорил об этом с дель Туфо. Тот не понял, о чем толкует его гость. В мире всегда были богатые и бедные. Так устроен мир!

Томмазо мучило, что ему нечем оплатить гостеприимство. Быть нахлебником не позволяла гордость. Дель Туфо восхищался римским поэтом Лукрецием Каром, сумевшим воплотить самые глубокие понятия философии в превосходной поэме «О природе вещей». Томмазо решил доказать: он способен на нечто подобное. Написал две поэмы на латинском языке о философии Пифагора и философии Эмпедокла. Марио дель Туфо безмерно гордился, что они возникли в его доме. Ощущая себя современным Меценатом, пригласил друзей послушать философские поэмы, сочиненные его другом.

Свет огромных свечей отражался в мраморе стен. Звучала сладостная музыка. Безмолвные слуги обносили гостей вином, фруктами, лакомствами. Томмазо прочитал свои поэмы, отчетливо и мерно скандируя стопы. Слушатели были польщены, что присутствуют при рождении нового Лукреция Кара. Сидеть здесь среди знатных неаполитанцев, важно внимать философским стихам и рассуждать о них — не это ли пиршество ума?

О поэмах заговорили в городе и в университете. Меценат ликовал, автор был недоволен. Ученость в его поэмах была, приметы поэзии тоже, не было истинного огня. Внутреннее беспокойство от слишком сытой, слишком удобной, слишком спокойной жизни не дало бы ему долго оставаться в доме дель Туфо, если бы не новые знакомства.

Дель Туфо был дружен с Джамбаттистой делла Порта. Тот пригласил Томмазо к себе. Джамбаттиста делла Порта был старше Томмазо на целых тридцать лет. Он славился своей великой ученостью. Все стены в его доме увешаны географическими картами и изображениями знаков Зодиака. На полках над большим очагом — весы, тигли, колбы, реторты. На столах — искусно изготовленные чучела зверей и птиц. В застекленных шкафах — образцы минералов и древесные срезы, на рабочем столе хозяина зловеще скалился желтоватый череп. Томмазо стало не по себе: он, монах, давший святые обеты, в жилище чернокнижника!

Делла Порта, улыбнувшись, сказал:

— Не страшитесь, святой отец. Я посвятил себя естественной магии. Она делает человека сильным, но путем, на котором нет ничего не угодного богу.

...Делла Порта пытался менять вид и вкус плодов, для чего делал прививки, изучал применение зеркал и увеличительных стекол, составлял лечебные смеси, строил волшебные фонари и занимался гипнозом. Объяснения своим опытам он давал порой проницательные и трезвые, а порой и фантастические. В их основе лежал вековой опыт народной медицины, открытия египетских, греческих и арабских ученых, но также приемы фокусников.

Для Томмазо здесь открылся целый мир: он прежде не знал, что наука имеет дело не только со словом. Оказывается, наука пахнет дымом очага, на котором стоят тигли, пользуется циркулем, весами и увеличительными стеклами. Кусочек минерала или перо птицы в ее глазах таят не мень-

Рисунки Е. Соколова.

ше тайн и сулят не меньше открытий, чем страницы философских трактатов.

Делла Порта основал «Академию для изучения тайн природы» и ставил опыты. Пусть наивные, пусть порой основанные на предрассудках, но это были опыты во имя науки, которой он рыцарски служил, хотя и называл ее магией. Он стремился постичь тайны природы. Появление нового таланта — Томмазо — вызвало у него не ревность, а радость. Он вместе с дель Туфо помог ему издать книгу. И вот она в руках Томмазо. На переплете стоит: «Т. Кампанелла, «Философия, основанная на ощущении». Неаполь, 1591». Под этим именем он выпустил в свет свою первую книгу. Под этим именем — Кампанелла-Колокол — будет и впредь обращать свои слова городу и миру.

Кампанелле было двадцать три года, когда вышло в свет его сочинение. Ни с чем не сравнимое чувство испытал он в тот день... Сын бедного, неграмотного деревенского сапожника, он написал ученый трактат. На латинском языке! Книга эта издана! Отец может им гордиться. С ближайшей оказией надо послать книгу в Стиньяно. Но отец не сможет прочитать этой книги. Горькая мысль. Далеко, страшно далеко ушел Джованни от отчего дома...

У книги молодого философа нашлось много читателей. Студенты Неаполитанского университета тоже прослышали о новинке.

Они больше не желали принимать все на веру. Им хотелось доказательств, таких, которые можно проверить. Они не соглашались, что книги, написанные за много веков до того, как они родились, сохраняют и для них свою истинность. Не может быть вечной мудрости!

В университетах Европы в ту пору шло великое брожение. Новые веяния побуждали дерзких философов ставить под сомнение авторитет Аристотеля. Дерзкие медики на основании опытов решались нападать на непререкаемого Галена. Им яростно сопротивлялись приверженцы авторитетов, годами читавшие лекции по раз и навсегда затверженному тексту, ссылавшиеся на одни и те же имена, приводившие одни и те же цитаты, торжественно возглашавшие: «Учитель сказал...» Раз и навсегда одобренное, затверженное, задолбленное было подножием их кафедр, фундаментом их благополучия, подкладкой их докторских мантий, одеялом их постелей, скатертью-самобранкой их столов. Ученые схоласты, защитники неизменного стремились изгнать из университетских стен дух сомнений и поисков, писали на беспокойных искателей пасквили и доносы, выживали их из университетов, добивались запрещения их трудов, стращали робких, переманивали, развращали и подкупали колеблющихся. Но были и такие профессора и студенты, кто стоял на своем. Если их изгоняли из одного университета, они перебирались в другой, внося туда дух беспокойных исканий. Кипение страстей захватило и университет в Неаполе. Никогда прежде он не знал таких споров. Книга Кампанеллы подлила масла в огонь.

Еще бы! В этой книге звучали неслыханные прежде слова: «...Должно стремиться к истине и предпочитать ее самой жизни даже тогда, когда она отвергнута всеми. Истина действительно такова, что, хотя бы и была вопреки справедливости насильственно сокрыта, — по озарению божественной воли, от которой она исходит, внезапно вырывается из тьмы, и становится очевидна всякому, и всплывает на поверхность, оставляя все за собой. Так что те, кому удалось скрыть ее, если они совершали это из низких побуждений, оказываются разоблаченными как враги бога и людей, возбуждают великую ненависть, а если поступали так по неведению, вызывают всеобщее презрение». То была присяга Кампанеллы.

Первый собственный труд, появившийся в печати, окрылил Кампанеллу. Мысль о едином начале, пронизывающем всю природу — живую и неживую, Кампанелла хочет воплотить в труде под дерзким названием «О способности вещей к ощущению». Он неутомимо работает. Он мало спит. Постыдно тратить время на сон, если еще столько предстоит сделать!

Кампанелла дерзнул испросить разрешения пользоваться книгами библиотеки монастыря Сан-Доменико Маджоре. Великий риск! Здесь могли дознаться, что он в Неаполе без разрешения своей обители. Обошлось! Кампанелла не заметил, что монах-библиотекарь с некоторых пор записывает названия всех книг, которые он берет, и задает странные вопросы. Почему брат Томмазо читает книги, хоть прямо и не запрещенные, но не одобряемые святой церковью?

На такую тему Кампанелла всегда готов поспорить:

— Прежде чем отвергнуть книгу, ее надо прочитать и над ней поразмыслить. Что за нелепость говорить о чьем-то труде «он вреден», не прочитав его! Сколь хрупка наша вера, если ее может поколебать одно лишь перелистывание страниц, о которых говорят, что они еретические!

Библиотекарь покачал головой. Осторожно и неопределенно. Однажды Кампанелла учтиво попросил разрешения взять книги с собой.

— Мне нездоровится,— сказал он.

Библиотекарь молча показал грозную надпись у входа в библиотеку. Она запрещала уносить с собой книги под страхом отлучения от церкви. Кампанелла вспылил.

— Что значит — «отлучат»? — громко спросил он. — Съедят меня, что ли?

Библиотекарь побелел и немедленно прервал разговор. Кампанелла едва доплелся до дому. Болела голова, тело сотрясал озноб. Он стонал, бредил, утром, обессиленный, едва мог говорить.

Почувствовав себя чуть лучше, он попросил книгу, но не смог удержать ее. Том выскользнул у него из рук. Он стал складывать стихи. «Мой мозг мал, его можно вместить в горсть», — подумал Кампанелла. Эта мысль причинила ему боль, будто его мозг действительно сжимает чья-то рука. Мозг мал, и его сжигает страшный голод. Он алчет. Книг! Книг!

— Мне не насытить алчный аппетит... Мне не насытить алчный аппетит... Вбираю целый мир, а все не сыт... Вбираю целый мир, а все не сыт...

Когда он смог встать, сонет был завершен в уме. Он начинался так:

> Я в горстке мозга весь, — а пожираю
> Так много книг, что мир их не вместит.
> Мне не насытить алчный аппетит —
> Я с голоду все время умираю.

Едва Кампанелла смог выходить из дома, он поспешил в монастырскую библиотеку. Он шагал стремительно и дышал глубоко. Мир казался заново рожденным. Библиотекарь встал перед полкой, заслоняя книги от пришельца.

— Отныне библиотека закрыта для тебя, брат Томмазо, — сказал он. — Уходи и более никогда не возвращайся!

Кампанелле показалось, он ослышался:

— Для меня закрыта библиотека? Что я сделал?

— Библиотеки — дома божьи! — загадочно ответил библиотекарь.

Кампанелла возвращался домой, чувствуя, что постарел на десять лет. Его отлучают от книги! По какому праву? За какую вину? Голубой залив, далекий горизонт, вызывавшие в его душе ощущение простора и счастья, сегодня его не радовали. По мраморным ступеням гостеприимного дома тяжко подыматься. В прекрасной комнате, отведенной ему, тяжело дышать. К обеду он не вышел, а когда дель Туфо, встревоженный, проведал его, Кампанелла рассказал, как его не пустили в библиотеку.

Дель Туфо помрачнел:

— Мне не нравятся сказанные вам слова: «Библиотеки — дома божьи!» Кампанелла, вас готовятся обвинить в ереси! Будьте осторожны. Умоляю вас, будьте осторожны! Я постараюсь узнать, что стряслось. Вас же прошу не выходить из дома. В этих стенах вам ничего не грозит. Надеюсь, что вам ничего не грозит в этих стенах, — сам себя поправил дель Туфо.

Эта поправка сильнее всего показала Кампанелле, как встревожен хозяин. Надо оставить его дом, дабы не навлечь на благодетеля беду. Но он отбросил эту мысль и пообещал никуда не выходить. Работать можно и здесь.

Наутро страхи хозяина показались ему преувеличенными. Он пойдет еще раз в библиотеку и потолкует с библиотекарем. Он шел по улице, погруженный в свои мысли, и не сразу понял, почему вокруг все опустело. Кто эти люди в черных плащах и с оружием, которые вдруг обступили его?

— Отец Томмазо, именующий себя Кампанелла, следуй за нами! — услышал он повелительный голос.

— Кто вы?

Но ответ не нужен. Под черными плащами стражников монашеские рясы. Служба папского нунция! Значит, он арестован по приказу посла папы в Неаполе.

Томмазо впервые оказался за запертой снаружи дверью, впервые увидел решетку на окне. Он стучал в дверь. Пусть ему скажут, в чем его обвиняют. Тряс решетку, решетка не поддавалась, он кричал:

— Пусть сообщат провинциалу моего ордена, что я здесь, он не потерпит, чтобы со мной так обращались!

Но крики его были гласом вопиющего в пустыне.

Когда наконец за дверью раздались шаги и в камеру вошли двое стражников, один принес еду, другой — соломенный тюфяк, Кампанелла кинулся к ним:

— За что меня схватили?!

Он заклинал их нарушить молчание. Один из стражей сжалился:

— Благодари бога, что ты не в другом месте.

Кампанелла с замиранием сердца понял, что имел в виду стражник. Он мог оказаться во власти святой службы, во власти инквизиции. О том, что творится в тюрьмах святой службы, даже смелые люди старались не говорить и не думать. Имя человека, схваченного инквизицией, избегали упоминать, чтобы не заподозрили в знакомстве с ним. Попасть под подозрение инквизиции было равносильно осуждению. Ее создатели полагали: лучше осудить сто невиновных, чем выпустить одного виновного. Да и кто не виновен перед лицом господа? Если все же они выпускали заподозренного, на свободе он жил как отверженный. Одних пугало то, в чем он был недавно обвинен. Другие подозревали, что за освобождение он заплатил услугами святой службе. Те, кто вышел из тюрем инквизиции искалеченными, не рассказывали о том, что с ними там происходило. Они ничего не говорили, но все знали, хотя и делали вид, что не знают. Из домов святой службы по ночам, а то и среди бела дня доносились страшные вопли.

Ему действительно повезло, что он не в тюрьме святой службы. Здесь его никто не мучит. Его кормят, но его мозг, привыкший к постоянной и напряженнейшей работе, не получает пищи и потому сжигаем единственной мыслью: «В чем я провинился?»

Он бесконечно перебирал одни и те же предположения и думал, как опровергнуть извет, содержания которого он не знает. Его, католика и монаха, схватили на улице католики и монахи. Люди, которые молятся тому же богу, что и он. Может быть, он действительно виноват? Виноват? Но в чем? В том, что всю жизнь взыскует истины? Одни и те же мысли мучили его и наяву и во сне, прерывистый сон стал кошмаром. Еще страшнее неизвестность — если бы он по крайней мере знал, в чем его обвиняют! Кампанелла не догадывался, что долгая неизвестность, в которой его держат, испытанный прием. В начале следствия воля обвиняемого должна быть сломлена неизвестностью.

Кампанелла понял: если он не перестанет перебирать одни и те же мысли, он сойдет с ума. Сколько он дней под стражей? Он уже не может их сосчитать. Чтобы занять голову, он стал вспоминать слова псалмов. «Внемли гласу вопля моего, царь мой и бог мой!.. Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие... Избавь душу мою, спаси меня ради милости твоей... Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно».

Сколько неисчислимых лет назад некий человек, подобно ему, утомлял горестными воздыханиями страждущую душу! Как жарко молился, как истово верил! Прекрасны эти простые строки. Но облегчение они давали ненадолго. Молитва не откроет пути к свободе!

Если бы он мог работать! Работа стала бы спасением. Но как продолжать работу без книг, без бумаги, без чернил?

Наконец его повели на допрос. Он зажмурился от яркого света, который заливал коридор. Волнение помешало ему разглядеть судей. Кажется, в середине стола сидел апостолический нунций — седовласый, с непроницаемым лицом. По обе стороны от него несколько членов суда в облачении доминиканского ордена.

Судьи увидели молодого человека в некогда белой, а теперь серой от грязи рясе, измученного бессонницей и бесплодными размышлениями, с горящими от возбуждения глазами, с бородой и почти заросшей тонзурой. От Кампанеллы потребовали, чтобы он сам назвал свои вины.

Кампанелла пожал плечами:

— Пусть о моей вине скажет тот, по чьей милости меня, как преступника, держат в темнице.

Он не успел договорить, как его резко перебил нунций. Не подобает иноку говорить о своей безгрешности. Безгрешных нет и быть не может. Своим ответом он лишь уличил себя в тяжком грехе гордыни. Засим Кампанеллу спросили, как его зовут (словно судьи не знали этого), когда он родился и откуда родом, кто его отец. И хотя в ответах не было ничего особенного, судьи то и дело многозначительно переглядывались. Его спросили:

— Известно ли тебе, по какой причине тебя вызвали в трибунал?

— Нет, мне сие неизвестно, ваши преосвященства и высокородия.

— А разве ты сам не догадываешься?

— Нет! — ответил он.

Ему предложили подумать получше и прийти сюда не упорствующим, а раскаявшимся и смиренным.

— Мы знаем о тебе все! Но мы хотим, чтобы ты сам ради своего же блага признался и сам первый назвал свою вину!

— Какую вину? — вскричал Кампанелла, но нунций сказал:

— Ступай и подумай! — и дал знак страже, чтобы его увели.

Так продолжалось несколько дней. И только когда Кампанелла в последний раз твердо сказал, что не ведает за собой вины, его спросили, каким образом он в свои годы знает то, чему его не учили и учить не могли.

Вот в чем его вина — слишком много знает! Кампанелла ответил:

— Я с молодых лет чувствовал тягу к наукам. Если мне что-нибудь не могли объяснить учителя, старался найти ответ сам...

Едва он замолк, вопрос раздался снова:

— Откуда тебе известно то, чему тебя не учили? Отвечай без утайки.

Кампанелла попытался повторить свой ответ. Его перебили. И тут он взорвался:

— Я сжег над книгами больше масла в лампе, чем вы выпили вина за всю свою жизнь!

Но тут же пожалел о дерзком ответе. Но судьи были довольны его дерзостью: обвиняемый горяч, неосторожен, его легко вывести из себя. Это упрощает задачу суда.

Следующий вопрос поразил Кампанеллу нелепостью:

— Назови имя своего домашнего демона!

Вот как обернулись лестные разговоры поклонников о том, что у Кампанеллы есть добрый гений, который, по представлениям древних, покровительствует философам и поэтам. У Кампанеллы сорвалась неосторожная фраза: «Таких демонов вообще не существует. Это суеверие!» Фразу тут же занесли в протокол. Кампанелла навлек на себя еще одну вину — выразил сомнение в том, что святой церковью признается непререкаемой истиной.

Допрос закончился. Кампанелла обессиленный вернулся в камеру. Не надо было отвечать дерзостью! Не надо было рассуждать о демонах! Ах, что теперь жалеть о том, что сделано. Надо думать о том, как вести себя дальше. Но очередного вызова пришлось ждать долго. Очень долго.

День проходит за днем, ночь, полная тревожных кошмаров, сменяется другой, не менее тревожной. О нем забыли. О нем помнят. Ему дают созреть, чтобы он, как спелый плод, упал к ногам своих судей.

Книга в защиту Телезия — вот его основная вина. Ему предъявили подчеркнутые в книге высказывания, которые трибунал считает особенно греховными. Кампанелла принялся объяснять, что дало ему право провозгласить: «Наука должна заниматься не словами, а вещами».

— Здесь не место для философских диспутов, — резко оборвал его папский нунций. — Отвечай по существу!

Только теперь, увидев, как воспринимают его трактат церковные власти, Кампанелла сам до конца понял значение написанного им. Он может не стыдиться своей книги. Отвратительным было выяснение, сказал ли Кампанелла нечестивые слова: «Что значит — «отлучат»?» Кампанелла вспомнил библиотекаря обители Сан-Доменико Маджоре. Предатель! Не станет он подтверждать его донос. Это не исповедь, это допрос.

— Один свидетель — не свидетель! — воскликнул он.

Его снова прервали, не думает ли он, что может учить суд? Вместо ответа Кампанелла процитировал Псалтирь: «Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня... собирались ругатели против меня, не знаю за что, поносили...»

— Не кощунствуй! — вскричал нунций. — С кем осмелился сравнить себя! Увести!

Кампанелла провел почти год в тюрьме. Его мучили приступы лихорадки. Днем в камере было нестерпимо душно, ночью — сыро. У него болели суставы, и от скверной еды расшатались зубы.

Иногда ему давали бумагу. Тогда он писал, стараясь выражаться туманно и осторожно. Да и темы выбирал сравнительно безопасные — делал заметки к «Поэтике», набрасывал план огромного сочинения — оно должно было стать сводом всего философского знания. Работа была счастьем. Его омрачала лишь мысль, что каждое его слово увидят враждебные глаза. И неизвестно, отдадут ли ему рукописи, когда его выпустят на свободу.

Когда выпустят... Кампанелла горько усмехнулся. Если выпустят. Иногда ему казалось, что этого никогда не будет.

...Прекрасным августовским утром Кампанелла снова предстал перед лицом суда. Приговор оказался неожиданно

милостивым. Год, который он провел в темнице, был сочтен достаточным наказанием. Кампанелле предписывалось немедленно покинуть Неаполь. Отныне ему предстоит жить у себя на родине в одной из самых дальних обителей. Покидать ее запрещается. На него налагается строгое покаяние. Он предупрежден: за новые умствования ему грозят более строгие кары. Он должен торжественно обещать, что не станет больше восхвалять Телезия, будет всегда и во всем придерживаться учения святой церкви. «Да будет мир с тобой, брат Томмазо», — прозвучало в конце наставительной речи. Насмешка? Нет! Его судьи уверены, что действовали во имя его блага.

...Кампанелла не подчинился приговору. Он отправился не на юг, в Калабрию, а на север. Побывал в Риме, потом во Флоренции, пробовал получить кафедру в Пизанском университете, но был сочтен для того недостаточно благонадежным. В Болонье, где он временно поселился в монастыре, у него украли все бумаги. Сделали это по-видимому агенты инквизиции, которые не упускали его из виду. В Падуе Кампанелла познакомился с Галилеем и другими учеными, снял монашеское платье, слушал лекции в университете, писал ученые сочинения и думал о том, как устроить справедливое и разумное государство. Был схвачен инквизицией вместе с друзьями, обвинен во многих прегрешениях — прежних и новых. Его перевели из Падуи в главную тюрьму святой службы — Замок святого Ангела в Риме. Здесь он долго был под следствием. Здесь он познакомился со многими замечательными людьми, заключенными этой тюрьмы: с Джордано Бруно, с Франческо Пуччи, который отрекся от католицизма после Варфоломеевской ночи, с математиком и астрономом Колантонио Стильолой.

Кампанеллу долго держали то в Замке святого Ангела, то в монастырях, его пытали, от него потребовали отречения от ереси, и он произнес покаянную формулу, стоя на коленях, облаченный в позорное одеяние...

Трибунал объявил Кампанелле приговор. Все его сочинения, как напечатанные, так и ненапечатанные, до последнего клочка запрещаются! Предписывается немедленно вернуть брата Томмазо на родину, в Калабрию. Ссылка!..

...Ему шел тридцатый год. Молодость позади. Все, что он сделал до сих пор, отнято у него. Запрещено. Зачеркнуто. Пятнадцать лет назад он покинул дом. У него нет ничего, кроме старого монашеского облачения. Любимые книги отняты во время обыска. Чью библиотеку они теперь украшают? Разве дознаешься! Рукописи — одни похищены, другие — конфискованы. Он может сказать о себе словами древних: «Все мое ношу с собой». Ну что ж! Он носит с собой немало: несметные сокровища мыслей — чужих и своих. Драгоценные россыпи поэзии. Воспоминания о знакомствах с людьми. Опыт унижений и страданий. Он испытал и закалил свою волю. Нищий, он богат. Гонимый, он свободен. Следы пыток на его теле — печать избранничества. Он не зря прожил эти годы. До Неаполя дошли слухи, что инквизиция выпустила его, не оправдав. Многие предпочитали обойти его стороной, чтобы, не дай бог, не напомнить о прежнем знакомстве. Для других то, что Кампанеллу преследовала святая служба, было свидетельством — вот человек, которому можно доверять. Однако принять гостеприимство кого-нибудь из старых друзей Кампанелла отказался.

Родная деревушка, милое его сердцу Стиньяно, жила по-прежнему. Здесь жизнь зависела от того, какой выдалась погода, когда созреет виноград, когда наступит пора убирать маслины. Родительский дом обветшал, родители постарели. Кампанелла чувствовал себя виноватым перед семьей. Думая о благе всего мира, что сделал он для счастья близких? Ничего! Само его появление в отчем доме грозит этому дому бедой. Будущее его полно превратностей. Он не может ни нового жилья родителям построить, ни отцу его работу облегчить, ни матери подарка подарить. А всего больнее чувствовать: родителям, особенно отцу, трудно с ним говорить. Сын неузнаваемо изменился. Да и как иначе, где только не побывал. Даже в самом Риме! Сын — человек ученый. Ученый-то ученый, но ни славы, ни богатства не нажил. О своих злоключениях Кампанелла отцу рассказывать не стал. Неизвестно, что будет, узнай отец, что Томмазо сослан на родину по приговору святой службы. Страх перед инквизицией велик. Да и не только страх, слепая вера: невиноватого преследовать не станут. Даже родному отцу довериться опасно. Сколько людей схвачено инквизицией по доносам или оговорам родных. Последние наступили времена: сын доносит на отца, отец — на сына, брат — на брата!

Кампанелла, задумавшись, шел по каменистой тропинке к ручью. Ему повстречалась старая, согнутая годами и работой женщина в черном — таких много в Стиньяно.

— Благословите, отец святой! — почтительно сказала она. Кампанелла вгляделся в нее. Жалость пронзила его. По огромным карим глазам, по рыжим нитям в седых волосах узнал соседку. Он уже сам давно не мальчик, но она! За эти годы он дважды прошел чуть не всю Италию. Сколько городов, сколько людей повидал! А весь ее путь каждый день из дома к ручью, на огород, на виноградник, в церковь. Каждый год рожала детей, нянчила их, хоронила, недоедала, недосыпала. Что толку во всей его философии и поэзии, если он не знает, как помочь этой женщине?

Стояли жаркие дни. Земля на полях высохла и потрескалась. Душными были ночи. Иногда через горы переваливали облака, таяли, не уронив на землю ни капли влаги. Томительны дни и тягостны ночи.

Кампанелла перебрался в Стило. Отец простился с ним не то с облегчением, не то с обидой. Мать, измученная тяжкой работой, и не заметила, что сын снова покидает дом.

Жизнь в Стило тоже нерадостна. Все жалуются: урожаи с каждым годом хуже, налоги больше. Церковь показалась Кампанелле не такой величественной, как в детстве. Зато еще прекраснее стал сад вокруг нее. В старом саду, где много тени, хорошо думалось.

А Кампанелле было о чем подумать. Что дальше? Спокойно, неторопливо трудиться над философскими сочинениями? Он не стар. Он может затаиться и выждать. Пусть запылится в канцеляриях святой службы дело Кампанеллы. Слава богу, у него нет ни жены, ни детей. Вот и обернулось благом его одиночество. Мельницы господа мелют медленно, но они мелют. Перемены должны наступить. Как эта томительная жара рано или поздно разразится грозой, засверкают грозные молнии, загрохочет гром, хлынет на землю благодатный ливень. В мире неотвратимо что-то должно произойти. Дальше такое господство зла продолжаться не может. А он, значит, будет, затаившись в тиши, ждать перемен? Он, кому судьбой предназначено быть их провозвестником, служить им, служить словом и мыслью, делом? Ищите и обрящете, стучите и отворится! Он не хотел ждать. Он хотел искать. Он будет стучать в затворенные двери, ведущие к счастью людей. И если они не отворятся, вышибет, как крепостные ворота, тараном. Двумя руками тарана не поднять, не удержать, не раскачать. Рук должно быть много.

Кампанелла очнулся от своих мыслей. К нему подходил высокий немолодой доминиканец. Огромное тело, большие руки, широкая походка. Господи, это же Дионисий! Он и не чаял снова когда-нибудь встретить друга!

Они разные, эти два калабрийца, два питомца доминиканского ордена. Философские учения никогда не занимали Дионисия. Зато он знал сотни историй о здешних делах, о враждующих родах, об уловках, какими пользуются сильные, чтобы обойти закон, мог с презрением перечислить тех итальянских дворян, что выслуживаются перед испанцами, с любовью говорил о тех, кто ненавидит чужеземцев. Они разные, эти два калабрийца, но боль за родной край — их общая боль. Неужели нет силы, способной возродить вначале Калабрию, а потом всю Италию?

Они выбирали для бесед заброшенные тропинки, дальние рощи. Вот и сейчас они на берегу пересохшей реки нашли тень подле буковой рощи. Дионисий расстелил на земле платок, выложил на него домашние хлебцы, сладкий лук, кусок сала в розовых прожилках, поставил фьяску вина, высыпал горсть миндаля и вяленого винограда.

— Благословясь, потрапезуем! — сказал он проникновенно.

Перекусили. Дионисий заговорил о фуорушити, не желавших покорствовать ни испанским властям, ни местным баронам. Они бросали жилье, поля и виноградники, уходили в горы. Жить в горах трудно, но там они свободны. Их стало за эти годы еще больше. Власти называли их бандитами, крестьяне — заступниками.

По тайным тропкам они спускались с гор, нападали на испанские патрули, помогали скрыться тем, кому грозила опасность, случалось, освобождали узников. От родных и знакомых в деревнях они узнавали о передвижении испанских отрядов. Крестьяне помогали фуорушити продовольствием и хранили в тайне все, что знали о них.

Дионисий не скрыл, у него есть среди фуорушити знакомые и даже друзья. Однако отряды фуорушити малочисленны и каждый сам по себе.

Кампанелла напомнил другу старинную притчу о прутьях. Слабая рука легко переломила каждый по отдельности. Но когда их сложили вместе, пучок не смог сломать даже силач. Не потому ли пучок прутьев стал символом ликторов Римской республики и ее могущества? Дионисий согласился:

отряды фуорушити станут силой, если их соединить. Ради чего? Когда Кампанелла вспомнил символ могущества Римской республики, этим было сказано самое важное: республика! Он представлял себе Калабрию, а затем и Италию превращенной в республику, «res publica» — «общее дело»! Республика — общее дело свободных и равных людей, государство справедливости. Пусть воплотится в нем все, о чем говорили и мечтали мудрые из мудрых. Пусть оно будет отечеством всем гражданам, светит всем, греет всех, как Солнце. Дионисий пожал плечами. Неужели Кампанелла полагает, что, пусть даже объединив всех фуорушити, удастся установить республику?

Великие истины нелегко объяснять людям. А пока надо подумать, кто еще, кроме фуорушити, желает перемен. Крестьяне! Все, кому не по силам налоги и поборы. И беднейшие из горожан. Впрочем, о них нужно подумать особо. Дионисий не знал городского люда. А Кампанелла насмотрелся на него. Городскую чернь легко запугать, купить, обмануть.

Они еще ни разу не произнесли слов «восстание» и «заговор», но понимали: говорят именно об этом. Они многое взвешивали и обдумывали. Можно ли рассчитывать на помощь дворянских семей, которым не по душе господство испанцев? Пожалуй, можно. У них большой счет обид. Да и среди священников и монахов найдутся союзники.

— Некоторых я уже нашел,— сказал Дионисий.

Кампанелла понимал: опасен путь, на который они вступают. Сама их беседа смертельно опасна. Он хотел укрепить решимость друга, да и свою. Стал размышлять вслух:

— Великий Фома Аквинат учил: если земные властители употребляют свою власть во зло подданным, подданные имеют право восстать. Сие не мятеж. Мятежниками в таком случае нужно считать тиранов.

Дионисий призадумался.

— Помнится, — сказал он, помолчав, — там есть оговорка. Чтобы подданные могли выступить против тиранической власти, они должны заручиться благословением церкви, которая освободит их от повиновения властям.

Кампанелла ответил стремительно:

— Мы их освободим. Властью принятого нами монашеского сана.

— Так что же мы будем делать? — спросил Дионисий.

— В начале было Слово, — кратко ответил Кампанелла.

«В начале было Слово».

В калабрийских деревнях и городах скоро стали поговаривать о проповедях странствующего доминиканца — брата Томмазо. Проповедник с горечью напоминал о бедах, перенесенных их краем, о тяготах, лежащих на плечах его сынов. Он говорил, что стенаниями несчастные не изменили своей участи, а лишь увеличили свои беды. Он говорил о земле, текущей молоком и медом, и о людях, которые искали эту землю, стремились к ней, но не дошли, ибо раньше времени убоялись тяжести пути. И толковал сие так, что счастье не в молоке и меде. Оно в свободе. Оно в справедливости. И достигнет обетованной земли лишь тот, кто опояшется мужеством. И проповедник напоминал слова господа: «Пошлю мир на землю вашу, ляжете, и никто вас не обеспокоит, сгоню лютых зверей с земли вашей, и меч не пройдет по земле вашей». Люди, жившие в краю, давно не знавшем мира, по земле которых проходил и меч, и огонь, с тоской думали: когда же настанет обещанное? «И будете прогонять врагов ваших, и падут они пред вами от меча; пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча».

— Это не я говорю вам. Это сказал господь!

Калабрийцы расходились с проповеди пораженные. Почему они не слышали таких слов прежде? Да есть ли они в завете? Немногие, что читали Библию, преступая тем один из папских запретов, подтверждали: да, такие слова в Ветхом завете есть! Брат Томмазо не называл имени врагов, но слушавшие его переглядывались и кивали головами — им не нужно было объяснять, к кому приложимы сии духоподъемные слова.

Пламенно проповедуя, Кампанелла старался блюсти осторожность, облекал поучения в таинственное обличье. Имеющий уши услышит, имеющий разум — поймет. Он высказывал свои призывы словами святого писания. Язык этот понятен и привычен. Надо было только так произнести, так истолковать эти слова, чтобы они прозвучали проповедью восстания. Нашлись монахи из числа тех, которые последовали за ним и Дионисием, и стали напоминать пастве слова завета, поднимающие на борьбу. Но где искать союзников? Об этом они толковали уже не вдвоем, а втроем.

Мавриций де Ринальдис, молодой человек из обедневшей дворянской семьи — горячая голова. Он пламенно ненавидел испанцев. Покровительствовал фуорушити и мог рассчитывать на их помощь. Искусно владел оружием, был неутомим на коне и пеший. Он страстно желал освобождения Калабрии. В своем поношенном колете он походил на гибкий и грозный боевой клинок в потертых ножнах. У Мавриция такие связи, о которых Кампанелла и Дионисий услышали с изумлением и даже ужасом. Турецкий флот крейсировал у берегов Южной Италии. Турки совершали высадки в Калабрии, грабили и зах-

ватывали людей в рабство. В церковных проповедях о них говорили как о посланцах антихриста. И с их лазутчиками Маврицнй завязал знакомство!

— Мне нет дела до того, кому турки молятся! — сказал он.— По мне, испанцы, называющие себя христианами и грабящие других христиан, во сто крат хуже. Турки во вражде с испанцами. Враг моего врага — мой друг!

После долгих раздумий Кампанелла и Дионисий согласились, чтобы Мавриций продолжил переговоры с турками. Только пусть ни в коем случае не посвящает их в планы заговора, касающегося будущего Италии. Мавриций не сдержал улыбки. Его мудрые друзья удивительно простодушны. Неужели турков занимает, какое правление намереваются установить заговорщики? От турков требуется одно — военная помощь! Их пушки и угроза высадки на берег отвлекут и скуют испанские гарнизоны. Мавриций обдумал, чем прельстить турок. В случае успеха восстания они получат торговые льготы на побережье.

Мавриций восхищал Кампанеллу: человек действия восхищал человека мысли. Мавриций изумлял Кампанеллу. Мавриций не видел греха в том, чтобы сговориться с турками, но бледнел, едва рассуждения Кампанеллы касались религии. Его вера в бога, троицу, приснодеву Марию и всех святых не знала и тени сомнений. Чего доброго, он мог раскрыть планы заговорщиков на исповеди, убежденный, что исповедник тайну исповеди сохранит.

Дионисий убедил Мавриция, что сам будет его исповедником. И все же предупредил Кампанеллу, чтобы тот больше никогда не говорил с их новым другом о сомнениях и догматах веры, если не хочет отпугнуть его.

Кампанелла согласился. Горько, что нельзя быть до конца откровенными с теми, с кем готовишь восстание. Бессмысленно посвящать фуорушити в сокровенные планы устройства будущей республики — люди непросвещенные их не поймут. Опасно открывать Маврицию свое отношение к догматам веры. Приходится учиться искусству умалчивания, прибегать к неполной правде. Даже проповедникам, которые стали его помощниками, он не до конца мог открыться. Переговоры с турками решено держать от них до последней минуты в тайне. Зато им можно открыть другое — рассказать о великой судьбе, предначертанной родному краю.

Ученики и друзья Кампанеллы собрались на выгоревшем склоне горы Стило, выставили дозорных, уселись на камнях или прямо на земле в тени старого пробкового дуба. Кампанелла заговорил медленно, негромко, прислушиваясь к своим словам, искал их, как в темноте невидимую тропинку. Потом голос его стал тверже. И вот уже слушающих захватила его речь.

— Неужто мы согласимся с тем, что наша земля лишь в прошлом была великой? — спросил Кампанелла, оглядел слушателей, увидел в их глазах свет напряженного внимания и вместо ответа прочитал сонет, недавно им написанный. Он обращался в нем к горе Стило. Когда соберется на выжженной солнцем горе общество избранников божьих, читал Кампанелла, когда облекутся они в белые одежды праведных, как о том сказано в Откровении Иоанна, тогда Стило превзойдет вершины Парнаса, Олимпа и Капитолия. Такая судьба предначертана этой горе историей.

Праведные возвысят Стило выше Парнаса, ибо на его склонах родится новая поэзия и она превзойдет поэзию древних. Стило возвысится над Олимпом, ибо здесь родится истинная вера, свободная от заблуждений язычества, возрождающая христианство как учение братства и справедливости. Стило возвысится над Капитолийским холмом, ибо станет колыбелью нового государства, которое превзойдет славу Великого Рима. Стило — священная гора! С нее начнется освобождение человечества.

Будущие избранники сидели на горной поляне, окаймленной цепкими колючками терновника. Из-под замшелого камня с журчанием выбивался родник. На крутом склоне росла жилистая сосна, перекрученная от долгой борьбы с ветром. Гора как гора. Но такая неистовая убежденность звучала в словах Кампанеллы, что его слушатели верили: отсюда они пойдут в мир, принесут ему свободу и справедливость, которой жаждут люди.

Так Кампанелла вдохновлял единомышленников словом поэта, порой ясным, нередко таинственным, вдохновлял историческими примерами, почерпнутыми из писания. Дионисий же сообщил им место следующей встречи, знаки, по которым они узнают друзей, сказал о предосторожностях, которые надо соблюсти.

Когда все разошлись, Кампанелла и Дионисий тоже начали спускаться с горы.

— Стихи хороши. Белые одеяния — прекрасно, — медленно проговорил Дионисий. — Мы будем по ним узнавать друзей. Но заменят ли белые одеяния латы? Надо искать людей, владеющих оружием, знающих все уловки войны в горах и способных выдержать сражение на равнине. Нужны кинжалы, аркебузы, пистолеты, порох, пули, меткие стрелки, ловкие лазутчики, неутомимые всадники, крепкие кони. Самое прекрасное стихотворение не заменит самой плохенькой пушки.— Он оборвал себя. Не хотел обижать друга.

Тут Кампанелла неожиданно удивил его, сказав, что самые лучшие уроки ведения войны они отыщут в истории Моисея, Иисуса Навина, Давида, Маккавеев, Александра Македонского, Сципиона, Ганнибала. Кампанелла помнил десятки сражений, описанных в Библии, у греческих и римских историков.

Дионисий заслушался. Колдовским даром обладал его друг. Говорит так, словно они могут рассчитывать не на отряды фуорушити с оружием, выкованным в деревенских кузницах, а на полки Ганнибала с его боевыми слонами или на грозные римские легионы. Воин должен уметь лить пули из свинца, оборонять крепостные стены и атаковать их, бросать камни с бойниц и стрелять из аркебуз. Но превыше всего — презрение к опасности. Пусть воин знает: трусость в бою неотвратимо наказуется. Но главное — пусть презирает смерть, душа бессмертна и мужество на земле будет вознаграждено в вечности. В той республике, о коей они мечтают, так и будет — смотры войск и ежедневные упражнения в городе и в поле, чтобы войско было в готовности, а тело и дух не изнеживались.

Что возразишь на это? Разве только, что годы уйдут на подготовку такого войска, какое видится Кампанелле. Разве не назначили они восстание на осень 1599 года?

У них впереди нет долгих лет, у них даже месяцев немного. Им надо считать не воображаемые армии, а каждую горсточку людей. Каждый фуорушити на счету. Каждый дворянин, который согласится стать проповедником их мыслей. Каждый кузнец, который сможет ковать для них пики и кинжалы. Боевых слонов у них не будет, а вот об осликах, способных доставлять вьюки с припасами по горным тропинкам, надо подумать. Запасти и насушить хлеба, навялить мяса, приготовить лекарства для ран.

С сияющей высоты священной горы нужно спускаться на землю. На узкую тихую улочку дремотного, богом забытого городка. Где каждый знает своих соседей. Где достаточно пройти вместе, чтобы вечером женщины у колодца рассказывали: «Брат Дионисий и брат Томмазо откуда-то возвращались сегодня вместе». «Как это откуда? Словно ты не знаешь! Проповедовали на горе!»

На краю городка они распрощались. С болью в сердце Дионисий увидел, что Кампанелла словно потух. В глазах его уже нет воодушевления, с которым он час назад говорил о будущем. Устал! Но друг не просто устал. Кампанелла — Колокол. Колокола вознесены над землей, чтобы с поднебесной высоты был слышен людям их набатный звон. С этой высоты видно далеко окрест — мысль его друга простирается в дальние страны, в прошлое и настоящее. Он, Дионисий, дивится этой способности. И не его вина, что ему приходится напоминать другу о земле, на которой они стоят, по которой ходят, по которой поведут повстанцев.

Когда готовишься разрушить ненавистное, надо знать, что построить на развалинах. Кампанелла знал. Ему виделся Город Солнца. Ибо нет во Вселенной ничего щедрее этого светила и справедливее. Оно светит всем. Греет всех. Нет для него ни знатных, ни простолюдинов, ни богатых, ни бедных. Оно — действительный бог этого мира. Название для своей мечты ты нашел. Город Солнца будет красив. Уроженцу Калабрии города, лежащие на равнине, как лепешка, скучны. Город Солнца будет выстроен на холме. Его прекрасные дома стоят на разных уровнях, они соединяются галереями и мраморными лестницами...

Кампанелла, ты увлекся! Уж не собираешься ли ты, изгнав испанцев, начать сразу строить прекрасный город, где все будет новое — дома, площади, люди, обычаи? Где ты возьмешь на это средства? Кругом горькая нищета, и нужно думать не о новом городе, а о дырах в крышах и стенах домов, где живут те, кто пошел за тобой! И что ты будешь делать со всеми маленькими, бедными городами и селениями Калабрии? Пожалуй, жители не согласятся бросать родное гнездо ради Города Солнца. Оно им дорого — с кривыми улочками, с облупленными стенами, с пересыхающими в жару фонтанами. Они хотели бы жить получше здесь, а не переселяться в придуманный тобой город. Кампанелла хорошо знает своих калабрийцев. Лучше синица в руках, чем журавль в небе, считают они. Город Солнца — мечта. Сейчас надо думать о том, какую жизнь создавать в тех городах, что уже построены.

Кампанелла все обдумал. Люди должны отрешиться от себялюбия и заменить его любовью к общине. Все в их жизни должно быть проникнуто дружбой — в пору военной опасности, во время болезни, при соревновании в науках. Они будут почитать знатнейшими тех, кто изучил больше искусств и ремесел и применяет их с наибольшим знанием. Самыми гнусными пороками в их глазах станут гордость, надменность и чванство. И никто не сочтет для себя унизительным прислуживать другим за столом или на кухне, ходить за больными.

Когда Кампанелла говорил о будущем, лицо его, напряженно-сосредоточенное, угрюмое, тревожное, менялось. На него падал солнечный свет прекрасных видений, и какой бы обычай будущей жизни он ни описывал, он непременно говорил: работать, заниматься науками, беседовать с друзьями, развивать ум и тело — все будет радостью. Не тягостные обеты, не угрюмые запрещения будут определять жизнь, а радость. Кампанелла указывал на тонкие деревца, пробивавшиеся между каменными плитами террасы, и говорил:

— В невидимую щель между камнями упало крошечное семя. Камень сдавил семя и противостоял ему. Но росток пробился... Он не спрашивал себя, могу ли я одолеть камень. Его звало солнце, его поил дождь, и он рос. Прошли годы — всесильная каменная кладка поддалась. И вот уже корни рвут ее, деревце растет, трещины побежали по камню.

— Почему малое семя побеждает большую каменную плиту? Потому что право! Оно создано, чтобы расти, и оно растет. И ничто его не удержит.

Пора взвесить свои силы. Семя их замысла тоже дало ростки. Молодые монахи из орденов — доминиканского и августинского — понесли проповедь Кампанеллы по всему Неаполитанскому королевству. То бродячий торговец передаст Кампанелле весточку без подписи и обращения с условной строкой из Вергилия или Данте, то погонщик мулов доставит корзину с желудями или ветку маслины — условный знак. Это посланцы епископов. Их речи уклончивы, слова туманны, от них всегда можно отречься. Если верить осторожным словам, епископы нескольких калабрийских городов проявляют интерес к неким планам и склонны их поддерживать. Поддержка епископов означает в нужный момент благословение, быть может, деньги. У каждого епископа есть вооруженные слуги. Можно ли рассчитывать на них? Понятно одно — епископы ведут переговоры не только с ним, но и между собой и определили общую позицию: благожелательное осторожное ожидание.

Трудными были переговоры, встретиться после них с простодушными и пламенными фуорушити — отрада. Но сколь ни прямодушны и горячи они, рассчитывать только на их отряды нельзя. Они годятся для внезапных нападений в горах, для разведки. А нужно войско, способное принять бой в открытой долине. В Калабрии немало итальянских дворян, оскорбленных владычеством испанцев. У многих из них свой длинный список обид. Оттесненные от двора вице-короля, обедневшие, не имеющие надежд на важные должности, они ждут от восстания перемен. Им надоело повиноваться, им хочется повелевать. Надоело помалкивать. Хочется говорить. Так, чтобы их слушали и слушались. Надоело довольствоваться крохами, падающими со стола. Хочется сесть за стол.

Беседуя с ними, Кампанелла и Дионисий не открывали всего. Умалчивали, что после победы собираются ввести законы на благо бедным. Туманно говорили о республике. С этими союзниками, самолюбивыми, себялюбивыми, честолюбивыми, изголодавшимися по власти, деньгам, почету, все непросто. Но об этом на время приходится забыть. Дворяне, обещающие поддержку, не только сами возьмут оружие и сядут на коней, они выставят солдат, которых содержат на жалованье. Те не спрашивают, с кем и за что сражаться,— платили бы деньги!

А города? Города с их ремесленниками, торговцами, натерпевшимися от испанцев, с их беднотой? Города, где так ненавидят испанских фискалов, обложивших налогом и первый крик новорожденного, и последний вздох умирающего? Как поведут себя города с их беднотой? Некоторые обещали помощь. Невелики эти города, но разве велико было семя, взломавшее каменные плиты?

Когда Маврикий вернулся, Кампанелла испытал вместо облегчения тревогу. Казалось, надо радоваться. Турки согласны помочь. Назначены день и место, когда и где их суда нападут на побережье, начнут обстрел, высадят пехоту. В тот же самый день спустятся с гор фуорушити.

Подготовлен тройной удар. Почему же тревожится Кампанелла?

Пробовать с осторожностью, пробовать на малом! — говорят ученые. Кампанелла не может испробовать свой план осторожно и на малом. Тому, кто готовит восстание, чтобы создать справедливое государство, такой возможности не дано. Примеряться он может только в уме. Рисковать приходится всем. Всем и сразу. Каждое действие, ведущее к восстанию, совершается окончательно. Все, чего они не предусмотрят сейчас, потом уже не сделаешь.

Август был необычно жарок. Ночи томительны. Ручьи обмелели. В колодцах не хватало воды. Трудно стало поливать огороды. Засуха, грозный знак, предвещающий перемены. Так и надо толковать его людям. Тогда сама беда принесет пользу заговору!

Каждый из дней, оставшихся до назначенного срока, тянулся бесконечно. Кампанелла весь день был на ногах, ночью долго не мог уснуть: дневные беседы, тревоги, опасения, строки новых стихов, мысли о будущем одолевали его. Любое неосторожное слово, сказанное днем, ночью приобретало очертания грозной опасности. Пустяк, который он забыл сделать днем, вырастал ночью в препятствие неодолимое. Мысль металась. Сон был тревожен и сил не прибавлял. Скорее бы все началось.

Все готово. Ждать недолго. Краткость отмеренного срока и радовала и страшила. Кампанелле вспомнился случай, который произошел с ним в детстве. Это было ранней весной. В горах таял снег. В Стило молодые парни ходили от дома к дому с радостными криками: «Февраль кончился, март на пороге!» Им подносили вина, угощали вяленым виноградом, сушеными дынями. А когда обошли все улицы, почувствовали, что не навеселились, не напелись, не накричались.

— В гору! — крикнул кто-то. И все кинулись за ним. Шли вверх по тропке, потом взбирались по крутому склону. Наконец добрались до ровной, усеянной камнями площадки, сели передохнуть. Сильно билось сердце, кровь стучала в висках. Весна и высота кружили головы. На краю площадки лежал камень. Казалось, он прирос к телу горы.

— Столкнем! — предложил заводила. Попробовали перевернуть его, он не поддавался. Подбадривая друг друга, изо всех сил упираясь ногами, что есть мочи толкая руками, перевернули камень. Камень покатился по склону, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее, увлекая за собой другие камни. Они срывались со своих мест и катились за ним. И скоро это был уже грозный камнепад. Камни ломали кусты, валили деревца. Из гнезд с громкими криками вылетали птицы. Грохотало, рушилось, скрипело, трещало. На винограднике под горой заметались люди. Внизу на колокольне тревожно забил набат. Звонарь заметил каменную лавину. И вдруг грохот стал тише, а потом оборвался. Камни уперлись в скалистый выступ. Он преградил им путь. И скоро у подножия лежала груда камней. Неподвижная. Будто лежала тут вечно. Виноградари вернулись к своей работе. Колокол перестал звонить. А на вечерней службе священник произнес проповедь о беде, которую господь наш Иисус Христос и его мать святая дева Мария отвратили от полей и домов Стило.

Кампанелла до сих пор помнит чувство, охватившее его, когда он глядел на камнепад, вызванный собственными руками. Минуту назад казалось, что нет ничего важнее и веселее, чем своротить старый камень и сбросить его под обрыв. И вот камень покатился. Не удержишь. И лавину не остановишь. Камень теперь сам продолжает грозное свое движение. Оно неостановимо...

В жизни Кампанеллы было много трудных дней, но этот оказался самым трудным.

Он получил ошеломляющее известие — к побережью подошел не турецкий, а испанский флот! Случайность? Она выглядела странно — почему именно туда, где должен появиться флот турецкий, и незадолго до того, когда заговорщики ожидали его здесь? Однако ясно: план нужно немедленно менять...

События разворачивались с устрашающей быстротой. Испанцы встали на якорь, высадили на берегу конницу и пехоту. Глашатаи объявили перепуганным жителям, что им ничего не угрожает. Вице-король в своем отеческом попечении о вверенном ему крае прислал корабли и солдат, чтобы уберечь побережье от нападения турецких пиратов. Верный человек дал знать Кампанелле — план заговора не тайна для испанцев. Среди заговорщиков нашлись люди, сообразившие, что блага от заговора — дело сомнительное. Награда за донос сулит выгоды несомненные. Они сообщили властям о готовящемся наступлении и назвали заговорщиков, которых знали.

Вице-король увидел всю опасность заговора. Если бы речь шла только о выступлении фуорушити, беда невелика. С ними справились бы местные гарнизоны. Но доносчики утверждали, что в заговоре участвуют калабрийские дворяне, монахи разных орденов и монастырей, им обещали поддержку несколько епископов, они в сговоре с турками, на их стороне — сам па-

па! Испанские корабли, стоявшие в неаполитанской бухте, взяв на борт пехоту и конницу, отплыли к берегам Калабрии. Начальником карательной экспедиции, посаженной на суда, был назначен итальянец Карло Спинелли. Он уже давно верой и правдой служил испанской короне. Как многие изменники, он был особенно жесток к соотечественникам. Приказ вице-короля гласил: высадке турок воспрепятствовать, главных заговорщиков захватить живыми.

Едва испанские корабли высадили на сушу своих солдат, многие заговорщики дрогнули. Стали прятаться, как от чумы, от посланцев Кампанеллы, не отвечали на условные сигналы, а некоторые поспешили с повинной.

Кампанелла, Дионисий, Мавриций встретились снова в разрушенном доме подле Стило. Пока что это убежище казалось надежным. Как быть дальше? Благоразумие подсказывало — немедленно предупредить всех сторонников о провале, чтобы они успели бежать в горы, а потом скрыться самим. Но заговор разросся. Они давно уже не знали всех участников, а некоторые посланцы, через которых они поддерживали связь с другими заговорщиками, исчезли: не то арестованы, не то затаились. Доверие к людям пошатнулось. Все, что выглядело прочным и надежным, стало зыбким. Они могли рассчитывать на успех, только покуда их выступление было неожиданным для испанцев. С местными гарнизонами они могли бы справиться, если бы испанцы были отвлечены ударом с моря. Теперь надеяться не на что! Надо спасти тех, кого можно спасти.

Тяжела ноша человека, от которого зависят судьбы доверившихся ему людей. С той минуты, как Кампанелла узнал о предательстве, его лицо, и без того смуглое, почернело. Решили: переждать опасность, потом начать снова связывать нити, искать союзников.

Не пришлось.

С утра в Стило все было еще спокойно. Горожане заняты уборкой винограда. После засушливых дней виноград был необычайно сладким. Кто станет думать об испанском флоте, когда нужно собрать виноград? Воздух дышал виноградным соком. Гудели пчелы. Смеялись и пели люди, опьяненные работой, важнее которой ничего в их жизни не было.

Но когда они вернулись в Стило, городок вымер. Никто не хлопотал у винограда, сложенного под навесами. Не видно было женщин около фонтана. Ставни на окнах закрыты. Тревога стиснула сердце. Нечем дышать. Кампанелла еще ничего не успел проговорить, как Мавриций схватил его и Дионисия за руки, потащил за живую изгородь. Он первым услышал цоканье копыт по камню и чужие голоса.

На улице появились испанские конники, десятка два. На них были красные куртки, кожаные колеты, высокие сапоги со шпорами. Ехали они на прекрасных рыжих конях. Длинные пики упирались в стремена. У каждого шпага на боку и кинжал за поясом. Хозяевами ехали они по вымершей улице Стило. Кампанелла задохнулся от ярости.

Прямо против того места, где они спрятались, перед навесом лежала гора винограда, которую еще не успели перенести к давильне. Первый всадник направил коня прямо на виноградную гору. Запрядав ушами, конь помедлил, но кавалерист пришпорил коня, и тот, а за ним все остальные проскакали по винограду, топча подковами спелые гроздья, смешивая виноградный сок с уличной пылью, оставляя на раздавленном винограде яблоки навоза.

Мавриций побелел от унижения, ярости и стыда. Что они могли — он с пистолетом и шпагой и два безоружных монаха?

— Этого мы им не забудем! — шепотом сказал Дионисий. Стуча в барабан, городской глашатай объявлял приказ испанцев — выдавать бунтовщиков, за что полагается награда, и не укрывать их, иначе полагается суровое наказание. Надо скрываться. Но как? Где?

— Я пойду в Стиньяно, — сказал Кампанелла.

— Тебя там знает каждый! — возразил Дионисий. — Опасно!

— В нашем положении все опасно, — почти беззвучно сказал Кампанелла.— Там меня, действительно, знает каждый, и потому, надеюсь, не выдаст никто.

Выбор невелик. Итак, Кампанелла пойдет в Стиньяно, Дионисий постарается укрыться в дальнем монастыре, где у него есть друзья. Мавриций ночью тайными тропками попробует добраться до фуорушити.

Кампанелла шагал по дороге, по которой он столько раз ходил в детстве. Он знал на ней каждую выбоину, каждое дерево, каждый куст. Сегодня она казалась ему бесконечно длинной и полной опасностей. Гора Стило темнела в вечернем небе немым укором. Отсюда все должно было начаться и здесь все, не начавшись, кончилось.

Зазвонили колокола — вечерний звон обычно вызывал в душе светлую грусть, но сейчас звучал погребально. Домой он не пойдет. Не вынести сейчас ни укоров, ни советов отца, ни неогорченного недоумения матери, ни ее хлопот. Но куда деться? В горы, к фуорушити? Признают ли они его? А может, уже ушли в дальние убежища, прослышав об испанцах? Кампанелла переоделся в крестьянскую одежду, которую ему дал, обмирая от страха, один из стиньянцев. Попросить у него крова Кампанелла не решился. Скитался вокруг Стиньяно, прятался, ел, что придется, исхудал, оброс бородой. Ему казалось, что переодетого, с лицом, покрытым многодневной щетиной, его не узнают. Неужели все, о чем они мечтали, пропало?

Кампанелла решился пойти в монастырь, где есть монахи, недавно жадно внимавшие его речам. Брат Ипполито, один из заговорщиков, не сразу узнал Кампанеллу, а узнав, задрожал. Он умолял Кампанеллу уйти. Настоятелю доверять нельзя.

Кампанелла чувствовал, что заболевает. Укрыться в церкви соседнего селения? Испанцы жестоки, но они католики, и не ворвутся в храм. Нужна передышка, нужно связаться с Дионисием, с Маврицием, с заговорщиками, на которых еще надеется. Священник не отказал ему в приюте. Кампанелла так измучился за дни, слившиеся в его сознании в сплошную череду унижения и отчаяния, что не задумался над тем, с какой легкостью получил убежище. Скоро его разбудили.

— Я не спрашиваю вас, кто вы,— сказал незнакомец. — Если вы тот, кто я думаю, бегите! Вас выдали!

Ловушка? Может быть, неизвестный прислан, чтобы выманить его из убежища? А если он говорит правду? Церковь сразу представилась ему западней. Незнакомец вышел вместе с ним и сказал:

— Благословите меня, отец святой!

Значит, вид Кампанеллы не обманул его. Кампанелла благословил незнакомца.

Скоро он совсем расхворался. Лихорадка мучила его. Надо хоть несколько дней провести под кровлей. Он был счастлив, когда нашел дом, хозяин которого согласился дать ему приют. Здесь его и схватили солдаты из испанского конного отряда.

Кампанелла проснулся, задыхаясь от ужаса. Приснилось, что ему отрубили руки и они с тяжелым стуком упали на каменный пол застенка. Он открыл глаза и сразу все вспомнил. Его везут в тюрьму. Связанные руки онемели. Он осторожно попробовал пошевелить пальцами. Одеревеневшие руки не слушались его. Он с трудом поднял их над головой, так что хрустнуло в лопатках, и начал трясти ими. Конвойный прикрикнул на него, толкнул в бок древком пики. И этот окрик и этот удар тоже знакомы. Ему еще и не то предстоит.

Светало. Накануне вечером отряд стражников, конвоировавший Кампанеллу, едва начало темнеть, остановился на привал. Боялись, что ночью на дороге пленника могут отбить. Начальник отряда и часть конвойных расположились в харчевне постоялого двора. Остальные сменялись в карауле. Пленному вынесли ломоть хлеба и миску варева.

Кампанелла заставил себя съесть немного хлеба и, наклонившись к земле, отхлебнуть из миски глоток варева. Они заставляют его лакать, как пса. Ему нужны силы. Это только начало... Кампанелла зябнул, лицо, покусанное москитами, горело. Неожиданно пленник усмехнулся. Вспомнил, что за день до того, как его схватили, ему исполнился тридцать один год. Не оказался бы этот год последним...

Отряд начал собираться в путь. Солдаты высыпали во двор, умывались из водопойной колоды, причесывались, седлали и вьючили лошадей, перекрикивались и перебранивались. Кампанелла улавливал обрывки их разговора, даже понимал их шутки. Люди как люди. Но как менялись они, когда подходили к пленнику! Из всех слов в языке оставалось только «нельзя! назад! не смей!»

Кампанелла старался не навлекать на себя гнева конвоиров. Он знал: жизнь его на волоске. Уцелеет ли он, зависит единственно от того, сколь строг приказ, предписывающий доставить его живым на допрос. Может быть, перечеркнуть расчеты будущих судей и кинуться со связанными руками на конвойных? Так ведь не убьют же, если не приказано. Нет, он изопьет до конца уготованную ему чашу. Он поднял других на то, за что они теперь расплачиваются. Он должен стать им опорой в темницах, где они встретятся. И может быть, еще не все потеряно? Может быть, Дионисий и Мавриций еще на свободе? Поднимают отряды фуорушити. Связываются с турками. Спасут его. Как прекрасно все было задумано и какой удивительной стала бы жизнь, если бы удалось задуманное!

Отряд двинулся в путь. Вокруг красно-золотые виноградники, взбегающие в гору, печальные свечи темных кипарисов,

узловатые пинии, растущие на склонах, узкие тропки, отходящие от дорог. Определить, куда его везут, он не смог.

Встречные крестьяне торопливо сворачивали на обочину. Они слышали об арестах — уже несколько дней людей хватают повсюду. Громогласные глашатаи и испуганные священники объяснили им — ловят злодеев и святотатцев, которые сговорились с турками, посулили отдать им Калабрию. И темные люди, которым он хотел добра, всему верят. Верят, потому что привыкли верить. Но кто в том виноват? Он сам! Кампанелла и его друзья не смогли сделать так, чтобы калабрийские крестьяне знали, чего они добиваются. Ну, а если бы объяснили? Если бы кроме проповедей о зле, господствующем в мире, о переменах, которые неизбежно грядут, рассказали бы им о республике правды и справедливости, о государстве будущего, поняли бы они эти речи?

У этих мыслей горький вкус поражения. Тяжек путь арестанта по залитой осенним солнцем дороге. И самое тяжкое — встречи с крестьянами, едва решавшимися посмотреть на узника. Отряд обогнал мрачную процессию. По дороге, спотыкаясь, плелись человек десять в наручниках и кандалах, соединенных общей цепью. Перед ними и за ними ехали конные стражники. По бокам шли пехотинцы. Кампанелла оглянулся. Оборванные, истомленные голодом и жаждой люди, со следами побоев и замотанными тряпьем ранами. Кто они? Фуорушити, разбитые во время отчаянной вылазки? Крестьяне, обвиненные в том, что помогают фуорушити? Знают ли они, кого провезли мимо них? Думают ли о нем? Жалеют? Проклинают? Тяжко бремя того, кто подвигнет других на смелый поступок. Единственное утешение его совести — общая судьба. Ее он разделит с ними до конца.

Конвойный, ехавший рядом с Кампанеллой, подхлестнул мула и пришпорил своего коня.

— Теперь недолго! — весело сказал он и подмигнул узнику. Недолго — до конца утомительной дороги. Недолго — до тюрьмы. Сколь различно значение одного и того же слова для двух разных людей! Кампанелла усмехнулся. Несчастная привычка философствовать даже на пороге темницы.

Люди приосанились, пришпоренные кони, повинуясь им, ускорили рысь.

Потянуло ветром. Он нес запах соли — море рядом. Перед ними выросла темная громада крепостного замка. Пленника сдали коменданту.

Кампанеллу бросили в одиночку.

Итак, он снова в тюрьме. В первые минуты Кампанелла испытал облегчение. Наконец один. На руках разрезали путы, и руки ожили. Кампанелла рухнул на набитый соломой мешок, прикрыл глаза и впал в забытье. В ушах все звучало и звучало цоканье подков по камню, голоса конвойных, сладкая любовная песня, которую они пели.

Сколько в Калабрии маленьких, жалких, полуразвалившихся лачуг и как велики и прочны ее тюрьмы! Камня, из которого сложена эта, хватило бы на целое селение. Не безумен ли мир, не способный накормить голодных, напоить жаждущих, дать кров бездомным, но не жалеющий сил и денег на темницы! Первыми в них попадают именно те, кто догадывается о безумии мира и ищет средств, чтобы переделать его, чтобы дать людям счастье. Сейчас не время для философствования. Нужно обдумать свое положение. Оно опасно. Оно крайне опасно. Скрывать свое имя и монашеский сан невозможно.

Крестьянское одеяние и борода не обманули погоню. То, что Кампанелла изменил обличье, дабы не походить на инока, серьезнейшее прегрешение. До суда инквизиции, может быть, и не дойдет. Его схватили испанские власти. Он для них заговорщик, а не еретик. Впрочем, это станет видно на первом же допросе.

Кампанеллу долго не вызывали на допрос. «Вооружись стойкостью, перепоясайся мужеством»,— приказывал он сам себе.

Узник по многим признакам умеет угадать, что происходит за стенами камеры. Кампанелле скоро стало ясно: в крепость все время привозят новых заключенных. Из-за решеток соседних камер, иногда и сквозь стены доносились громкие голоса — заключенные пытались дать знать о себе. Выкликали имена, названия своих селений. В коридорах звучали шаги, звякали кандалы.

Скоро выяснилось, почему власти медлили с началом допросов. Ждали прибытия прокурора Луиса де Ксаравы. Один из самых ненавидимых итальянцами испанских сановников, Ксарава был умен, красив, проницателен, честолюбив. Должность, которую он занимал, давно перестала его радовать — он стремился выше и, хотя был на провинциальной службе, одевался как гранд. Калабрия — глушь, дыра, забытая богом. Заговор против испанского правления Ксараву обрадовал. Это подарок судьбы! Умело провести следствие, представить заговор смертельно опасным, но вовремя обезвреженным — вот кратчайший путь к новому высокому посту. Когда процесс кончится, он будет богат, знаменит, необходим при дворе.

Продолжение следует

ОТВЕТ ПРОТОИЕРЕЮ

Архив А. М. Горького любезно предоставил нашей редакции не публиковавшиеся ранее два материала: письмо протоиерея А. Н. Мирошниченко А. М. Горькому и ответ великого писателя. Публикация подготовлена научным сотрудником архива В. Н. Чуваковым..

Письмо М. Горькому

Простите, что Вас беспокоит чуждый Вам по духу человек — священник, который, может быть, и не имеет прав на человеческое существование, так как верует в Бога и ему служит. Но все же и у меня есть запросы духа, которые требуют разрешения. Дело вот в чем: я, как бывший офицер, участвовал в русско-японской войне. Видя все, что там делалось, пережив вместе с армией позор, павший на наши головы, будучи не в силах снять тот терновый венец, который был одет на ее голову руками предателей,— я ушел из нее, и в 1907 году, как получивший, помимо военного, еще и богословское образование, одел рясу и крест и пошел служить, как мне тогда казалось, народу. В этой службе я хотел найти себе оправдание своего существования, но жил и служил, как и другие: героизма особенного не проявлял, хотя заветы моего б[ывшего] законоучителя Г. С. Петрова (Вы с ним, кажется, были знакомы) выполнял. Священник как священник: куриный насест вместо полета орла. В русско-германскую кампанию, уже как священник, попадаю на войну. Был все время на передовых позициях, тыл презирал; о личной безопасности совершенно не думал. Может быть, это потому, что я лишился единственной дочки, и жизнь мне стала не в радость. Почему я поехал на войну? — спросите Вы. Да потому, что мне казалось, где рыдающие звуки о помощи, там прежде всего должен быть пастырь. Войны я не благословлял, но остановить ее не мог, а помочь раненым считал своим долгом; быть с ними, страдать с ними, а не нежиться в это время на своей мягкой постели, — считал своею обязанностью, — и, после долгих колебаний и страшных сомнений, я очутился среди них, в грязных окопах, в воде, во власти вшей и снарядов. Мне посчастливилось (я верю в помощь Бога — простите!) вынести под пулеметным огнем (на ружейный, тем более — артиллерийский не обращали внимания) около 200 раненых (среди которых были евреи, татары, русские и другие), перевязать им раны, напоить водой с вином, облегчать словом их физические и нравственные муки и спасти, таким образом, их жизни. Некоторые из спасенных мною здравствуют и теперь. Спасая их, я о себе совершенно не думал: их муки одухотворяли меня на подвиг во имя их же. Я готов был целовать (и целовал) у этих святых страдальцев руки и ноги. Они же (конечно, не все!), очнувшись в госпиталях, узнали, кто их спас, вспомнили обо мне и начали писать мне письма, в которых столько было проявлено любви и нежности ко мне, что я рыдал над ними. Они в письмах называли меня «спасителем», отцом, братом, другом и т. д. Я тогда понял, что, спасая других, я спасал себя и оправдывал цель своего существования. Но это было тогда. Потом мучительные мысли снова стали разъедать мой мозг. Забыл сказать, что «за спасение жизней и облегчение страданий» мне солдаты, в лице солдатской Георгиевской думы, присудили Георгиевский крест включительно до I ст[епени] и преподнесли священнический, орошенный их слезами любви и благодарности, крест. Вот это-то участие мое в войне меня и мучит... Имею ли я право на человеческое существование и на кусок хлеба, который у нас теперь дается только честным людям, с пользой для других живущих. С одной стороны, положение, утешающее меня,— спас жизни; с другой, мучающее меня, — благословлял как будто бы своим участием войну. С одной стороны: не убий, люби врагов (между прочим, в дни праздников и затишья мы с немцами и австрийцами братались, ходили к ним в окопы и зазывали их к себе, что вызывало недовольство н[ачаль]ства); с другой, если не прямо, то косвенно, нарушение этих основных Евангельских истин. С одной стороны: «Нет больше любви, как кто душу свою положит за други своя», с другой: этим друзьям войны совершенно не надо было; их насильно гнали на бойню. Но все мое оправдание: я своею жизнью рисковал из-за них, не было бы меня, возможно, и погибли бы эти, спасенные мной, страдальцы. Они тогда благословляли мое имя, когда я, наклонившись над ними, перевязывал им раны и облегчал муки, а теперь, когда эти муки забылись и раны зажили (люди как люди!), возможно, ругают и смотрят на это совсем иначе. Вот что болезненно сверлит мой мозг, вот что не дает мне покоя ни днем, ни ночью; вот что заставляет обратиться к Вам. Могу ли я быть честным человеком, имею ли право на человеческое существование, не может ли это прошлое лечь пятном на мою совесть, или я исполнил долг пастыря и человека?

Я Вас, конечно, знаю как писателя, а главное, как человека (человечность меня особенно волновала еще у Короленко), и хотя Вы человек неверующий и иногда больно задеваете струны наших верующих сердец, но Вы много в жизни перенесли, перестрадали, посему Вам многое и простится. Прошу Вашего ответа; я знаю, как Вы заняты и чего Вам стоит всем отвечать, да еще «попу», — но что же делать? Я попытался, решился Вам написать, поделиться мучающей меня мыслью, и если и не получу ответа, то думаю, что я Вас этим письмом, дорогой Алексей Максимович, не оскорбил.

Всего хорошего желаю Вам и семье Вашей.

Уважающий Вас протоиерей
Александр Николаевич
МИРОШНИЧЕНКО

7.III.29 Луганск

Ответ Горького

**Уважаемый
Александр Николаевич!**

Я мог бы назвать Вам еще четырех священников, которые смущены Вашим смущением и, в разное время, ставили передо мною Ваш вопрос. Для меня это — вопрос о непримиримости социальной морали и религиозной. Видимо — людям действительно трудно, если они — верующие, обращаются за разрешением сомнений своих ко мне, убежденному атеисту. Не думайте, что атеист — торжествует,— меня страдания человеческие никогда не радовали и не радуют. Но — вот что: если Вы, действуя по вере Вашей, все-таки ныне говорите о «пятне на совести», сомневаетесь в Вашем «праве на человеческое существование»,— для меня это значит, что вера Ваша поколебалась, что социальный человек, «сын своего народа» чувствует себя виновным именно пред своим народом, а уже не пред богом своим.

Поэтому я могу лишь человечески искренно пожелать, чтоб и остатки Вашей веры в бога — исчезли. Зачем Вам бог, который не может дать мир душе Вашей и бесплодно поглощает силу ее, полезную людям?

Затем разрешите напомнить Вам хорошие слова Иисуса, сына Сирахова:

«Люби душу твою и утешай сердце твое и печаль от себе отрини далече: многа бо печаль уби и несть пользы в ней».

Забавно Вам, что я Библию цитирую? Прекраснейшая книга, очень люблю ее.

Будьте здоровы.

А. ПЕШКОВ

III. 29

Архив А. М. Горького. Автограф А. Н. Мирошниченко. Шифр КГ-рл 17-55-1. Копия-автограф письма А. М. Горького. Шифр: ПГ-рл 26-39-1.

Русский театр отмечает 250-летний юбилей со дня рождения Федора Волкова, которого В. Г. Белинский назвал «отцом русского театра», выразителем «самобытных

Вот уже много лет не сходит со сцены «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского. В роли комиссара — Руфина Нифонтова.

Памятник А. Н. Островскому у Малого театра в Москве.

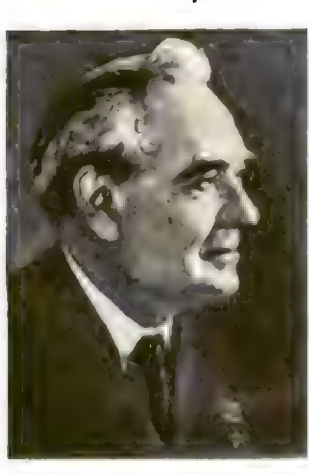
Малый театр в 20-х годах XIX в.

ТЕАТР СВОБОДОМЫСЛИЯ

проблесков народного духа». В связи с этой знаменательной датой наш корреспондент А. Романов обратился к председателю Всероссийского театрального общества, народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда Михаилу Ивановичу ЦАРЕВУ и попросил его ответить на несколько вопросов.

Великий русский драматург Александр Николаевич Островский (второй слева) среди артистов Малого театра. Справа — первая исполнительница роли Катерины в пьесе А. Н. Островского «Гроза» артистка Л. П. Никулина-Касицкая.

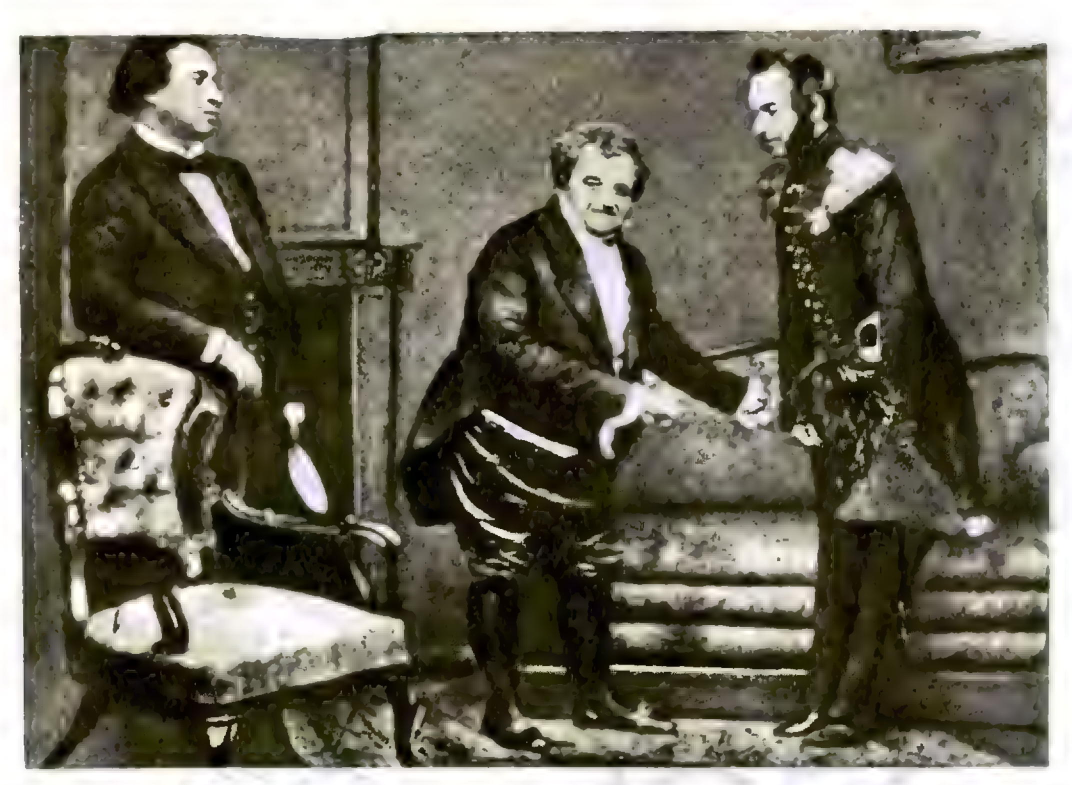

М. И. Царев.

— Анатолий Васильевич Луначарский в одной из своих статей отмечал, что Малый театр, средоточие театральной деятельности поколений, отразил все волнующие перипетии русской общественности и русского искусства, что «Горе от ума», «Ревизор», картины «темного царства» Островского, сатиры Сухово-Кобылина, театр Шиллера, Шекспира, Гюго превращались в прямые удары по господствовавшему над Россией духу тьмы. Хотелось бы знать ваше мнение, Михаил Иванович, об этих давних традициях.

— Государственный ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции академический Малый театр Союза ССР — один из старейших в стране и старейший в Москве. Его выдающаяся роль в развитии русской национальной культуры, тесная связь с историей освободительного движения, со становлением прогрессивной общественной мысли, передовой отечественной литературы общеизвестны.

Деятельность театра — ярчайшее проявление духовного богатства народа, создававшего в борьбе с жестокой политической реакцией величайшие художественные ценности. И что особенно важно, в разные исторические периоды разные актеры несли как бы одну эстафету — укрепляли в зрителях чувство протеста, ненависти к гнету, духовному и социальному, утверждали веру в человека, в торжество прогрессивных идей. Не случайно, в частности, Малый театр называли вторым Московским университетом, имея в виду его огромное, непрерывно растущее влияние на духовную жизнь общества. Малый театр от-

Основоположник реалистической школы в русском сценическом искусстве М. С. Щепкин (в центре) в роли Фамусова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Слева — исполнитель роли Чацкого — артист И. В. Самарин, Скалозуб — артист Г. С. Ольгин. (Фотография второй половины XIX в.).

крылся 26 октября 1824 года в бывшем купеческом особняке на Петровской площади (ныне площадь Свердлова), но фактически труппа сложилась и выступала задолго до того. Уже в 1756 году при Московском университете был создан первый публичный драматический театр.

Луначарский, с которого мы начали разговор, много раз подчеркивал, что каждая эпоха должна иметь свой театр, отражающий ее страсти, помыслы, надежды, злоключения, победы. Тем более важны традиции, бережно сохраняемые и развиваемые, непреходящие ценности культуры. Например, до сих пор не только не сходит со сцены, но идет с неизменным успехом «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. Я как директор Малого театра всегда выступал за непрерывность сценической жизни этой драмы, в которой на фоне нищеты, гнета, религиозного мракобесия прорывается чистая нота, светлый голос, поднимающийся над трудностями бытия, просветляющий душу русского человека. И конечно же, пьеса не только обличает власть тьмы, но и раскрывает крепнущую силу, способную развеять эту власть.

Говоря о традициях, нельзя забывать, что зерна, посеянные Федором Волковым на ниве театрального искусства, дали и дают обильные всходы, богатейшую жатву. Выйдя буквально из глубин народа, Волков прекрасно понимал, что театр — не просто развлечение, а трибуна борьбы, возможность высказать определенные идеи.

В содружестве с Сумароковым, ярким представителем русского классицизма, Волков воспринимал свое творчество как важную общественную миссию, как обязанность оставить след в умах современников, как возможность демократичного контакта и разговора со зрителем. Лебединая песня Федора Волкова — представление «Торжествующая Минерва», куда были включены народные обряды, скоморошьи игры и гулянья. Буквально сгорев от простуды в возрасте тридцати четырех лет, замечательный актер сумел за короткий срок заложить основы реализма, дал ход идеям, развитым Новиковым, Фонвизиным, Радищевым.

Говоря о Федоре Волкове, важно подчеркнуть, что вся история русского театра — это эстафета поколений великих подвижников, рыцарей сцены. Я уже писал в одной из своих книг, что началась эта история задолго до того, как в XVIII веке в русский обиход вошло само слово «театр». Ранее бытовали другие определения — «позорище» (оно встречается в «Повести временных лет»), «сатанинские» или «бесовские» игры (так именовались представления скоморохов), «действо» (главным образом представления на церковные, религиозные темы). Слово «драма» тоже было неизвестно на Руси до XVIII века, а всяческие представления назывались «игрищем» или «игрой».

Разнообразные по форме — обряды, народные празднества, скоморошеские выступления, — они вобрали в себя емкие, выразительные средства: песни, пляски, диалог, ряженые, бытовые сценки. Ученые документально подтвердили существование «игрищного» искусства в России уже в XI веке. Основным жанром первых русских артистов - скоморохов была сатира, или, как говорили в те времена, «глум». Недаром скоморохов называли «глумцами», то есть насмешниками. Церковь причисляла их чуть ли не к колдунам и преследовала наряду с ворожеями и волхвами. Существовала даже такая поговорка: «Бог дал попа, черт — скомороха». Скоморохов отлучали от причастия, изгоняли, их музыкальные инструменты «предавали сожжению». Но артисты продолжали свое шествие по Руси и во времена, когда появился профессиональный театр.

Традиции русского театра всегда питала правда жизни. Стоит лишь бегло посмотреть репертуар разных лет. Творения Пушкина и Лермонтова, Шекспира и Мольера, Шиллера и Лопе де Вега, Гюго и Ибсена. Только Малый театр дал сценическую жизнь всем 48 пьесам великого драматурга А. Н. Островского. А сделать это было совсем не просто.

По поводу комедии «Банкрот» Николай I собственноручно начертал на докладе цензурного комитета: «Совершенно справедливо, напрасно печатать, играть же запретить». В секретном отделении канцелярии московского генерал-губернатора было начато «дело о литераторе Островском», за которым к тому же учредили и надзор.

Самодержавие по-своему оценило творчество драматурга, который, по его словам, открыл страну Замоскворечье, «где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями...». Не случайно памятник писателю, считавшему формирование русского театра признаком совершеннолетия нации, — перед зданием, которое часто называют «Домом Островского».

Традиции театра — это и связь с людьми труда. В 1922 году был открыт филиал Малого театра в рабочем районе. Более полувека развивается содружество с коллективом металлургов завода «Серп и Молот», крепнут связи с рабочими завода «Компрессор», с одним из сельскохозяйственных районов Московской области, со слушателями военной академии. И эти приметы времени характерны для многих сценических коллективов, имя которым — советский театр.

— Можно ли считать традицией русского театра утверждение материалистических принципов, развенчивание всего мистического, религиозного, потустороннего!

— Я считаю, просто убежден, что материалистические позиции присутствуют буквально в каждой пьесе, в любой роли. У

всякого человека жизнь складывается по-своему. Скажем, у меня в семье благодаря отцу, работавшему фельдшером на железной дороге, всегда ощущался, как сейчас говорят, микроклимат безрелигиозности. Это, бесспорно, в чем-то определило мои сценические интересы и вкусы. Я много выступал на сцене театра «Безбожник». Находился он в Москве, на месте нынешнего книжного магазина возле Моссовета. Театр был в подлинном смысле слова молодежным. Мы сами шили костюмы, делали декорации. И «Праздник святого Йоргена» становился на нашей сцене праздником общения с молодым, верящим в новые идеалы зрителем.

На всю мою жизнь неизгладимый след оставила роль Феди Протасова в «Живом трупе». Сколько забрала она сил, труда, но и скольких научила. Может ли не быть сложным образ человека, поднявшего голос против отлаженной государственной системы, отрицающего нравственные, правовые, церковные устои общества и не имеющего никакой поддержки. Вообще толстовские образы обладают феноменальной притягательной силой. Когда-то, в молодости, я играл в инсценированной повести «Отец Сергий». А ныне приготовил, уже для радио, отдельные эпизоды повести и вновь переживал трагедию отца Сергия, человека, терзаемого сомнениями, истратившего на религиозную веру самые лучшие, бесценные, невосполнимые годы.

Горький, говоря об образе Луки в пьесе «На дне», заметил, что было много утешителей, примирителей и проповедников на тему: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, я успокою вас». Наиболее распространенным был, по мнению писателя, среди бродяг и странников «по святым местам» утешитель-профессионал: он утешает потому, что за это кормят. С такими утешителями, добавлял Горький, вполне выдерживают сравнение современные европейские журналисты из тех, которые утешают «страдающих и обремененных» капиталистов.

Мне как президенту Советского национального центра Международного института театров приходится много бывать за рубежом. Помню, на конференции драматургов и театральных деятелей в Шотландии резко звучали голоса представителей из разных стран против диктата католической цензуры, которой ничего не стоит наложить вето на ту или иную пьесу. Так что в этом плане не только у театра, но и у церкви есть свои традиции и преемственность.

— Михаил Иванович, несколько слов о сегодняшнем репертуаре, в частности, Малого театра.

— На двух наших сценах идут пьесы советских авторов, зарубежных драматургов, произведения русской и мировой классики — всего более 30 названий. В среднем мы даем 4—5 новых спектаклей в год. Интересны премьеры: «Беседы при ясной луне» Василия Шукшина и «Возвращение на круги своя» Иона Друцэ, посвященная Льву Толстому, истории его ухода из Ясной Поляны.

А. И. Герцен называл сцену парламентом литературы. Меткое и глубокое определение, отражающее саму суть театра. «Это не лекция, не проповедь, — писал он, — а жизнь, развернутая на самом деле со всеми подробностями, с всеобщим интересом... со страстями и ежедневностью».

Время рождает своих драматургов, актеров, зрителей. Театр — великое искусство, могучее, неугасимое действо, с непрерывно меняющимися поисками и находками. Театр — это зрелище радостное, грустное, смешное, это — учитель, советчик, опора... Театр — величайшая школа самосознания, свободомыслия. И применительно к нему вполне уместны и земны понятия «храм» и «священный», произнесенные однажды К. С. Станиславским:

«Ты, великий Малый театр — постоянный спутник и друг нашей жизни. Вот почему, входя в этот храм, мы всегда наполняемся священным волнением. Каждое место в этом зале знакомо и знаменательно. Вот кресло, на котором сидел И. С. Тургенев. А там, в ложе, я помню Ф. М. Достоевского. Напротив, в этой ложе, сиживал А. Н. Островский. Те, кто старше меня, помнят где-нибудь там, в амфитеатре, сидящую маленькую фигуру великого Н. В. Гоголя. Здесь ковалось подлинное русское искусство, искусство сердца и художественной правды».

ЛИТОГРАФ ЭПОХИ

А. СИДОРОВ

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ рисовальщиков в истории мирового искусства, замечательный живописец, оказавший влияние на ряд известных художников конца XIX — начала XX века, оригинальный ваятель, предвосхитивший развитие скульптуры на многие десятилетия. Число подобных характеристик неудержимо росло начиная с того времени, как картины Оноре Домье на «Столетней выставке французского искусства» 1900 года в Париже были признаны шедеврами национальной школы живописи.

Блестящий рисовальщик? Но известно, что Домье не придавал большого значения рисунку как самоценному виду искусства. Скульптура тоже в основном служила для него своего рода подготовительным материалом в работе над политической и бытовой карикатурой. Незаурядный живописец? Но серьезно и систематически заниматься живописью Домье начал только в конце 40-х годов, особенно в 60-е годы — время возрастающей социальной изоляции его как карикатуриста. И когда в 50-летнем возрасте художник решает полностью отдаться «чистому» искусству — искусству живописи, его станковые произведения почти не находят покупателей и он оказывается на пороге нужды. Наконец, даже если иметь в виду его сатирический дар карикатуриста, создавшего около четырех тысяч литографий, то не секрет, что Домье тяготился беспрерывной газетной поденщиной и даже как-то признался художнику Этьену Каржа, что уже 30 лет каждый день надеется, что делает последнюю карикатуру в своей жизни.

Оноре-Викторьен Домье родился 26 февраля 1808 года в Марселе — родине революционного гимна, ставшего впоследствии национальным гимном Франции. Однако революционером Домье сделали баррикады пролетарского Парижа.

Формирование Домье как художника революции начинается с освоения и осмысления им литографий — не просто определенного вида графической техники, а жанра политического, в первую очередь журнального. Он получил широкое распространение во Франции после Июльской революции 1830 года, став своего рода чутким барометром настроения оппозиционных слоев, общественно-политической трибуной прогрессивных сил. То было, по словам Бодлера, «прекрасное время для карикатуристов». Одна из первых карикатур Домье «Гаргантюа» (1831 г.), выставленная в витрине издательства «Обер», была воспринята и оценена публикой скорее как явление политическое, чем художественное. У витрины мгновенно собралась толпа, которая стала поносить правительство. Эта литография, определившая популярность Домье у массового зрителя, вовлекла художника в конфликтную ситуацию, где было впервые испытано его гражданское мужество. Суд департамента Сена приговорил художника к 6-месячному тюремному заключению и штрафу в размере 300 франков. Ничего удивительного! Ведь это была одна из первых карикатур на новый режим, получившая столь широкий и непосредственный общественный резонанс. И какая карикатура! На ней был представлен в образе новоявленного Гаргантюа сам Луи Филипп, восседавший на троне-стульчаке. По длинной

доске к открытой глотке великана поднимались государственные чиновники, доставлявшие ему пищу в виде золота, отнятого у народа. Это золото переваривалось в чреве Гаргантюа в грамоты, награды, министерские портфели, которые сыпались из нижнего отверстия трона прямо в руки представителей высших официальных кругов.

«Гаргантюа» — более чем шарж на Луи Филиппа, грушевидная голова которого пользовалась большой популярностью у карикатуристов. Это своеобразный сатирический монумент государственной машине, системе официального насилия.

Широкая социальная почва определила масштабность работ Домье, ту роль, которую они сыграли в культурной и общественной жизни Франции.

Литографии 1834 года «Улица Транснонен 15 апреля 1834 года», «Похороны Лафайета», «Свобода печати», «Все мы честные люди, обнимемся», «Этого можно отпустить на свободу, он нам больше не опасен» показывают Домье как художника масс, карикатуриста, сознательно и бескорыстно взявшего на себя роль народного трибуна, подчинившего свои художественные интересы служению интересам общенародным. Отмеченные работы ознаменовали новый качественный этап эволюции творчества Домье и, вместе с тем, развития жанра политической литографии в целом.

Искусство художника все более проникалось накалом реальной борьбы классов, бурные перипетии которой становились главным объектом его творчества. В литографии «Свобода печати» Домье создал монументальный и возвышенный образ подлинного героя истории — пролетария, поднявшегося на борьбу со своими угнетателями. Работа художника «Улица Транснонен» была по приказу правительства конфискована и уничтожена.

Ф. Жарон. Портрет Оноре Домье.

В сознании художника быт и политика были неразрывно связаны. Комедия нравов и комедия политическая являли для него две стороны одной медали буржуазной действительности. Карикатуры Домье, пробивая житейскую скорлупу непритязательного рядового анекдота, складывались в широкую панораму общественной жизни, объясняли «физиологию» не только рядового буржуа, но и «достойного» его буржуазного государства.

Домье называют обычно обличителем буржуазного быта, и эта оценка не противоречит словам Бодлера: «Никто не знал и не любил так, как любил он, буржуа, эту последнюю средневековую реликвию, эту готическую руину, чья жизнь так тяжела, этот тип одновременно и банальный и эксцентрический. Домье интимно сжился с ним, он подсматривал за ним ночью и днем, он узнавал его альковные тайны, он подружился с его женой и детьми; Домье знает форму его носа, конструкцию его головы, он знает, какой дух пронизывает его дом сверху донизу».

В графических сериях Домье «День холостяка» (1839 г.), «Супружеские нравы» (1839—1842 гг.), «Лучшие дни жизни» (1843—1846 гг.), «Добрые буржуа» (1846—1849 гг.) обыватель предстает и как жертва буржуазного государства, обкрадывающего его материально и духовно, и как отрицательный герой, вызывающий не только жалость, но и смех, презрение, даже отвращение, потому что именно он порождает и каждодневно воспроизводит буржуазный быт, являющийся главной опорой политики официального насилия. Наблюдение, познание и изображение жизни такой, как она есть, постоянно приводят Домье к выводу, что буржуазное общество не способно стать законным наследником гуманистических завоеваний человеческой истории и культуры.

В той широкой и по-своему монументальной панораме общественной жизни, которую создает Домье, «достойное» место отводится и религии. Правда, художник боролся не столько против религиозной веры самой по себе, сколько против религии как одной из форм проявления политической реакции, как одной из основ, освящающей именем Христа социальную несправедливость и ханжескую политику высших официальных кругов.

Так было и в начале его пути художника-сатирика, когда в своей первой антиклерикальной литографии «Алчущие насытятся» (1830 г.) он противопоставил сытого, толстого служителя церкви изможденному бедняку, в бессилии опустившемуся на землю. Так было и в годы расцвета творчества Домье, когда он создавал «Карикатюрану», герой которой, авантюрист Робер Макер, по ходу своих лицедейских превращений решил организовать религиозную секту — доходное предприятие по выкачиванию франков из доверчивых или ханжески настроенных обывателей.

И во времена закона католика Фаллу (1850 г.), который отдавал школьного учителя под надзор кюре и обязывал его преподавать катехизис, Домье выступил с рядом карикатур на ярого клерикала, лидера католической партии Монталамбера, требовавшего «предпринять внутреннюю римскую экспедицию», и на возвращение иезуитов в Париж. В них он раскрывает родственную связь представителей религиозной реакции (клерикалов) и апологетов реакции поли-

О. Домье. «Я собирался швырнуть в него...» (1869).

тической (бонапартистов). Одна из лучших среди этих карикатур — литография «Преподобный отец Горенфло вместо Мишле в Коллеж де Франс» (1851 г.), изображающая звероподобного невежественного монаха, занявшего кафедру уволенного прегрессивного историка Мишле и рьяно проповедующего в пустом, если не считать двух уснувших студентов, зале Коллеж де Франс. Мишле, увидев эту литографию, послал художнику восторженное письмо, в котором писал: «Ваш замечательный рисунок, выставленный повсюду в Париже, лучше осветил этот вопрос, чем десять тысяч статей... Благодаря Вам народ сможет говорить с народом».

Домье до конца своих дней неустанно следил за происками клерикальной реакции, мгновенно откликался на любое ее выступление, совлекал с нее религиозные одежды, обнажая ее политическую сущность. В конце 60-х годов, в связи с усилившимися вылазками окрепших в годы Второй империи церковников, требовавших изъять из библиотек сочинения Вольтера, Руссо, Мишле и других противников церкви, он создает карикатуру «Я собирался швырнуть в него...» (1869 г.), в которой осмеивает разъяренного иезуита, вымазанного чернилами из разбитой бутылки, которую тот хотел швырнуть в статую Вольтера. Карикатурой «Иезуит» (1867 г.) беспощадно, со всей силой своего сатирического таланта обрушился Домье на католическую церковь и ее союзников, расправившихся с национально-освободительным движением в Италии. Одним из первых в литографии «Римский страдалец» (1871 г.) Домье выразил торжество и радость прогрессивной общественности по случаю уничтожения светской власти римского папы.

Во всех, даже рядовых, эпизодах своей жизни и творчества Домье выказывал несгибаемую стойкость убеждений, проявлял себя как художник по призванию и революционер по духу. Биография Домье-человека не богата исключительными событиями, биография Домье — художника масс, для которого революция не кончалась с установлением нового политического режима, полна трагических коллизий и глубоких эмоциональных потрясений, потому что в ней отразился драматический дух борьбы за прогрессивные идеалы эпохи. Журнальная графика была для Домье в этой борьбе его главным оружием.

Да, Домье был «прикован к тележке» политической и бытовой литографии, его изматывала каждодневная работа в журналах. Он прекрасно осознавал и чувствовал засасывающую опасность подобного труда, опасность превращения своих творений в «шарманку, конфетку или восковую фигурку», то есть в безделушки, которые, по его словам, нравятся всем. И все же он продолжал свой путь карикатуриста, на который был обречен своей совестью и чувством долга перед народом. Домье взял на себя обязанность быть художником масс, ощутил себя мастером, лично и полностью ответственным за дело политической и бытовой карикатуры. Даже в тех случаях, когда социальная среда изменяла ему, когда подписчики периодических изданий, помещавших его карикатуры, стали упрекать художника в том, что он «рисует безобразие», а газеты и журналы отказывались сотрудничать с ним, Домье не поступился в угоду массовому вкусу, моде ни одним из своих принципов. Он оставался верен своим прежним эстетическим и политическим убеждениям. В своем творческом развитии он подступил к пределам возможного, к пределам художественной и социальной действенности литографии. Более того, он преодолел барьеры, заданные природой ее техники, и поднялся на ту ступень творчества, где традиционные, условные социальные и эстетические границы отдельных видов художественного мышления раздвигаются, создавая безграничное и всеохватывающее пространство подлинного и высокого искусства.

Да, Домье был одним из самых выдающихся художников своего времени. Его картины, более глубоко, по сравнению с литографиями, отразившие мир личных чувств и переживаний художника, — это скорее разговоры наедине с самим собой, чем полемические выступления, рассчитанные на общественный отклик. В живописных произведениях, посвященных Дон Кихоту, бродячим комедиантам, эмигрантам, слышится волнующий монолог художника, испытавшего горечь разочарования, крушения самых светлых надежд и идеалов, чувство одиночества. Тем не менее, и в станковом, этом наиболее камерном виде искусства, Домье создал образы, полные жизнеутверждающего гражданского звучания. Его картины «Семья на баррикаде» (ок. 1848 г.), «Восстание» (ок. 1848 г.), «Республика 1848» не менее страстно и мощно выразили революционный порыв своего века, чем «Марсельеза» или финал IX симфонии Бетховена.

«Если бы даже Домье, — писал известный советский критик Я. Тугендхольд,— не был деятелем трех революций, то и тогда его искусство не перестало бы быть революционным само по себе — по своему мироощущению, по своему тонусу. Это искусство — огненный сплав реализма с романтикой, быта с героикой. Это искусство — буря и натиск человеческого духа, рвущегося из оков мещанства».

О. Домье. «Преподобный отец Горенфло вместо Мишле в Коллеж де Франс» (1851).

О. Домье. «Дон Кихот» (около 1868).

СИЛОЙ ПЕЧАТНОГО СЛОВА

З. ПИСАРЕНКО

Хотя в Социалистической Республике Румынии (СРР) и нет периодических атеистических изданий, однако время от времени в некоторых журналах и газетах публикуются материалы, посвященные пропаганде и воспитанию научно-материалистического мировоззрения. Своим опытом в этой области поделились, например, на страницах органа Союза журналистов СРР «Преса ноастрэ» («Наша печать») несколько редакторов других периодических изданий.

В частности, редактор одного из них — «Фемея» («Женщина») — Ники Жеоржеску писала, что верующих среди слабого пола гораздо больше, чем среди мужчин. Учитывая это, женский журнал ввел специальную рубрику «Вера и легковерие», которая пользуется большой популярностью у читательниц. Здесь помещаются интервью, раскрывающие несостоятельность и вредность веры в гороскопы, гадания и тому подобные суеверия, статьи, отделяющие правду от вымыслов о влиянии Космоса на нашу планету («Солнце, Луна и мы», «Да, небесные светила влияют на нас, но как?» и др.). В критике предрассудков и мистики используется и жанр фельетона. В некоторых статьях журнала анализируются причины того, почему сектам все еще удается вовлекать в свои ряды молодежь, в частности девушек.

Наряду с материалами, имеющими антирелигиозную направленность, на страницах «Фемеи» публикуются и статьи позитивного характера, популяризирующие научный материализм и жизнеутверждающий характер марксистского атеизма. В них рассказывается и о работе женских комитетов по научно-материалистическому воспитанию. Часть таких статей и бесед помещается под рубрикой «Встречи журнала «Фемея». Другая регулярная рубрика — «Научные новости» — знакомит читательниц с последними открытиями, вскрывает ложный характер некоторых псевдонаучных теорий, пропагандирует техническое творчество.

Необходимо более активно и целеустремленно, пишет Н. Жеоржеску, убеждать женщин в том, что только сам человек является силой, средством и целью всех свершений. Следует воспитывать уверенность в своих способностях и возможностях, помогать постигать законы развития природы и общества.

Кое-кто высказывает сомнение, стоит ли женскому журналу затрагивать научную и мировоззренческую тематику, тем более что она все равно — притом гораздо глубже — освещается на страницах соответствующих научных, популярных и политических изданий, а также по радио и телевидению. По мнению Н. Жеоржеску, такие сомнения неправомерны. Ведь несмотря на широкий размах научно-технической и политической пропаганды многие женщины все еще ограничены в своем кругозоре и интересах. На протяжении веков им прививалась пассивность, неуверенность в своих умственных способностях. Это привело к притуплению любознательности. Женщины веками были лишены возможности учиться, и это тоже способствовало формированию у них индифферентного отношения к знанию, к учебе, к постижению законов развития природы и общества. Именно в силу этой своей отсталости, унаследованной от старого строя, женщины более восприимчивы к суевериям, мистицизму, к религиозным проповедям всякого рода, что и диктует необходимость активизации среди них пропаганды научно-материалистического мировоззрения, в частности и на страницах женского журнала, заключает автор.

Со статьей, посвященной особенностям пропаганды научно-материалистического мировоззрения в местной печати, в «Преса ноастрэ» выступил главный редактор газеты «Екоул» («Эхо»), издаваемой в г. Бистрица-Нэсэуд, В. Илован. Он пишет, что его газета стремится давать общедоступное изложение научных открытий, чтобы расширить кругозор читателей. Ведь низкий уровень научных знаний создает питательную почву для распространения псевдонаучных и религиозных взглядов. Газета выступает против проявлений мистицизма. Кроме того, она популяризирует опыт и методику научно-материалистического воспитания и атеистической пропаганды.

Так, например, газета писала о работе 57 народных университетов, критиковала их ошибки, показывала эффективность наглядной, в частности кинодокументальной, научно-материалистической пропаганды. В этом плане шла речь и о фильмах, которые сопровождались лекциями на темы «Ремесло и мистицизм», «Новые шаги на пути познания». Особое внимание местные журналисты уделяли атеистической работе в селах, где есть сектантские общины. В своих корреспонденциях они рассказали о том, как там были прочитаны лекции «Спутники, кометы, метеоры», «Наука о возникновении жизни», «Небесные явления и их истинное толкование». После разрушительного землетрясения, постигшего Румынию в марте 1977 года, газета посвятила ряд статей объяснению природы этого явления, опровергнув суеверия, связанные с подобным стихийным бедствием.

Главный редактор газеты «Пентру сочиализм» («За социализм», Марамуреш) В. Гафтоне сообщает, что она также систематически публикует атеистические материалы. На ее страницах популяризируется опыт, накопленный научными бригадами по атеистическому воспитанию. Первая из них в Марамуреше была создана еще лет 20 назад. Сейчас здесь 140 таких бригад. Газета поддерживает и освещает их работу, считая диалог с верующими полезным и эффективным. Особенно много писалось о комплексных бригадах, члены которых, не ограничиваясь атеистической тематикой, затрагивают в своих лекциях также вопросы внешней и внутренней политики, научные проблемы, сопро-

вождают свои выступления фильмами, диафильмами, химическими и физическими опытами, а иногда и скетчами. Разумеется, такие встречи со слушателями становятся более интересными и привлекательными.

Газета ввела ряд новых рубрик, под которыми публикуются материалы, посвященные атеистическому воспитанию. Среди них: «Контрпроповедь», «Культурные беседы», «Юридическая почта», «Здоровье», «Наука для всех» и другие. В них показывается, какое моральное удовлетворение и радость дает труд на благо общества; здесь же помещаются рассказы бывших верующих.

Центральный журнал «Ындрумэторул культурал» («Культурный наставник») также печатает статьи об атеистическом воспитании. Одна из них, например, посвящена проблемам научного познания. Ее автор О. Кецан пишет, что любая отрасль науки, начиная с ее отношения к природным явлениям и кончая выводами, к которым она приходит, — атеистична. Вот почему научное знание следует активнее использовать в борьбе с попытками современных религиозных идеологов удержать верующих в сфере своего влияния.

Что касается атеистической пропаганды, продолжает автор, то одна из главных ее задач — показывать, что никакая модернизация не в состоянии изменить антинаучную, реакционную сущность любой религии. По мнению О. Кецана, научное объяснение небесных явлений, наводнений, землетрясений и других стихийных бедствий наносит большой удар по религиозным представлениям. Кроме того, следует изучить и религиозный феномен сам по себе, его суть. Это важно не только теоретически, но и практически, так как повышает действенность атеистического воспитания и убедительность антирелигиозной аргументации.

К сожалению, однако, считает автор, печать пока еще помещает недостаточно материалов в помощь пропагандисту по истории, социологии и психосоциологии религии, которые раскрывали бы ее социально-историческую сущность. А такие публикации необходимы для научно-материалистического воспитания масс.

В статье И. Яноша показано значение искусства в этом деле. Он считает, что тут его необходимо использовать как можно шире и как можно чаще, ибо оно антропоцентрично — адресовано человеку и помогает ему познать самого себя. Искусство — явление, земное по своей сути; и уже по одному этому является антиподом религии, основанной на принципах ирреальности, ухода от действительности.

Статья Х. Кули рассматривает социологический аспект религиозного феномена. До недавнего времени, пишет он, такие исследования в СРР проводились лишь спорадически. В последние же годы наблюдается рост числа социологических опросов, отчетов и культурных экспериментов, что обусловлено активизацией атеистической пропаганды, научной борьбы с мистицизмом. Социологические исследования позволяют объяснить конкретные причины и масштабы религиозности и ее падения во всех слоях общества.

Сейчас этими исследованиями занимаются не только отдельные ученые, но и специальные научные бригады на центральном, областном и муниципальном уровнях, а также соответствующие вузовские кафедры, местные комитеты по культуре и социалистическому воспитанию, общественные организации, социологические ячейки. В центре внимания социологов находятся психологические аспекты религиозности и педагогика научно-материалистического воспитания. Результаты этих исследований обобщались в диссертациях, публиковались в печати.

Социологические исследования показывают, пишет Х. Куля, что индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, урбанизация, технический прогресс, культурная революция, повышение образовательного уровня, социалистический образ жизни способствовали распространению светских, научных знаний и падению религиозности населения Румынии. Важнейшую роль в этом процессе играют новые общественные отношения. Все меньше людей верит в бога. Большинство населения считает религиозные представления анахронизмом. Поэтому, подчеркивает автор, следует усилить работу по распространению научно-атеистических знаний. Это расширит и углубит научный кругозор людей, будет способствовать формированию у них материалистического миропонимания.

Социологические исследования выявили также связь между религиозностью, с одной стороны, и средой, возрастом, культурным уровнем, положением в обществе, жизненными критериями — с другой. Полученные данные показывают, что существует также связь и между характером семьи (как правило, у верующих родителей и дети вырастают такими же), структурой хозяйства, воспитанием в школе и самовоспитанием (под влиянием социалистических общественных отношений, культуры и искусства), с одной стороны, и религиозностью — с другой. Последняя обусловлена целым рядом факторов, самые значительные из которых: общественная пассивность, нетворческий характер деятельности, чувство неполноценности, случаи несправедливого отношения, активизация церковных организаций (в частности, применение ими литургических, богословских и иных новшеств), примиренческий подход к религии, а иногда и формальный характер самой атеистической пропаганды.

Таким образом, считает Х. Куля, социологические исследования подтверждают, что хотя ликвидация эксплуатации человека человеком и другие глубочайшие сдвиги, происшедшие в результате победы социализма, и привели к значительному сужению сферы влияния религии, однако они не могли до конца прекратить ее воспроизводство, поскольку оно все еще порождается частично сохраняющими свое воздействие историческими (сила традиций, характер семьи), гносеологическими и психологическими факторами. Нейтрализовать же их можно только путем постепенного изменения качества жизни в личностных микрогруппах (семейных, по месту жительства, учебы, работы и т. д.). Одним словом, научно-материалистическое воспитание только тогда приносит свои плоды, когда оно связано с жизнью людей, с конкретной действительностью, с созидательным трудом на благо общества.

ЗАЧЕМ ВАТИКАНУ „ИНСТИТУТ АТЕИЗМА"?

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат философских наук

В самую пору назвать бы его Институтом антиатеизма. Однако, не считая себя вправе именовать это учреждение иначе, чем это сделали сами основатели, сохраним за ним имя, коим оно было наречено 14 февраля 1977 года, в день своего рождения: «Институт по изучению атеизма».

Местом жительства ему определен папский Урбанианский университет в Риме, отметивший в том же году свое 350-летие. Таким образом, «младенец» сразу же стал подопечным почтенного старца, позаботившегося о том, чтобы приставить к нему многоопытного наставника в лице директора — отца Баттиста Мондена, считающего атеизм «наихудшим из всех зол». Чтобы торжественно отметить образование нового «научного» заведения, судя по всему предназначенного играть роль ударного отряда в борьбе с атеизмом, в вечном городе собрались семь кардиналов, три архиепископа, немало членов дипломатического корпуса, аккредитованных при «святом престоле», и многочисленная менее сановитая публика.

С учебной программой института всех постаралось познакомить католическое информационное агентство «Фидес». Состоит она из трех разделов — исторического, теоретического и феноменологического — и рассчитана на три года. Курсов лекций намечено около тридцати. Агентство перечисляет запланированные на первый учебный год, указав в скобках профессоров, которым поручено их чтение: «Философия религии и атеизма» (В. Миано); «Маркс, Энгельс, Ленин и атеизм» (Ф. Шкода); «Волюнтаристско-иррациональные корни атеизма: Ницше, Фрейд» (П. Микколи); «История дехристианизации» (Б. Жаклин); «Экзистенциалистский атеизм в театре и кино» (М. Ажасса); «Атеист и его поведение с точки зрения Библии» (Т. Федеричи).

Хотя этот перечень не обходит вниманием и буржуазное свободомыслие, львиная доля «боеприпасов» нового института предназначена для массированного обстрела марксистско-ленинского атеизма. Не оставляет места для сомнений в этом и основной доклад «Банкротство «научного» атеизма» (кавычки внутри заглавия сохранены там, где их поставила ватиканская газета «Оссерваторе Романо» от 16 февраля 1977 г.— М. Г.), с которым на церемонии открытия выступил архиепископ Вены кардинал Ф. Кёниг. Выбор докладчика, как и самой темы, вряд ли можно считать случайным. Ведь этот бессменный руководитель ватиканского Секретариата по делам неверующих слывет в католических кругах крупнейшим специалистом в области изучения (разумеется, с теологических позиций) атеизма.

Понимая, что одних саркастических кавычек, в которые Кёниг заключает прилагательное «научный» в сочетании со словом «атеизм», недостаточно, докладчик привел целый ряд неотразимых, по его разумению, аргументов. Например такой.

Марксистский атеизм, говорил кардинал, придерживается той точки зрения, что религия есть «ложное сознание» (кавычки Кёнига.— М. Г.), появившееся вместе с расколом общества на классы, не известное до этого раскола и осужденное на исчезновение вместе с уничтожением классового общества. Случайная оговорка? Думается, нет. Ведь в докладе эта мысль повторялась еще дважды: во-первых, когда кардинал уверял, будто марксисты «требуют от науки доказательств того, что до возникновения общественных классов в истории человечества был период, когда не существовало никакой религии»; и, во-вторых, когда он бросил научному атеизму обвинение в том, что тот «нуждается в догме, согласно которой у первобытного человека отсутствовала всякая религия».

И тут же, не переводя дыхания, дабы подтвердить, что именно такую позицию занимает марксистский атеизм, Кёниг выделяет следующий отрывок из неназванного им советского источника: «Наука неопровержимо доказала, что возникновению первых форм религии предшествовал длительный безрелигиозный период. На основе археологических открытий было установлено, что человек начал существовать примерно миллион лет тому назад. Однако ни одна из раскопок не обнаружила материала, который доказывал бы наличие религиозных представлений у людей наиболее древних эпох. Только у человеческих существ, живших 50—100 тысяч лет тому назад, были найдены признаки, свидетельствующие о том, что у них были религиозные представления».

Серьезный просчет Кёнига заключается не в том, что он воспользовался устаревшим советским источником,— на основании археологических данных более чем десятилетней давности антропология, в том числе советская, удлинила возраст человечества примерно втрое, — а в том, что он вообще им воспользовался.

Не отдавая себе отчета в том, что даже этот источник не оставляет камня на камне от его утверждений, кардинал делает из приведенной цитаты далеко идущие и весьма нужные ему выводы: «...Для советской пропаганды, с того момента, когда было показано, **где** и **когда** зародилась религия, найдено будто бы доказательство, что последняя не содержит истины, что бог не существует».

Действительно: **где** (с той точки зрения, которую Кёниг пытается навязать «советской пропаганде») возникла религия? В классовом обществе. **Когда?** 50—100 тысяч лет тому назад. Позвольте, вправе возразить любой читатель средней грамотности, да ведь тут концы с концами не сходятся: если религия появилась десятки тысяч лет тому назад, то это никак не могло произойти в классовом обществе, поскольку возраст древнейших рабовладельческих государств не превышает шести тысяч лет.

Выходит, советский источник «помог» кардиналу доказать как раз то, что он изо всех сил старается опровергнуть: научный атеизм относит зарождение древнейших религиозных представлений именно ко времени первобытного, доклассового общества.

Однако, продолжает кардинал, если к археологии сторонники марксистского атеизма обращаются охотно (так как она позволяет им отстаивать «догму» о том, что религия есть продукт исключительно классового общества), то этнографии они боятся пуще огня. И не зря, ибо «новейшие этнографические открытия показали, что наиболее отсталые народы земли, как, например, африканские пигмеи, негроиды Юго-Восточной Азии, жители Огненной земли, не лишены религии» (заметим в скобках, что в Юго-Восточной Азии негроидов нет, а есть они в Австралии и Океании, в том числе и на Новой Гвинее). Таким образом, из доклада Кёнига мы узнали, что, оказывается, по мнению атеистов, у первобытных людей религиозных верований «никогда и в помине не было».

Казалось бы, носителям подобных взглядов не нужна даже наука: ведь приведенный тезис может покоиться лишь на слепой вере. И все же от науки отказаться Кёниг не может. В наш век тяжких для теологии испытаний ей не выжить без ссылок на должным образом препарированные «научные» данные, без переделки самого богословского понятийного аппарата на «научный» лад. Всем этим клерикальный идеолог оснастил свое выступление весьма обильно.

Хотя идеологические позиции марксистов-ленинцев и клерикалов несовместимы, и те и другие несомненно согласятся с тем, что любой автор или лектор, независимо от его убеждений, должен знать предмет, который берется рассматривать, если не во всех тонкостях, то хотя бы в общих чертах. Не станем греха таить: в этом отношении мы неверно оценивали Кёнига. Мы, разумеется, давно знали, что в его лице имеем дело с убежденным и непримиримым идейным противником, но полагали, что еще и с высокообразованным. И, увы, ошиблись...

Однако неверно было бы думать, что доклад Кёнига целиком обращен в далекое прошлое. У него имеется и вполне современный (для клерикализма, разумеется) аспект, а имен-

но: антикоммунистический, антисоветский. Научный характер атеизма подвергается кардинальской атаке и по той причине, что он «выступает одним из основных аргументов, во имя которых в социалистических странах вера и религия низведены до уровня неполноценных париев, а это в указанных странах приводит к очень горьким для миллионов верующих последствиям».

Уж если Кёниг (в который уже раз!) снова об этом заговорил, то тут нам дополнительно понадобятся некоторые свидетельства зарубежной печати. В 1977 году, например, два буржуазных журнала в Италии повели речь о том, что в этой стране духовенство все более утрачивает контакт с миром и с каждым днем вытесняется на периферию общественной жизни, что народ, несколько лет тому назад с энтузиазмом именовавший себя народом божьим, ныне перестает понимать, к какой церкви принадлежит, и считает, что его пастыри говорят на непонятном, искусственном языке, обращенном к несуществующему миру [1].

Это ли не признание глубокого упадка религии, ощущения ее неполноценности и ущербности? Так логично ли выводить из «агрессивности» научного атеизма и советских атеистов кризисные явления в религиозной сфере, наблюдаемые отнюдь не только у нас?

Заключительный аккорд доклада Кёнига был выдержан в том же антисоветском духе. В СССР, «констатировал» он, наука должна поставлять аргументы «для сохранения общества, состоящего из двух классов: привилегированного класса атеистов и ущемленного класса верующих. Достойно особого сожаления то обстоятельство, что это зрелище наблюдается в рамках политического движения, которое вначале намеревалось покончить с любым классовым господством». Итак, под конец кардинал снова оседлал своего любимого конька: ведь именно ему, — читателям «Науки и религии» это известно [2],— принадлежит «открытие» в нашем обществе двух выделенных им классов. Однако на сей раз он сделал «шаг вперед», сформулировав в адрес на названной, но недвусмысленно подразумеваемой им нашей Коммунистической партии обвинение в том, что она якобы не сумела преодолеть классовое неравенство.

Поскольку клеветнические наскоки кардинала принимают совершенно недопустимый оборот, возникает настоятельная необходимость по достоинству оценить его «аргументацию». Несомненно, клерикальный деятель такого рода не может разделять наше понимание классов и классовой борьбы, но иметь о нем хотя бы общее представление обязан, коль скоро берется об этом судить. Определяющими признаками классов марксисты-ленинцы считают их место в системе общественного производства, их отношение к средствам производства, их роль в общественной организации труда, способ получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают. Очень важно также учитывать, что один класс может присваивать себе труд другого.

Таковы широко известные ленинские критерии. У кардинала же «критерий» всего один и, конечно же, совсем иной: классовая принадлежность людей «определяется» их отношением к богу, религии, церкви. При этом прелат затушевывает главное — эксплуататорскую сущность капиталистического общества; сначала он с ученым видом выдвигает бесподобную по своей нелепости концепцию классов и классового антагонизма (хотя в ней нетрудно уловить связь с клерикальным тезисом о том, будто основное противоречие нашей эпохи вытекает из конфликта между атеизмом и религией), а затем нападает на Коммунистическую партию и советский общественный строй за то, что у нас не ликвидировано придуманное им, Кёнигом, «классовое господство угнетателей-атеистов над угнетенными верующими».

В свете сказанного Кёнигом весьма также знаменательны заверения, прозвучавшие на той же церемонии в речи другого кардинала — «великого канцлера» Урбанианского университета А. Росси. «Институт не нацелен против определенных политических и социальных режимов, — утверждал он, — институту нет никакого дела до политики». Возможно, эти слова и прозвучали бы искренне, не будь в той же речи таких вот, к примеру, высказываний: «Даже если бы мы имели дело с одним лишь неудержимым натиском агрессивного и вероломного атеизма, навязывающего в сфере воспитания и в социальных отношениях несправедливость атеизации, то уже в одном этом случае институт был бы нужен».

Впрочем, иначе и быть не могло. Ведь новоиспеченный ватиканский институт призван выполнять четкий социальный заказ тех классов, чьим идеологическим рупором являются консервативно-клерикальные круги. Поэтому стратегическая задача, поставленная перед вновь созданным учреждением, — попытаться подорвать престиж научного атеизма, парализовать или хотя бы ограничить и ослабить его влияние — есть задача классовая и политическая.

Сторонники марксистско-ленинского атеизма никогда не скрывали свою связь с политикой: им незачем ее скрывать, поскольку это политика прогрессивная, направленная на освобождение масс от экономического, социального и духовного рабства. А наши мировоззренческие противники, на деле уйдя с головой в политику, на словах открещиваются от нее, ибо это политика наихудшего толка, направленная на освящение и сохранение наемного рабства.

Эти соображения верны и в отношении третьего оратора, директора института Б. Мондена. Как, скажем, оценить его заявление о том, что «в атеизме нет гуманизма, а есть варварство, нет свободы, а есть угнетение, нет истины, а есть мракобесие»? Может быть, как свидетельство того, насколько «непричастен к политике вверенный его пастырскому попечению институт»? Или как проявление христианской кротости, смирения и всепрощения? Причем в таком духе выдержано почти все его выступление.

И вот что еще важно: неистовства в нем сколько угодно, но попыток хоть как-то обосновать свои наветы — ровно никаких. Между тем в своей обличительной речи руководитель института обронил такое признание: «...Культурные феномены нашего времени — в основном атеистические». Выходит, современную культуру творят, главным образом, варвары и мракобесы?

Знакомство со всеми этими выступлениями приводит к выводу, что они содержат множество неувязок, причем каждый оратор зачастую вступает в противоречие не только с двумя остальными, но и с самим собой, а все вместе — со здравым смыслом.

В самом деле: если научный атеизм объявлен банкротом, то какая необходимость учреждать целый институт для борьбы с ним? И как в этой связи понимать слова, которыми начал свое выступление кардинал Росси: «Институт по изучению атеизма с такой очевидностью актуален, срочность его создания в лоне церкви настолько бесспорна, что нет надобности в пространных доказательствах и обоснованиях». В таком случае, чем же вызваны такая жгучая актуальность и лихорадочная поспешность? Тем, что церковь крайне встревожена опасностью, исходящей от «банкрота»?

Да и что это за банкрот, если к нему тянутся все новые миллионы людей? Ведь не кто иной, как Монден, признает, что современная культура развивается главным образом под знаком атеизма, что если в прошлом объектом деятельности миссионеров были язычники, то ныне «фронт миссионерства в широкой степени противостоит фронту атеизма». В широкой степени! Чтобы сдерживать наступление «банкрота»? «Наши исследования направлены на выяснение причин, способствовавших распространению атеизма в современном мире», — заявляет тот же Монден. Выходит, атеизм потерпел «настолько жестокое поражение», что необходимо в срочном порядке заняться изучением причин его распространения во всем мире.

Святые отцы настолько увлеклись своей обычной игрой словами, что, по сути, признали: религия сегодня находится в состоянии кризиса, а атеизм завоевывает все более широкие массы.

г. Кишинев

---

[1] «L' Europeo», Milano, 14. I. 1977, p. 25; «Epoca», Milano, 26. I. 1977, p. 11.

[2] См. статью А. Окулова «Кардинал в роли дезинформатора», «Наука и религия», 1976, № 6.

Со всего света

ЗА КАДРОМ

● В Лондоне прошла премьера трехчасового телевизионного «биографического» фильма о пророке Мухаммеде. Постановка этого «супербоевика» обошлась в 15 миллионов фунтов стерлингов. Любопытно при этом, что сам главный герой — как то предписывают каноны ислама — ни на миг не появляется на экране.

«БЕЗНРАВСТВЕННЫЕ» КЛАССИКИ

● Известный своими грозными проповедями против безнравственности греческий митрополит Августинос запретил духовным лицам проходить или проезжать мимо здания министерства просвещения в Афинах, дабы стоящая там скульптура Посейдона «не совращала их с пути истинного». Дело в том, что античный мастер изобразил бога моря без фигового листка.

Новинки Литературы

Н. Аширов. МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ. М., Политиздат, 1978, 80 стр., 100 000 экз., 15 коп.

В книге критически анализируются мусульманские проповеди последних лет. Раскрывая их характер и идейную направленность, новые тенденции в проповеднической деятельности мусульманских служителей культа, автор предлагает конкретные рекомендации по методике изучения и критике проповедей, по нейтрализации их воздействия на сознание людей. Работа написана простым, доходчивым языком.

Г. М. Лившиц. АТЕИЗМ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА. Минск, «Вышэйшая школа», 1978, 224 стр., 1 000 экз., 2 руб. 60 коп.

Монография посвящена разработке материалистических и атеистических воззрений немецкого философа, написана на основе тщательного изучения сочинений самого Фейербаха и обширной литературы на русском и иностранных языках, относящейся к теме исследования.

«НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ И ИХ РОЛЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ». Библиотечка из пяти брошюр. М., «Знание», 1978.

Первые две брошюры библиотечки — «Новые праздники и обряды — в жизнь», вып. I (56 стр., 25 000 экз., 10 коп.) и вып. II (80 стр., 25 000 экз., 10 коп.) — дают характеристику праздникам и обрядам как специфическому социальному явлению, рассказывают об опыте патриотического воспитания в Белоруссии, о работе комиссий по новым обрядам и праздникам на Украине. В библиотечку входят также брошюры: И. И. Фурсин «Обрядность и ее место в социалистическом образе жизни» (48 стр., 25 000 экз., 5 коп.); Ю. П. Зуев и Н. В. Трусенева «Роль социалистической обрядности в формировании нравственного облика советского человека» (32 стр., 25 000 экз., 5 коп.) и В. С. Глаголев «Эмоционально-психологические основы советской обрядности» (40 стр., 25 000 экз., 5 коп.).

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Алексеев. ПУТЬ К УСПЕХУ. «Агитатор», 1978, № 18, стр. 48.

«Атеистическая литература»: идейный и теоретический уровень». «Коммунист», Вильнюс, 1978, № 4, стор. 83—86.

А. Бабий. ЦЕННОСТИ МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ. «Коммунист Молдавии». Кишинев. 1978, № 3, стр. 93—96.

М. С. Бутинова, З. П. Соколова. Рецензия на кн.: «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (II половина XIX — начало XX в.». «Советская этнография», 1978, № 2, стр. 153—158.

Ф. А. Быску. Атеистическое воспитание молодежи на современном этапе. В кн.: «Проблемы коммунистического воспитания». Кишинев, 1978, стр. 145—163.

«Ватикан в ожидании перемен. Но в каком направлении?» «За рубежом», 1978, № 37, стр. 19.

Х. П. Вахидов. Идейная борьба в Туркестане в конце XIX и начале XX века. «Вопросы философии», 1978, №10, стр. 87—96.

«Великий Октябрь, марксистско-ленинская философская наука и развитие научного материалистического мировоззрения». М., 1978. Из содержания: **П. К. Курочкин.** Созидательная роль научно-материалистического атеистического мировоззрения в процессе формирования нового человека, стр. 3—15; **А. Ф. Окулов.** Новая Конституция СССР и проблемы свободы совести, стр. 16—29.

Л. Великович. Современный католицизм: новое и старое в идеологии и политике. «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 3, стр. 107—114.

В. Н. Горегляд. Некоторые аспекты буддийского влияния на японскую литературу IX—XII вв. В кн: «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». I. М., 1978, стр. 66—74.

И. Григулевич. Перемена в Ватикане. «Новое время», 1978, № 38, стр. 28—30.

Я. Гурановский. Некоторые актуальные проблемы борьбы против клерикальной идеологии в современных условиях ПНР. В кн: «Актуальные философские проблемы развития социалистического общества». Материалы и документы 2-й сессии Комиссии философов СССР и ПНР. Вып. I. М., 1978, стр. 174—180.

В. Корнев. Буддизм и современность. «Азия и Африка сегодня», 1978, №8, стр. 54—58.

А. Н. Кочетов. Вселенная, время, пространство в мировоззрении буддистов. «Философские науки», 1978, № 2, стр. 115—124.

Л. Кравчук. Нравственность и атеистическое воспитание. «Агитатор», 1978, № 20, стр. 46—48.

М. Кубланов. Кумранский узел (Христианство, старые проблемы и новые открытия). «Наука и жизнь», 1978, № 6, стр. 86—92.

В. Кувенева. Кризис религиозной идеологии и ревизионизм. «Агитатор», 1978, № 16, стр. 44—45.

Р. Г. Кузеев. Задачи совершенствования нравственного, эстетического атеистического воспитания в педагогическом вузе. В. кн.: «Комплексный подход к коммунистическому воспитанию студентов педагогических институтов». Курск, 1978, стр. 131—136.

Н. Левчук. Повышаем действенность атеистического воспитания. «Коммунист Белоруссии», 1978, № 1, стр. 75—79.

Л. А. Леленков. Рецензия на кн.: Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. «Народы Азии и Африки», 1978, № 1, стр. 208—213.

Т. А. Леонова. Финансовые отношения английского государства и Римской курии в XIV в. (1317—1378 гг.). В кн.: «Проблемы истории докапиталистических формаций». М., 1978, стр. 43—55.

«А. С. Макаренко — педагог и писатель». Сумы, 1978. Из содержания: **К. П. Киндрат.** Вопросы атеистического воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко, стр. 45—46; **М. Д. Шевченко, Д. А. Шуб.** Педагогика атеистического воспитания в свете учения А. С. Макаренко, стр. 48—49.

А. С. Мартынов. Су Дун-по (1036—1101) и буддизм. В кн.: «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». 2. М., 1978, стр. 218—224.

Е. В. Маят. Рецензия на кн.: А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. «Вопросы философии», 1978, № 8, стр. 176—177.

К. А. Мелик-Симонян. Образ ведуна в традиционных африканских верованиях. «Советская этнография», 1978, № 2, стр. 39—52.

К. А. Мелик-Симонян. Социальные функции ведовства в африканских обществах. Обзор трудов британских социальных антропологов (1940—1970 гг.). «Народы Азии и Африки», 1978, № 1, стр. 185—196.

Н. А. Мещерский. Новое об источниках «Изборника 1076 года». «Вестник Ленинградского ун-та», 1978, № 2, вып. I, стр. 60—69).

А. А. Митрюк. Формирование научно-материалистического мировоззрения молодежи как фактор повышения ее социальной активности в условиях развитого социализма. В кн.: «Социализм и молодежь». М., 1978, стр. 55—59.

«Необходимость и перспективы единства действий» (встреча марксиста и христиан Чили). «Проблемы мира и социализма», 1978, № 10, стр. 54—66.

«Общество и государство в Китае. IX научная конференция». Ч. I, 3. М., 1978. Из содержания: **Г. Э. Горохова.** К вопросу о структуре раннедаосского философского учения, стр. 77—84; **А. И. Зйдлин.** Относительно аутентичности трактата Сэн Чжао «О безымянности нирваны», стр. 142—147; **Н. В. Абаев.** Некоторые явления архаичного происхождения в теории и практике чань-буддизма, стр. 148—150; **Л. Е. Янгутов.** О возникновении школы Хуа-янь (VI—X вв.), стр. 150—155; **В. С. Дылынова.** Медитация в буддизме ваджраяны, стр. 156—162; **Е. Б. Поршнева.** О понятии «религиозная секта» — сецзяо, стр. 222—238.

МУЗЕЙ ТЕАТРА

«Когда во мне утвердилось убеждение, что собрание мое достигло тех пределов, при которых распоряжаться его материалами единолично я уже не считал себя вправе, — я задумался над вопросом, не обязан ли я, сын великого русского народа, представить это собрание на пользу этого народа», — писал Алексей Александрович Бахрушин, обладатель уникальной театральной коллекции.

В июне 1894 года он впервые выставил свою коллекцию на обозрение друзьям, а 29 октября того же года она была открыта для всех желающих. Этот день и считается днем рождения театрального музея, носящего теперь имя создателя — большого энтузиаста и поклонника русского театра А. А. Бахрушина.

Уже коллекция Бахрушина, заложившая основу фондов музея, была тем систематизированным собранием, по которому можно было изучать историю русского театрального искусства. Художники, режиссеры, актеры, искусствоведы постоянно пополняют фонды музея, в наши дни насчитывающие около миллиона экспонатов. Здесь и ценнейшие архивы А. Н. Островского, М. С. Щепкина, М. Н. Ермоловой, В. Ф. Комиссаржевской и других. Здесь и уникальные афиши, и редкие книги, и «театральные вещи» — автографы, программки, костюмы, балетные туфли и т. д.

Театральный спектакль, работа актера — явление в искусстве очень хрупкое и по сравнению с живописью, или книгой, или фильмом очень недолговечное. Что говорить, если каждый спектакль в каждое свое представление единствен и неповторим! В памяти культуры, в истории театра он остается в описании придирчивого критика и осчастливленного зрителя. С появлением звукозаписи с вращающегося черного чуть похрипывающего диска мы можем услышать голос знаменитого актера в знаменитой роли. Иван Михайлович Москвин — царь Федор Иоаннович... И эскизы декораций, портреты... Живопись — еще один, долговечный и щедрый рассказчик о театре.

В декорационном отделе театрального музея собрано множество декораций, костюмов, портретов — около семидесяти тысяч экспонатов.

Сдано в набор 16. 11. 78.
Подписано к печати. 28. 12. 78.
А 05371.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 11,08.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 05593.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

В. А. Симов. Сад. Эскиз декораций IV действия первой постановки пьесы А. П. Чехова «Три сестры» (1901 г.).

Портрет А. А. Бахрушина работы Н. А. Андреева (1923 г.).

К. Ф. Юон. Бульвар под монастырской стеной. Эскиз декорации II акта комедии А. Н. Островского «Сердце не камень» (1915 г.).

Б. М. Кустодиев. Тула. Эскиз декорации I акта инсценировки Е. И. Замятина «Блоха» по повести Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» (1925 г.).

Театральные работы таких известных художников, как М. Кирцгинер, П. Гонзаго, И. И. Левитан, А. Ф. Гельцер, В. Д. Поленов, М. А. Врубель, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, рассказывают о развитии русского театрального искусства, об истории театра, о его выдающихся деятелях, о быте и нравах каждой эпохи. Своим посетителям музей, имеющий, по словам А. В. Луначарского, «... значение не только для Москвы, нашего Союза, но и для всего культурного мира», — открывает многие страницы истории русской культуры.

Цена 30 коп.
70602

33-13

В следующем номере

«Я ГОВОРЮ ОТ ИМЕНИ ГОРЯНОК...»

Народная поэтесса Чечено-Ингушетии Раиса АХМАТОВА рассказывает о судьбах женщин, получивших право на счастье, на свободный труд.

«Нравственность зависит не от веры, а от человека, его ума», — говорят данные исследований, которым посвящена статья Н. АЛЕКСЕЕВА и Л. ПОПОВА «Нравственность в зеркале социологии».

РОДНИКИ

Этот уголок Российского Черноземья по-своему уникален: Белинский район, сельсоветы Лермонтовский и Чернышевский. О своей поездке в этот край рассказывает специальный корреспондент журнала А. ШАМАРО.

Был ли Альберт Эйнштейн верующим? Как понимать его «религиозность»? Этим вопросам посвящена статья кандидата философских наук Л. ДРУЯНОВА о мировоззрении великого физика.

КРЕСТ

Рассказ современного индийского писателя Д. ДЖЕЯКАНТАНА.

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД
О ЦАРИЦЕ САВСКОЙ

Очерк востоковеда О. ГЕРАСИМОВА о поездке по странам, где живы предания о правительнице сабеев, которая была гостьей библейского царя Соломона.

БОГ В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Наш век по справедливости можно было бы назвать веком женщины: именно в XX столетии она впервые в истории обрела полное равенство сначала в СССР, затем в других социалистических странах, а также добилась предоставления ей политических прав в большинстве капиталистических и развивающихся государств. Не устоял под ветром перемен и самый консервативный институт старого общества—церковь. Читайте об этом в статье Т. БЛАГОВОЙ.